

A large, ancient tree with thick, gnarled roots dominates the foreground. The tree's trunk is massive and textured, with roots spreading out across the ground. The background shows a misty forest landscape with rolling hills and a stream, bathed in soft, golden light, suggesting a sunrise or sunset.

КОРНИ ТАЙНЫ

СЕРГЕЙ МАКАРОВ

Сергей Макаров

Корни тайны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68434831

SelfPub; 2022

Аннотация

Скоропостижная загадочная смерть крупного бизнесмена запустила цепь событий: сможет ли его сын Роман унаследовать бизнес? или бизнесом завладеют топ-менеджеры? Адвокат Станислав Белогоров, к которому за помощью обращается мать наследника, вынужден разбираться не только в переплетениях бизнеса, но и во взаимоотношениях родителей наследника, в его сложных отношениях с матерью, во множестве других обстоятельств, возникающих на пути оказания помощи. А тем временем опасность угрожает и наследнику, и его матери. Кто охотится за ними? Сможет ли Белогоров помочь Роману оформить наследство отца? И успеет ли помочь? Тайна – есть, осталось понять ее корни.

Сергей Макаров

Корни тайны

*Посвящается
светлой памяти
Лучшего друга*

Мужчина стоял ошарашенный, совершенно опешивший – и с растерянностью и недоумением смотрел на женщину, стоящую рядом с ним.

А женщина эта всю свою злость и ненависть вложила в яростные вопли, которые она кричала – да что там, просто орала – другому мужчине, располагавшемуся за столом напротив нее.

Все это было в зале судебного заседания, проходившего в пятницу, 10-го ноября 2017-го года.

Женщина была истица по делу о разделе совместно нажитого имущества, Стелла Альбертовна Костромина. Мужчина, в полном ауте стоящий рядом с нею – это был ее адвокат; он явно не ожидал, что случится подобная отвратительная истерическая сцена, и даже не скрывал растерянности и одновременно – вполне естественной неприязни к истерящей дамочке.

А мужчиной, в адрес которого она орала все эти свои вопли, был Станислав Владимирович Белогоров – адвокат ее

бывшего мужа, Олега Григорьевича Костромина.

– Он, сволочь, все подстроил!!! Он все так устроил, чтобы я ничего не получила!!! Он был такой заботливый, такой внимательный – мерзавец! – хотел, чтобы я дома сидела, детьми занималась и ни во что не вмешивалась! И еще, гад, спросил, чем бы я хотела заниматься, предлагал салон красоты или картинную галерею мне купить! Деньгами заваливал – лишь бы держать подальше от своего бизнеса! Тварь! Сволочь! Мразь! С работы всегда вовремя приходил, никогда не задерживался – проверял, тварюга, дома ли я, не встречаюсь ли с кем! Ну я доберусь до него!!!

Судья флегматично спросил:

– Так Ваш вопрос к стороне ответчика в чем?

– Нет у меня вопросов к этому негодяю!!! Мой муж – трусливая сволочь, сам побоялся явиться, прислал вместо себя этого наглого адвоката!

С этими словами она схватила шариковую ручку своего адвоката и швырнула ее в сторону адвоката Белогорова. Он уклонился от столкновения с этим летящим в него предметом, а потом также и от летящей следом помады, брошенной этой неуравновешенной дамочкой уже из ее собственной сумки.

А заодно и от конфетки, полетевшей напоследок.

– Сама все сделаю! Я знаю, чем его задеть – нашими детьми! Он, мерзавец, делает вид, что любит их, изображает из себя хорошего отца! Ну так я лишу его этой радости!

С этой угрозой прооравшаяся растрепанная фурия схватила сумку, со словами «А ты – тупой придурок!» оттолкнула своего адвоката и выбежала из зала – оттолкнув еще и пристава, на всякий случай незаметно вызванного судьей.

Адвокат Белогоров что-то написал в телефоне, пока он и все остальные свидетели этой безобразной истерики полминуты приходили в себя от нее.

Адвокат Костроминой растерянно развел руками. Белогоров с пониманием развел руками в ответ.

Судья возобновил заседание:

– Сторона ответчика, так что вы скажете?

Адвокат Белогоров встал из-за стола:

– Уважаемый суд, мой доверитель унаследовал весь свой бизнес в готовом виде от отца – Григория Николаевича Костромина. Конечно, вложения во время брака были, поэтому мы и заявили встречный иск о том, чтобы бизнес полностью остался моему доверителю, а своей жене он выплатил компенсацию ее доли по рыночной стоимости.

Заседание скоро подошло к удалению судьи в совещательную комнату и последующему оглашению решения.

Выйдя из здания суда и идя к своей машине, Станислав сразу же стал набирать номер на телефоне.

Абонент срочно ответил:

– Да, Станислав Владимирович, жду Вашего звонка.

– Дети у Вас?

– Да. Спасибо, что Вы написали – я сразу же поехал за

ними.

– Вы вывезли их?

– Да. Я забрал их к себе

– Тогда все хорошо. Олег Григорьевич, хоть Вы и не хотели травмировать детей процессом по определению их места жительства, придётся это делать – сегодня стало ясно, что Ваша бывшая жена способна на все, и она прямо угрожала этим.

– Увы, теперь понимаю это.

– Заседание завершилось, суд разделил имущество по нашему варианту – бизнес остался Вам полностью, Вы выплачиваете ей компенсацию. Но будет еще их апелляция в Мосгорсуд.

– Понимаю. Спасибо!

Во второй половине этого дня Станислав приехал в офис своей коллегии адвокатов. Поднимаясь на четвертый этаж (это давалось ему тяжело, из-за его полноты, но кроме срочных случаев он принципиально не пользовался лифтом, чтобы давать себе такую нагрузку), мимо качественно сделанных копий картин французских импрессионистов, он думал, сколько дел наметилось на эту самую вторую половину дня.

Восстановив перед дверью офиса дыхание, он бодро вошел. Увидев его, секретарь Алина вышла из-за рецепции, приняла у него плащ, спросила, нужно ли кофе, и сказала:

– Вам звонила дама, спрашивала конкретно Вас. Я сказала, что Вы будете после шестнадцати часов.

– Все верно.

В начале пятого часа пополудни, когда Станислав был в своем кабинете, разбирая бумаги и готовясь к встрече, которая должна была начаться в 17:00, ему позвонила Алина:

– Станислав Владимирович, звонит та дама, которая звонила в первой половине дня, стала спрашивать, как можно приехать к Вам сегодня, она очень просила принять ее как можно скорее. Я сказала, что спрошу у Вас.

– Хорошо, Алина, ты все правильно сказала. Соединяй меня с нею.

– Аллё, слушаю! – начал беседу Станислав.

– Станислав Владимирович, здравствуйте. Спасибо, что согласились поговорить. Меня зовут Юлия Валерьевна, Комина. Умер мой бывший муж, и мне нужно защитить интересы нашего общего сына.

– А в чем проблема?

– У мужа был бизнес – большой бизнес. И наш сын должен унаследовать этот бизнес, но ему ставят какие-то препоны. Нам нужна Ваша помощь.

– А сын у Вас уже совершеннолетний?

– Да. Но я взяла от него доверенность, и я действую от его имени.

«Понятно – сыночек вырос, а мама его все равно не отпус-

кает, держит при себе, – подумал Станислав. – Если бы она сказала «Сын дал мне доверенность» – это значило бы, что сын не хочет сам ничем заниматься и поручает все матери. Но она сказала «Я взяла у него доверенность» – значит, она продолжает рулить его жизнью. Гиперопека на марше».

Собеседница продолжала:

– Как я могу с Вами как можно скорее встретиться? Я понимаю, что директора корпорации что-то предпринимают, и боюсь потерять каждый день. Знаю, что наследство оформить нужно в течение какого-то срока, и боюсь пропустить этот срок.

– Когда умер Ваш муж?

– Тридцать октября этого года.

– Значит, принять наследство нужно до тридцатого апреля. Время еще есть, и много.

– Я очень волнуюсь.

– Хорошо, давайте встретимся сегодня. В девятнадцать часов.

– Спасибо!

– Они уже ждут Вас в переговорной, – сообщила Ира в шестнадцать пятьдесят.

– Кто они?

– Юлия Валерьевна Комина с мужем.

– О как! – немного удивился Станислав. – Ну хорошо.

И задумчиво добавил:

– Надо же, какое все-таки спешное у нее обращение.

Он прошел через приемную в переговорную. Ира доложила:

– С ней ещё ее муж, Докин Виталий Павлович.

Станислав зашел в переговорную. С порога он сразу увидел красивую, но явно озадаченную (может быть даже – встревоженную) женщину – блондинку, яркую, как говорят – эффектную, но одновременно солидную и представительную. Цвет волос очень осветлял ее образ и делал его еще более привлекательным. Волосы непослушно ниспадали по ее плечам, крупными завитками укладываясь на них, особенно – когда она уверенным величавым жестом поправляла их. Во всем ее облике чувствовалась уверенность и решительность, но совершенно без пафоса и высокомерия. И тем более щемяще ощущалось, что этой даме сейчас очень нужна даже не только помощь, но и защита.

Хорошо, что рядом с нею находился муж; Белогоров заметил, что дама полагается на него и как бы даже опирается на него. Выглядел он скромно – явно скромнее своей жены – но очень солидно, и очень чувствовалось, как он внимателен к жене.

– Здравствуйте, Юлия Валерьевна, – сказал Станислав.

– Здравствуйте, Станислав Владимирович, – ответила, улыбаясь, дама, приподнялась и пожала протянутую адвокатом руку. – Это мой муж, Виталий Павлович.

– Здравствуйте, Станислав Владимирович, – сказала ее

муж, поднявшись со своего кресла, выйдя из-за стола и протягивая руку адвокату.

Станислав пожал его руку, говоря:

– Здравствуйте.

Потом мужчина продолжил, обращаясь к жене:

– Юленька, я подожду тебя в холле.

– Виталий, останься! – почти с мольбой сказала дама, стараясь ухватить мужа за руку, но тот сказал:

– Юленька, с тобой все будет хорошо!

И, улыбнувшись, нежно поцеловал ее и добавил:

– Я здесь – я рядом. Я подожду тебя в холле.

После этого он вышел из переговорной. Станислав тем временем расположился за столом напротив дамы, положил перед собой лист бумаги и взял ручку.

Смотря на свою собеседницу, Станислав видел даму с умными, но грустными глазами, может быть – уставшими.

Дама собралась, привычным величественным движением откинула свои прекрасные волосы – и сосредоточилась на молчании. Станислав тоже молчал.

Наконец, дама собралась с силами и начала говорить:

– Я не знаю, что рассказать первым – факты или чувства.

– Если чувства вызваны фактами – то факты.

– Одиннадцать дней назад, тридцать первого октября, умер мой бывший муж – Геннадий Максимович Комин.

Станислав, разумеется, уже навел справки о том, кто такая Юлия Валерьевна Комина, но сейчас даже виду не подал, что

знает об этом.

Дама продолжала:

– У нас с ним была непростая жизнь, и мы расстались по взаимному согласию, когда я поняла, что работу он любит больше, чем семью, а отдыхает от работы с любовницей. Классическая история – мы дождались совершеннолетия сына и оформили развод. Он всем обеспечил нас с Ромой, просил никак не препятствовать ему в общении с сыном и просил не делить имущество, потому что бизнес завязан на его активах. Пообещал, что если соберется жениться вновь, то сам поднимет вопрос о разделе и выплатит компенсацию; зная его честность, я поверила. В сентябре он сам сказал, что вроде бы собирается жениться и что подготовит проект соглашения о разделе совместно нажитого имущества. И потом вдруг так неожиданно умер. Странно как-то умер – от неожиданного сердечного приступа. Мне как его бывшей жене никакой информации не дают, пробовала как мать его сына получить информацию – тоже отказали. С сыном тоже не хотят разговаривать, отделяются от него под любыми предлогами. Там всем заправляют топ-менеджеры его компании. Наследственное дело было открыто нотариусом, обслуживающим компанию, через 2 дня после смерти Гены, вроде бы по заявлению компании как кредитора – как-то так мне объяснили. Даже наследство я от имени Ромы не смогла принять. И никакой информации не дают. Я чувствую, что меня обманывают, но не понимаю, в чем. Все адвокаты, с ко-

торами работал Геннадий, связаны с компанией, я уверена, что к ним бесполезно обращаться.

– Когда вы развелись с Геннадием Максимовичем? – впервые спросил Станислав, до этого записывавший информацию.

– Решение суда в октябре четырнадцатого года, в ЗАГСе зарегистрировали в ноябре того года. Вот документы.

С этими словами Юлия Валерьевна достала из папки и передала Станиславу два документа – решение мирового суда о расторжении брака и свидетельство о регистрации расторжения брака. Оба документа, переданные ею Станиславу, были в идеальном состоянии – каждый документ в прозрачном файле, очень аккуратно. Станислав не мог не сделать комплимент:

– Очень приятно, когда документы находятся в таком идеальном порядке.

– Это Гена меня приучил – с грустной улыбкой сказала Комина, – у него все дела были в идеальном виде, а уж документы – безукоризненны.

Станислав записал на листе две даты – «11 октября 2014 г.» и «12 ноября 2014 г.».

– А сколько лет вашему сыну?

– Двадцать два. Он родился в девяносто пятом году.

– А в браке вы с какого года были?

– С девяносто четвертого. Вот, посмотрите.

И Юлия Валерьевна передала Станиславу ещё два доку-

мента – копию свидетельства о регистрации брака и свидетельство о рождении сына – Комина Романа Геннадьевича. Они были в таком безупречном состоянии, как и два предыдущих документа. Станислав записал на листе новые даты: «10 декабря 1994 г.» и «17 октября 1995 г.»

– Проблема понятна. Что с имуществом?

– Дом в Раздорах, квартира на Осеннем бульваре, которую Гена отдал нам с сыном, квартира на Рублёвском шоссе, в которой он остался жить сам. Машины. Все было оформлено на него. Сейчас я уже не очень представляю, что ему принадлежало. Но у него еще есть дома в Испании и в Черногории и квартира в Хорватии. И яхта там же, в Дубровнике.

– А когда все это покупалось?

– Квартира на Рублёвском шоссе была у него, когда мы встретились. Машина была.

– А бизнес?

– Бизнес у него был уже на момент нашего знакомства, хороший, стабильный бизнес.

– Но за годы вашего брака бизнес Геннадия Максимовича расширился, окреп?

– Да, и расширился, и окреп. Он небольшую фирму превратил в крупную корпорацию. Но я ничего точно не знаю. Я сама сначала работала, а когда родила сына – то занималась им. Гена всегда работал, с утра до вечера, все больше и больше, очень уставал, иногда не ночевал дома. Не знаю, ничего не могу сказать.

– Извините, не могу не спросить – второй семьи у него не было?

– Нет, – твердо сказала Юлия Валерьевна.

– Вы так абсолютно уверены? – не стал скрывать удивление Станислав.

– Да, уверена. Мы с ним полностью доверяли друг другу – понимаю, что это звучит смешно. Но дело в том, что времена беспокойные, иногда, видимо, бывали опасности для Гены, иногда он прятал нас с Ромой на даче друзей и скрывался сам – был такой период. Поэтому он снабдил нас с ним датчиками, и мы видели, где каждый из нас находится. Я всегда знала, где он. А когда появился видеотелефон, мы часто созванивались, и я видела, что он именно там, где его местонахождение показывает датчик. Нет, второй семьи у него точно не было. Но новая женщина появилась.

– Хорошо. А родственники у него были?

– Самое удивительное, что нет – у него вообще нет родственников. Бизнес начал создавать его отец, мать его рано умерла. Оба они были единственными детьми у своих родителей. Дедушек и бабушек Гена не застал. Никаких родственников у него не было – и он переживал, что нет родни. Поэтому и семью он хотел создать крепкую. Он хотел много детей, но успели мы родить только Рому, других детей у нас не получилось, а потом и отношения охладелись. Отцом он был прекрасным, я Рому к нему совершенно спокойно отпускала. Он хотел жениться вновь, я не возражала – пони-

маю, что это неизбежно. И он хотел, чтобы у него обязательно появились ещё дети.

Наступило небольшое молчание.

– Гена и мне предлагал новую семью создать, сказал, что обязательно познакомит меня со своей новой женой и сам обязательно познакомится с моим новым мужем, – грустно продолжила Юлия Валерьевна. – Но не успел.

– А Вы вышли замуж?

– Да, вот здесь со мной был мой муж, Виталий. Мы с ним познакомились через несколько месяцев после того, как мы разъехались с Геннадием, потом стали встречаться, потом решили расписаться. Гена собирался приехать на нашу свадьбу.

– Так свадьба состоялась?

– Ну... пока что нет – я не тороплю Виталия, чтобы не нервировать Рому. Виталий – единственный, кто меня поддерживает сейчас. Именно он уговорил меня бороться за права свои и права сына, и предложил обратиться к Вам.

Станислав хотел задать вопрос, но Юлия Валерьевна опередила его, сама ответив на него:

– Понимаю, что Вы хотите спросить про наши с Виталием имущественные отношения.

– Да, – признал Станислав.

– Виталий поступил очень благородно, он предложил нам с ним до брака подписать брачный договор, по которому у нас с ним будет полностью раздельное имущество.

Видя, что Станислав собирается задать следующий вопрос, Юлия Валерьевна и его предвосхитила:

– И еще он предложил мне оформить завещание на сына на все принадлежащее мне имущество. Он прямо говорит, что хочет, чтобы все имущество оставалось моим потомкам.

– А у него самого дети есть?

– Нет.

– Юлия Валерьевна, ситуация мне понятна. Чем я могу Вам помочь?

– Рома – единственный наследник Геннадия, все его наследственные права нужно защитить. И раз уж так получилось, я хочу получить свою супружескую долю.

– Как сын перенес смерть отца?

– Очень тяжело, – с этими словами грусть Коминой ментально дополнилась нескрываемым беспокойством. – Я боюсь, что у него началась депрессия: он весь поник, ничем не интересуется, смотрит перед собой. Он был очень привязан к отцу. Я даже боюсь, как бы чего не сделал с собой.

– А как у Романа отношения с Виталием Павловичем?

– Сдержанные. Но он уважает мой выбор, а Виталий не лезет к нему в душу и не рисует из себя отца – он понимает, что отца Роме он заменить все равно не может.

Станислав смотрел на свои скупые записи на листе бумаги и думал, как – с какой стороны взяться за это дело. Ему хотелось помочь Юлии Валерьевне, но ее ситуация была очень запущенной. Наконец, Станислав сказал:

– Юлия Валерьевна, я помогу Вам, но мне нужно разобраться, с какого конца начинать. Но начинать надо. И поскольку речь идет о Вашем уже взрослом сыне, мне нужно встретиться с вами обоими.

Видно было, что Юлию Валерьевну не обрадовала такая перспектива – так как она считала вполне достаточным общения с нею – но она смиряется с ее необходимостью.

– Да, понимаю.

– Тогда давайте договоримся о встрече на понедельник.

Когда они обговорили время встречи, они вышли из переговорной. Виталий Павлович сразу поднялся с дивана в другом конце холла, где сидел все это время, и, быстро подойдя к Юлии Валерьевне, заботливо обнял ее. Только рядом с ним она выглядела спокойной и умиротворённой.

После прошедшей встречи и еще одной, полуофициальной, встречи иных точно намеченных дел у Станислава не было, и он сразу стал размышлять над делом Коминых. То, что он предложил матери и сыну приехать на встречу вместе, было абсолютно верно – поскольку сын был совершеннолетним, его мнение нужно было узнать, тем более, что была очевидной необходимость подавать два иска – от матери и от сына. Но интуитивно он почувствовал, что между матерью и сыном отношения непросты.

В понедельник, 13-го ноября, Комины приехали вовремя,

за пять минут до начала встречи. Станислав уже был в офисе, поэтому когда секретарь сообщила ему, что они приехали, и он сразу направился в переговорную.

Судя по всему, к моменту входа Станислава в переговорную мать и сын поругались из-за чего-то: подходя к двери и открывая ее, он слышал резкие фразы сына, а когда вошёл, то они оба сосредоточенно молчали, с видом явного недовольства друг другом.

– Здравствуйте, Юлия Валерьевна, – поприветствовал ее Станислав.

Затем он обошел стол и, подходя к Роману и протягивая ему руку, уважительно обратился к нему:

– Здравствуйте, Роман Геннадьевич.

Парню пришлось привстать и тоже протянуть руку адвокату; при этом он что-то буркнул; по-видимому – что-то приветственное.

Когда они расположились за столом, Станислав начал говорить, подчёркнуто обращаясь к обоим своим собеседникам:

– Итак, изложу вам положение по делу, как оно есть сейчас, и поставлю вопрос о наших дальнейших действиях. Значит, нужно добиться защиты Ваших, Роман Геннадьевич, прав на наследство отца, и защиты Ваших, Юлия Валерьевна, прав на супружескую половину – долю в совместно нажитом с Геннадием Максимовичем имуществе. Я должен спросить, между собой у вас спора нет? Роман Геннадьевич,

Вы не будете возражать, чтобы Ваша мама оформила права на половину совместно нажитого имущества? Это уменьшит Ваше наследство.

– Нет споров! – решительно ответила Комина, но на ее лице читалось огромное удивление тем, что адвокат, к которому именно она обратилась для защиты интересов сына, мнение самого сына спрашивает наравне с нею.

Сразу было видно, что Юлия Валерьевна – строгая мама, но – явно любящая своего сына: она делала ему замечания, в голосе ее чувствовалась жесткость, но вместе с тем – какая-то подспудная, прятаемая ею, видимо, даже от себя самой искренняя заботливость о сыне, причем – не показная заботливость (как и строгость – непоказная), а – истинная, происходящая от глубочайшей материнской любви. Голос ее, когда она обращалась к сыну, был таков, что чувствовалось, что она говорит сыну и назидательное внушение, и правильное поучение.

Заодно четко ощущалось, что этот сын – ее единственный ребенок.

– Нет спора. Не возражаю, – суперкратко и сухо ответил Роман, не отрывая взгляда от стола – в который смотрел, чтобы не встретиться со взглядом матери, которая, как он мог предполагать, буравит его своим взглядом

А вот сын выглядел ершистым, колючим неприветливым, явно с самомнением – однако, хотя ему уже давно исполнилось восемнадцать лет, не было ощущения, что он уже совер-

шеннолетний – несмотря на довольно высокий рост и рослое телосложение. По интеллекту он тоже явно соответствовал своему возрасту – но при взгляде на него чувствовалось, что эмоционально он застрял в семнадцати-с-половиной-летию, то есть оставался чуть-чуть недосвершеннолетним.

И при этом он ещё всем своим видом стремился создать впечатление, что он уже взрослый, и что важные решения он уже способен принимать сам. То есть он не то что всем своим видом показывал, что не будет следовать советам матери – он четко давал понять – маме в первую очередь, ну и всем окружающим заодно – что не стоит даже говорить ему эти советы. Становилось понятно, что он на корню отвергнет все, что ему решатся присоветовать.

– Значит, – обозначил Станислав предстоящее поле судебной войны, рисуя перед собеседниками записи по ходу своего повествования, – изначально мы добьемся принятия нотариусом заявления о принятии Вами, Роман Геннадьевич, наследства Вашего отца – Вы наследник по закону, и что бы там ни было, Ваше заявление должно быть принято. Если проблем с нотариальным оформлением наследства не будет – то нужно будет провести один судебный процесс – по Вашему, Юлия Валерьевна, иску к Роману Геннадьевичу – да, к Роману Геннадьевичу – и к иным наследникам, если они есть, о выделении супружеской доли. Если в нотариальной конторе будут сложности, то нам нужно будет провести два судебных процесса: первый по Вашему, Роман Ген-

надьевич, иску о признании Ваших прав, и второй по Вашему, Юлия Валерьевна, иску о выделении супружеской доли. Со вторым процессом, по моему мнению, сложности есть, но вполне преодолимые – хотя опыт показывает, что неожиданности могут возникнуть в любой момент на любой стадии. А вот с первым делом все сложнее – сейчас у нас слишком мало информации.

И добавил:

– И еще третий иск – нужно разобраться, что там с претензиями корпорации.

– Я от борьбы не отступлюсь, – решительно проговорила Комина. – Ладно моя супружеская доля. Главное – наследство Ромы.

Упомянутый Рома даже не показал вида, что слышал слова матери.

– Все взаимосвязано, – стал тактично объяснять Станислав, – Роман Геннадьевич является Вашим наследником, поэтому чем более внушительным будет Ваше имущество – тем большее наследство получит он. Так что бороться нужно на всех фронтах.

– Понимаю это, – кивнула Юлия Валерьевна. – Итак, с чего Вы начнёте действовать?

– Первым делом – поездка в нотариальную контору, подача заявления. Далее – подача всех исков. Но тут важно, чтобы он признал иск. Роман Геннадьевич, Вы признаете иск Вашей мамы?

– Да, – предельно кратко сказал Роман, явно едва сдерживаясь.

– Спасибо. Поскольку Ваши и Ваши интересы, – продолжил Станислав, по очереди смотря на обоих своих собеседников, – противоположны, интересы будут представлять разные адвокаты. Если вы не возражаете, – обратился теперь Станислав к обоим собеседникам сразу, – я буду представлять интересы Романа Геннадьевича, а мои коллеги – интересы Вас, Юлия Валерьевна. Координировать всю работу буду я, информировать вас тоже буду я.

– Да, хорошо, – одобрила Юлия Валерьевна. – Я Вам, Станислав Владимирович, полностью доверяю.

Роман лишь кивнул. Беседа его окончательно утомила.

– Иск к корпорации в наших с Ромой интересах. А вот дела о его наследстве и моей супружеской доле – не придется ли перемешивать эти два дела? – неуверенно спросила Юлия Валерьевна, не зная, как точно выразить свою мысль.

– Вы задаете совершенно обоснованный вопрос, – одобрил его Станислав. – Если нужно будет, мы по согласованию с Вами будем просить суд приостановить одно дело до разрешения другого.

– Мне пока что все понятно, – неуверенно проговорила Юлия Валерьевна.

– Если у Вас будут вопросы, я сразу же на них отвечу, – подхватил ее фразу Станислав, но в совершенно иной – уверенной – тональности.

– Все, я могу идти? – резко спросил Роман, поднимаясь с кресла.

– Рома, сядь и молчи! – повелительно сказала Юлия Валерьевна. – Мы здесь для того, чтобы обеспечить твоё наследство! Ты это понимаешь?

Роман с выражением неуверенности и одновременно возмущенности вновь сел в кресло.

– Ты куда-то спешишь? – продолжала строго задавать Роману вопросы мать. – Допуски к сессии поедешь получать?

Роман бурчал что-то возмущенное и одновременно, возможно, не очень почтительное в адрес матери, общавшейся с ним в присутствии серьезного человека – адвоката – как с мальчишкой, но вслух все-таки не спорил с нею и не дерзил ей.

– Извините его, Станислав Владимирович.

– Да все нормально, Юлия Валерьевна, не переживайте, – успокоил ее адвокат.

Этот конфликт матери и сына, почувствованный и предположенный им ещё на подходе к двери переговорной, занимал его, но он, разумеется, проявлял сугубую тактичность.

– Юлия Валерьевна, да, собственно, на сегодня все – сложности обозначил, план нашей работы рассказал, спорные моменты прояснил.

– Да, Вы меня хорошо, правильно настроили. Будем бороться! – решительно завершила фразу Юлия Валерьевна, вставая из-за стола.

Роман незамедлительно последовал ее примеру, но пошел дальше – от стола он сразу направился к выходу из комнаты, и лишь у двери переговорной приостановился.

– До свидания, Юлия Валерьевна, до свидания, Роман Геннадьевич, – попрощался с ними Станислав.

Рома что-то буркнул – по-видимому, слова прощания – и вышел из переговорной в холл. Юлия Валерьевна сказала:

– До свидания, Станислав Владимирович. Ещё раз извините за Романа.

– Все нормально! – успокоил ее Станислав. – Все понимаю.

– У него сложный период, – продолжила объяснения Юлия Валерьевна. – Он очень тяжело переживает смерть отца, хотя они мало общались в предыдущие годы, так как Гена был занят своим бизнесом и своей личной жизнью, а Рома заканчивал школу и поступал в ВУЗ. Но чувствую, что он мне не все рассказывает. Ну, все наладится! До свидания!

С этими словами Юлия Валерьевна вышла из переговорной.

У Станислава как раз зазвонил мобильный телефон, так что он смог ответить.

– Да, алле! Ты уже дома? А поедешь ещё куда-то? А потом? А оттуда домой? Да, понятно. А оттуда – домой? Да, хорошо. Ты во сколько приедешь? В пять? В шесть? Ну, ладно, пока.

Когда он вышел в холл, Ира сказала:

– Станислав Владимирович, Вам звонил адвокат Синего-
ров.

– Какой – Владимир или Виктор?

– Виктор Всеволодович.

– Хорошо, сейчас перезвоню ему. С ним проще разгова-
ривать, чем с его братом, – с улыбкой проговорил Станислав.

– И Вы просили напомнить, что у Вас сегодня переговоры
по семейному делу.

– Да, спасибо. Во сколько?

– В пятнадцать тридцать.

– А где в этот раз – у нас или у них?

– У них.

Станислав посмотрел на часы.

– О, так надо выезжать. Найди мне, пожалуйста, папку по
тому делу.

– Да, конечно.

Станислав уже набирал на дисплее мобильного телефона
номер.

– Виктор Всеволодович? Здравствуйте. Да, это Белогоров.
Слушаю Вас. Да, знаю, мне это тоже сообщили. Да, тоже уди-
вился. Давайте встретимся и обсудим, надо же менять пози-
цию по делу. Хорошо, завтра жду Вашего звонка. Да, спасибо.
До свидания!

После этого Станислав поехал в офис компании «Гене-
ральное электричество», чтобы от имени представляемой им

компании «Генеральные сети» подписать очередной пакет документов, ведущих к частичному слиянию этих компаний; разрешение Федеральной антимонопольной службы было получено. Когда он приехал туда, руководство компании «Генеральное электричество» с величайшими извинениями сообщило ему, что сделка по слиянию притормаживается из-за того, что накануне вечером стало известно о подаче иска одним из акционеров, недовольных перспективой слияния двух компаний.

Соответственно, у Станислава высвободилось не менее полтора часов.

И как раз в это время зазвонил телефон – это был его друг Сергей.

– Ты в Москве?

– Да. А где я могу быть?

– Ну не знаю, может, сейчас в Далмации еще можно заниматься яхтингом?

– Холодно там сейчас заниматься, яхтингом, Сереж, – по-дружески назидательно сказал Станислав, – да и дел тут, в Москве, много.

– А сейчас ты свободен? Не занят?

– Нет, не занят.

– Слушай, Слав, давай пообедаем. До нас ты все равно не скоро доедешь.

– Но я уже набрал ваш адрес на навигаторе! – поспешно сказал Станислав.

– Знаю, Слав, ты это ещё три недели назад говорил, – перехватил собеседник эстафету назидательности. – Слушай, давай сейчас встретимся и пообедаем.

Договорились встретиться в «Черноморской Ривьере» – это был любимый ресторан Станислава, очень памятный ему.

Когда они встретились и поприветствовались, подошёл официант, друзья заказали обед и начали беседу.

– Как Саша?

– Нормально.

– Как мама? Не болеет?

– Да нет, нормально вроде. Как ты? Как преподавание?

– Отлично! Сейчас новый учебный курс подготовил.

– Я очень рад, что ты нашел себя в преподавании – занимаешься любимым делом. Вот ты преподаешь в нашей академии – и я тебе очень завидую, что ты смог найти работу, которая тебе реально нравится, что ты реально нашел свое призвание.

– Да!

Станислав заметил книгу, которую Сергей явно читал до его прихода.

– Что читаешь?

– Письма Плиния Младшего. Он жил в первом веке, был сенатором, наместником, и вел адвокатскую практику и до назначения на должности, и во время них.

– А так можно было? – удивился Станислав.

– Да, можно – обычно именно сенаторы и вели дела в судах.

– А что тебя заинтересовало? Хотя – ты же давно интересуешься Древним Римом.

– Да! А теперь ещё и курс готовил по истории адвокатуры. А Плиний в своих письмах много пишет о делах, которые вел, и о других адвокатах.

– Ну, интересно, наверное.

– Да! – загорелся Сергей возможностью рассказать про любимые темы. – Но еще у него есть сведения по генеалогии! Ты про императора Марка Аврелия слышал?

– Ну, слышал... – неуверенно сказал Станислав.

– Это философ известный.

– А, ну, да, – согласился Станислав.

– Ну так вот он был правнуком известного адвоката Домиция Афра! Ну, как правнуком – точнее, праправнуком по усыновлению: этот адвокат, Домиций Афр, усыновил двух братьев, они стали Домицием Луканом и Домицием Туллом, у Домиция Лукана родилась дочь Домиция Луцилла Старшая, у нее родилась дочь Домиция Луцилла Младшая – и она стала матерью Марка Аврелия.

Станислав явно растерялся из-за обилия родственных связей, да еще с римскими именами.

– Все, – шутливо запротестовал он, уже совершенно потерявший нить идущего мимо него повествования, – хватит! Я уже совсем запутался в этих твоих римлянах!

Сергей, высокий и нескладный, что виднелось даже за столом, и сейчас полностью находящийся в облаках римской истории, подрастерялся, и потом начал даже сердиться, но Станислав так по-доброму улыбался, что сердиться на него Сергей не мог – как, впрочем, не мог сердиться на него за всю их 25- летнюю дружбу.

И так как их адвокатская практика никак не пересекалась, дальше они беседовали о семейных делах.

На следующий день Комины ещё раз вдвоем приезжали на встречу со Станиславом, привезли доверенности и подписали предварительные соглашения с ними обоими об оказании юридической помощи. Теперь Станислав мог приступать к работе по делу.

Из коллег он привлек к совместной работе двух молодых адвокатов, специализирующихся на ведении гражданских дел – Петра Игоревича Михайлова и Викторию Матвееву. В тот же день он провел с ними первое совещание, определив перечень документов, которые нужно подготовить, и пул адвокатских запросов, которые необходимо направить.

На следующий день Петр, постучав, зашел в кабинет Белогорова.

– Станислав Владимирович, разрешите доложить! – по-офицерски четко произнес он.

Станиславу как сыну офицера, самому едва не ставшему

по воле отца кадровым военным (точнее – военным юристом), всегда нравился (хотя он и не показывал этого явно) своей четкостью и краткостью военный стиль – и в словах, и в действиях. Поэтому беседы с Петром Игоревичем ему нравились – Петр Игоревич до получения юридического образования окончил военное училище, и хотя офицером он практически не стал, военная выправка в нем чувствовалась во всем.

– Докладывай.

– Нотариус Мутнова, открывшая наследственное дело к имуществу Геннадия Максимовича Комина, отказалась принимать заявление о приятии наследства Романом Геннадьевичем, и, соответственно, отказалась предоставлять мне возможность ознакомиться с материалами наследственного дела.

– Как она обосновала отказ?

– Сначала она, и ее сотрудники вообще отказывались со мной разговаривать. Когда же я вынудил их говорить со мной...

Станислав не мог сдержать улыбку: прекрасно зная Петра Игоревича, он видел, как замечательно сочетаются в нем офицерская уверенность в себе и своих действиях и четкость и юридическая настойчивость и уверенность в своей законной правоте – и представлял, как Петр добился того, чтобы его выслушали.

– ... она выдвинула претензии к моей доверенности. Ко-

гда я бесспорно убедил ее, что с моей доверенностью все в порядке...

Белогоров еще раз улыбнулся, представляя, как Петр убеждал нотариуса – он действовал как охотник, загоняющий волка красными флажками; красными флажками являлись произносимые им с непререкаемой уверенностью цитаты из кодексов и законов.

– ... тогда она сказала, что Геннадий Максимович оставил завещание на свое имущество, поэтому будет оформляться наследование по завещанию – и в связи с этим сказала, что не будет принимать заявление от Романа Геннадьевича как наследника по закону.

– А на чье имя завещание?

– Это нотариус Мутнова отказалась сообщать.

Станислав задумчиво посмотрел в окно. Нотариус мало того что действовала незаконно – но она делала это еще и нагло.

Петр тем временем продолжал:

– По возвращении в офис я подготовил жалобу на действие нотариуса в Московскую городскую нотариальную палату. Вот она – разрешите представить ее Вам.

С этими словами он выложил перед Белогоровым очень аккуратный документ на двух страницах. Станислава ничуть не удивляла и исполнительность Петра, ни аккуратность его работы.

Станислав задумчиво смотрел в окно.

– Давай попробуем ещё раз поговорить с нотариусом – завтра съездим к ней. В четырнадцать часов у тебя нет дел?

– Нет. Планировал работать с документами в офисе, – доложил Петр.

– Вот и замечательно, – одобрительно отметил Станислав. – В четырнадцать часов выезжаем отсюда в нотариальную контору.

Петр кивнул, встал и четким шагом вышел из кабинета.

На следующий день Белогоров в 13:35 приехал в офис, посмотрел подготовку документов, спросил у двух юристов, как идут порученные им дела, узнал организационные новости у Алины и после этого позвал Петра Игоревича и с ним поехал в нотариальную контору. Он всегда водил машину сам, принципиально, хотя не то что мог по финансовому положению, но и даже должен был по статусу пользоваться помощью водителя. Но он очень любил сам водить машину.

Нотариальная контора находилась в десяти кварталах от офиса его коллегии адвокатов. Время шло срединное, утренний час пик прошел, вечерний ещё не начался, и хотя машин на московских дорогах разъезжало немало, трафик все же шел нормально. За двенадцать минут они доехали до нотариальной конторы.

– Вы записаны на прием? – этот высокомерный вопрос молоденькой, уже излишне самоуверенной, но не слишком умной секретарши оказался первым, что они услышали по

входе в помещение конторы.

Петр хотел что-то сказать, но Станислав опередил своего молодого коллегу и весомо – весьма весомо – сказал, посмотрев предварительно на табличку с именем председатель барышни:

– Майя Викторовна, я адвокат Станислав Владимирович Белогоров, а это, – сказал он, показывая на Петра, – мой коллега, адвокат Петр Игоревич Михайлов.

Тут Станислав, а следом за ним и Петр открыли и показали ей свои красные адвокатские удостоверения.

– И мы должны побеседовать с Тамарой Андреевной.

И больше он ничего не сказал. Однако сказанное он произнес столь внушительно, что у барышни даже не возникло желания перечить ему; более того, она тут же взяла трубку и автоматически механическим голосом проговорила:

– Тамара Андреевна, к Вам пришли два адвоката, один из них – адвокат Белогоров.

Трубка что-то ответила, после чего барышня положила ее и сказала, стараясь выглядеть приветливой:

– Проходите, пожалуйста, в приемную. Тамара Андреевна сейчас закончит удостоверение сделки и примет вас.

Станислав и Петр прошли в приемную и расположились там в креслах. Барышня, прошедшая за ними, спросила:

– Может быть, чаю или кофе?

– Нет, спасибо, не надо, – ответил ей с приятной улыбкой Станислав.

– Нет, спасибо, – по-военному сухо и четко проговорил Петр.

Через несколько минут дверь кабинета нотариуса открылась, и оттуда вышло несколько людей. Последней вышла дама, в которой Петр тут же узнал помощника нотариуса, ведущую среди прочего и наследственные дела, которая вчера пыталась не дать ему пройти к нотариусу – но поскольку Петр Игоревич как военный стратег поставил себе цель попасть на прием к нотариусу и добился осуществления этой цели, данная встреча уже не была неприятным воспоминанием для него.

– Проходите, – коротко сказала помощник нотариуса и освободила путь в кабинет.

Станислав, входя в кабинет, с интересом думал, как может выглядеть эта чересчур уверенная в себе нотариус. Оказалось, что это дама примерно лет тридцати пяти – сорока, с высокой прической, с уверенным высокомерно-строгим взглядом. Выглядела она ухоженно и стильно, что реально придавало ей величавости. Деловой костюм пастельного цвета, явно очень хорошо сшитый, смотрелся строго, но тем не менее подчеркивал ее эффектно-красивую грудь.

На несколько секунд Белогоров даже залюбовался этой представительной дамой.

Нотариус, не вставая из-за стола и не говоря ни слова, легким движением руки показала на два стула за столиком перед ее рабочим столом, приглашая гостей занять их. Стани-

слава не пришлось приглашать два раза, он уверенно отодвинул стул и сел за стол; стул чуть скрипнул под его весом. Петр расположился напротив него; выглядел он нахмуренно.

– Здравствуйте, Тамара Андреевна. Наверное, Вы знаете, кто я, – с мягкой улыбкой сказал Станислав, памятуя, что после сообщения своей секретарши нотариус без возражений распорядилась пропустить их к ней, и передавая ей две визитные карточки. – Я адвокат Станислав Владимирович Белогоров, а это мой коллега адвокат Петр Игоревич Михайлов.

Конечно, нотариус знала, кто он: четыре месяца назад именно Белогоров смог в Верховном Суде России добиться отмены судебных актов по одному гражданскому делу, которые в случае их утверждения создали бы очень нужный – но весьма неоднозначный – прецедент для нотариата.

Но Белогоров – к сожалению для нотариата – не дал возникнуть этому прецеденту.

Нотариус слегка кивнула. Ни единым проявлением эмоций она не поколебала ореола своей величавой недосыгаемости.

– Тамара Андреевна, мы с коллегой являемся представителями Романа Геннадьевича Комина, сына и наследника недавно умершего Геннадия Максимовича Комина.

Видно было, что нотариус, при всей ее величавости, заметно напряжена: тема беседы явно оказалась ей неприятна. Ощущалось, что будь у нее возможность, она незамед-

лительно выставила бы обоих посетителей – как днём ранее сумела выставить младшего из них. Но адвоката Белогорова она явно не решалась выставить.

– Да, наследственное дело к имуществу Геннадия Максимовича Комина открыто мной, – это была первая полная фраза, произнесенная ею.

– Вот наши доверенности.

Станислав собрался, памятуя пересказ Петром Игоревичем вчерашнего посещения им этой нотариальной конторы, добавить, что доверенности оформлены в полном соответствии с требованиями закона – но решил не говорить этого – чтобы их соответствие закону презюмировалось как само собой разумеющееся.

– Роман Геннадьевич, как нам известно, является единственным наследником Геннадия Максимовича по закону – родители наследодателя умерли, брак был расторгнут, новый брак он не заключал. Поэтому примите, пожалуйста, заявление от имени Романа Геннадьевича о том, что он принимает наследство по всем основаниям.

Белогоров выложил перед нотариальной дамой текст заявления, ещё вчера оформленного Петром Игоревичем и подписанного им.

– Поскольку вчера Вашим сотрудникам не удалось принять это заявление (тут Станислав сделал паузу – показывая, что знает о нарушении, допущенном накануне сотрудниками нотариальной конторы), мы подадим его сегодня.

Он поставил на заявлении еще и свою подпись и сегодняшнюю дату, после чего продолжил, говоря многозначительно:

– Уверен, что сегодня это заявление будет принято. Все нужные документы приложены к нему со вчерашнего дня. И здесь второй экземпляр нашего заявления – для отметки о принятии.

С этими словами Станислав передвинул весь пакет документов по столу в сторону нотариуса и посмотрел на нее.

Будь другая ситуация, нотариус Мутнова порвала бы эти бумажки, швырнула бы из в лицо посетителю, наорала бы на него и выгнала. Да будь другая ситуация, эти посетители даже не зашли бы в ее кабинет! Но сейчас она вынуждена считаться с тем, что один из посетителей – адвокат Белогоров, и потому – тщательно сдерживать себя.

Помедлив, нотариальная грандама нажала кнопку селектора и сказала:

– Таня, зайди ко мне. Возьми наследственное дело Комина и штамп с входящим номером.

Тридцать секунд длилось молчание, после чего в кабинет вошла помощник нотариуса, неся все, что та сказала принести.

Нотариус, вновь помедлив, сама поставила штамп на экземпляре, остающемся у адвокатов, и передвинула этот экземпляр им; Петр Игоревич взял его и аккуратно вложил в папку. Нотариус сказала своей помощнице, протягивая ей

пакет документов:

– Зарегистрируй во входящих.

– Спасибо, – с вежливой улыбкой сказал Станислав. – И поскольку наследственное дело сейчас как раз здесь, мы как представители единственного наследника по закону хотели бы посмотреть завещание, о котором Вы и Ваши сотрудники сообщили вчера Петру Игоревичу.

– Я не могу показать вам завещание – оно охраняется тайной завещания.

Белогоров понимал, что нотариус не сдастся до последнего – но он приготовился к такому развитию ситуации:

– Тамара Андреевна, мы с Вами знаем, что тайна завещания Геннадия Максимовича Комина прекратилась в момент его смерти. Если завещание есть, оно ограничивает права нашего доверителя как наследника по закону – значит, мы должны знать, что это за завещание и в чью пользу оно составлено.

Наступило молчание. Где-то в папке наследственного дела завещание напряженно ждало определения судьбы его показа – или непоказа – этим настойчивым посетителям.

Нотариус не выдержала; было очевидно, что так как она уже сделала несколько уступок этим адвокатам, ей не хотелось больше уступать, поэтому она одновременно решительно, но не очень уверенно произнесла:

– У меня нет обязанности знакомить вас с завещанием!

Станислав парировал:

– Тамара Андреевна, но мы как представители наследника по закону имеем право ознакомиться с завещанием, ограничивающим его наследственные права. И мы все равно узнаем содержание завещания, даже если для этого придется обратиться в суд. Но если мы вынуждены будем обратиться в суд фактически только ради того, чтобы узнать содержание завещания, нам придется обратиться с жалобами на Вас в городскую нотариальную палату, в Управление юстиции, и на всякий случай – для привлечения дополнительного внимания к Вашей деятельности – в Федеральную нотариальную палату и Министерство юстиции России. Вам лишнее внимание к Вашей деятельности – ну точно не нужно. Пожалуйста, дайте нам возможность ознакомиться с этим завещанием.

Вернулось молчание, а напряжение в кабинете нотариуса вообще достигло апогея.

В углу комнаты помощник нотариуса с огромными глазами наблюдала за спором адвоката и нотариуса – для нее это являлось битвой титанов.

Нотариус сдалась: лишнее внимание к работе ее конторы ей действительно было ни к чему – а она понимала, что адвокат Белогоров слов впустую не говорит, и благодаря своей известности он действительно сможет обратиться и в Федеральную нотариальную палату, и в Министерство юстиции. Она открыла папку наследственного дела, перебрала там листы, достала завещание и передвинула его в сторону адвокатов. Петр Игоревич как будто ждал этого момента: он тут

же достал телефон и сфотографировал завещание. Нотариус было запротестовала, но смолчала – все равно все позиции были ею уступлены, и теперь протестовать против фотографирования было бы уже смешно.

В это время у Станислава зазвонил телефон, предварительно поставленный им в вибрирующий режим. Он достал телефон из внутреннего кармана пиджака, посмотрел на дисплей – и убрал телефон обратно.

Помощник нотариуса тихо вышла из комнаты, подавленно-впечатленная тем, что ее великая начальница проиграла эту битву адвокату Белогорову.

После фотографирования документации Белогоров продолжил беседу:

– Спасибо. Мы внимательно прочитаем завещание вместе с Романом Геннадьевичем. Надеюсь, Тамара Андреевна, что у Петра Игоревича, – Станислав показал на своего младшего коллегу, а тот слегка поклонился в сторону нотариуса (но так, совсем слегка – чисто формально), – теперь не будет никаких сложностей в общении с Вами и сотрудниками Вашей конторы.

Нотариус сохраняла непроницаемость: у нее не хватало уже ни сил, ни желания – ни спорить, ни соглашаться.

– И, Тамара Андреевна, раз мы здесь, давайте мы ознакомимся с наследственным делом. Петр Игоревич сейчас останется и ознакомится с ним.

Петр Игоревич, для которого вся эта беседа была реван-

шем за неудачный визит сюда накануне, просто сиял – настолько, насколько может сиять по-военному сдержанный человек.

У нотариуса явно не было сил возражать. Она нажала кнопку селектора:

– Таня, зайди ко мне.

Наступило молчание. Все его участники хотели как можно скорее завершить встречу.

Тамара Андреевна нажала кнопку селектора ещё раз и резко спросила:

– Майя, где Таня?

– Не знаю, Тамара Андреевна, – робко ответила Майя, – она вышла от Вас и ушла, сказала, что по Вашему поручению.

– Зайди ко мне!

Через десять секунд Майя была уже перед нотариусом.

– Вот эти два адвоката будут сейчас знакомиться с вот этим наследственным делом. Сделай копии их удостоверений и доверенностей.

Ей очень хотелось хоть как-то укольнуть Белогорова, поэтому она построила свою фразу так, чтобы создалось впечатление, что он, президент коллегии адвокатов, является таким же простым адвокатом, как и его коллега. Но его вообще было трудно вывести из себя, а уж таким пустяковым поводом – вообще невозможно.

– До свидания, Тамара Андреевна, – сказал Станислав.

– До свидания, Тамара Андреевна, – сказал вслед за ним Петр.

Нотариус, побледнев, лишь устало наклонила голову.

В приемной нотариальной конторы Станислав собрался дать Петру инструкции, но тот его опередил:

– Все просмотрю, все сфотографирую, и всё ещё и возьму для надежности в копиях. А потом вечером позвоню Юлии Валерьевне и предложу ей приехать к нам на встречу к тому времени, которое Вы до этого мне сообщите. И вечером буду в офисе, чтобы показать Вам полученные копии и рассказать общий обзор их.

– Да! – именно эти инструкции Станислав и собирался дать Петру.

Он явно не ошибся, взяв к себе на работу этого молодого военного юриста.

После ухода Станислава и Петра нотариус ещё некоторое время помедлила, потом взяла мобильный телефон, набрала номер и стала ждать ответа. Когда там ответили, она сказала без приветствия:

– Они не отступили – они обратилась к адвокату, и этот адвокат – Белогоров. Он приезжал сейчас ко мне, от имени сына подал заявление о принятии наследства по всем основаниям и ознакомился с завещанием. Мне сложности не нужны – я буду делать все по закону.

Как только Станислав вышел из помещения нотариальной конторы, он тут же достал телефон и набрал номер – явно перезванивая тому человеку, который звонил ему во время беседы с нотариусом.

– Да, привет, не мог говорить – встреча была... Да, нормально. Ты уже пришла домой? Хорошо. Жди меня, сегодня приеду раньше, чем вчера. А что ты будешь сейчас делать? А когда вернешься? Ну хорошо, пока.

Затем он поехал на следующую встречу.

По возвращении в офис своей коллегии Станислав погрузился в текущие дела: обсуждал с партнёрами вопрос расширения помещения офиса, слушал сообщения младших адвокатов.

Вечером среди прочих дел он позвонил:

– Ну, привет. Слушай, найди мне информацию о составе совета директоров компании «ГенКом», ну, да, той, которой владел Комин. Да, хорошо, направь мне по внутренней почте.

Офис по мере вечерения постепенно пустел. Белогоров увлеченно печатал очередной проект соглашения о разделе имущества супругов Валесовых. Когда заходили закончившие работу адвокаты и юристы, он прощался с ними, если они что-то спрашивали – отвлекался, внимательно слушал их и отвечал им, а некоторым говорил какие-то ободряющие слова.

Совсем уже вечером к нему зашёл Петр. Станислав просматривал подготовленный документ, но чувствовалось, что он очень усталый: вроде бы он смотрел на монитор нетбука, а вроде бы – и мимо нет.

На столе стояла бутылка виски «Chivas Regal», готовая к открытию (судя по стоящему рядом стакану для виски).

– Разрешите доложить результат ознакомления с наследственным делом?

Белогоров был такой усталый, что просто кивнул – хотя обычно принципиально отвечал словами, чтобы не казаться своим младшим коллегам высокомерным.

– Завещание удостоверено исполняющей обязанности нотариуса Мутновой, Моложаевой Татьяной Алексеевной, в день смерти Геннадия Максимовича, на выезде – в офисе компании «ГенКом». В соответствии с завещанием вся недвижимость – квартира в Москве на улице Осенней, дом двадцать пять, корпус два квартира пятьдесят восемь, и земельный участок с домом в Малаховке завещаны сыну, Комину Роману Геннадьевичу. Все остальное имущество, движимое и недвижимое, завещано невесте, Лировой Маргарите Борисовне. Так и указано – «моей невесте». Лирова Маргарита Борисовна уже подала заявление о принятии наследства по завещанию.

Наступило молчание. Текст завещания был столь необычно-краток для завещания крупного бизнесмена, что Станислав даже немного взбодрился от усталости:

– Это весь текст завещания?

– Да, весь.

– Что еще?

– Еще есть договоры между Геннадием Максимовичем Коминым и самой корпорацией «ГенКом» – о внутреннем займе. Корпорация тоже подала заявление как кредитор.

– Хорошо, завтра расскажем все это на встрече Юлии Валерьевне, какое решение она примет – таким будем действовать. Все, на сегодня все.

– Разрешите идти?

– Да, Петр, иди. До свидания, до завтра.

– До свидания, Станислав Владимирович! – сказал Петр и четким бодрым шагом вышел из кабинета.

Станислав остался в офисе, похоже, один, секретарь Али-на тоже ушла полчаса назад (она заходила к нему спросить, нет ли больше поручений на сегодня).

Зашла еще Вера – исполнительный директор Коллегии, ведающая всеми административными и техническими вопросами – и обустроивающая их просто великолепно. По образованию она являлась юристом, но администрирование удавалось ей даже ещё лучше, нежели ведение юридической практики.

Внешность Веры была великолепна – идеальная фигура, брюнетка с эффектной короткой стрижкой и с большими блестящими голубыми глазами.

Но самое главное – ее взгляд: как только собеседник под-

нимал глаза и встречался с ее взглядом, он тут же понимал, что она с прекрасной внешностью сочетает сильный и пронизательный ум (благодаря которому ей успешно удавалось все – и юридическая практика, и администрирование). Она всегда смотрела собеседникам прямо в глаза – и собеседники видели прекрасное сочетание уверенности и доброжелательности.

Вера руководила всеми сотрудниками Коллегии, они подчинялись ей и слушались ее беспрекословно, даже не задумываясь о возможности что-то из ее поручений не выполнить, или выполнить не полностью, или выполнить не так; это касалось всех – от курьеров и секретарей до охранников из службы безопасности. Адвокаты коллегии почтительно общались с нею, потому что относились к ней с большим уважением (а молодые адвокаты – так еще и с трепетом), прислушивались к ней и знали, что с нею всегда можно посоветоваться. Но такого отношения к себе Вера достигла без проявления какого бы то ни было авторитаризма – напротив, даже с простыми сотрудниками коллегии Вера общалась доброжелательно; более того – они знали, что при необходимости Вера им обязательно поможет.

Говорила она четко и коротко, и чеканная резкость ее фраз была вызвана ее уверенностью.

Их знакомство со Станиславом насчитывало лет 20 точно, они абсолютно доверяли друг другу – и поддерживали друг друга в тяжёлые моменты. Вера являлась одним из немногих

людей, кто мог обращаться к Станиславу Владимировичу Белогорову просто «Слава» (потому что он любил, когда близкие люди обращались к нему именно так – «Слава»). Станислав с абсолютной уверенностью знал, что на Веру можно 100-%-но положиться, а Вера знала, что Станислав поддержит любое ее решение.

Увидев «Chivas Regal», Вера с порога строго сказала, показывая на бутылку:

– Так, Слав – не увлекайся, не злоупотребляй, слышишь?

Их давнее знакомство и дружба позволяли Вере сделать Станиславу любое назидание.

Станислав закивал с улыбкой:

– Да-да, не буду злоупотреблять.

– Смотри. Так, я поехала домой, завтра с утра в префектуру, согласовывать перепланировку в том конце офиса. Все – пока.

– Пока, Вера, – сказал Станислав. – Привет Алексею.

Вера строго делила рабочее время и время семьи, и как только заканчивала дела по работе – сразу ехала домой к мужу и сыну.

В офисе наступила тишина, поэтому приглушенный звук звонящего мобильного телефона Станислав и услышал, и почувствовал. Увидев, кто звонит, он нажал кнопку и сразу спросил:

– Ты уже дома? Уже приехала? Решила не оставаться там? Ну хорошо. Да, хорошо. Нет, ничего не надо. Ну, давай мясо.

Да, скоро приеду. Я сейчас в офисе, и сейчас уже выеду, ну, давай, пока.

Закончив разговор, Станислав положил телефон на стол, посмотрел на бутылку виски, нетронутую, так и неначатую, неоткрытую – непочатую сегодня, пошел в приемную, сварил себе кофе и вернулся с чашкой в кабинет. Кофе он пил неспешно, смотря в окно – с четвертого этажа ему открывался прекрасный вид на знаменитый большой собор и на темный центр Москвы, весь пронизанный огнями фонарей и реклам. Допив кофе, он убрал бутылку виски вместе со стаканом в секретер, взял телефон, портфель и плащ и вышел из офиса.

На следующий день разразилась сенсация: эксперты полиции закончили патологоанатомическую экспертизу, и как внезапная гроза среди безупречно-ясного неба появились сообщения СМИ о том, что смерть Геннадия Комина наступила из-за отравления.

По данному факту было возбуждено уголовное дело, и следователи на следующий же день после этого оккупировали офис корпорации «ГенКом». Поскольку кабинет Комина был опечатан в день его смерти, следователи смогли, вскрыв его, обследовать все предметы, находящиеся в нем. На чашке с остатками чая, стоящей на столе Комина, были обнаружены следы яда. В связи с этим следователи допросили сотрудников, в том числе секретаря Комина, Валентину – чтобы

узнать, кто мог принести яд в чашке. Секретаршу уже собрались задержать сразу после долгого допроса, так как чай по просьбе Комина готовила именно она. Секретарша, понимая весь ужас угрожающего ей развития ситуации, находилась в предобморочном состоянии, но все же смогла сосредоточиться и вспомнила, что чай она действительно приготовила, но к Геннадию Максимовичу пришел тогда Вадим Алексеевич Ковров, финансовый директор корпорации, и он, зайдя в приемную и направляясь в кабинет Комина, подхватил поднос с чашкой. На чашке были обнаружены отпечатки и секретарши, и Коврова. Но слова секретарши полностью подтвердились записью с видеокамеры в приемной: было четко видно, что она обычным образом готовила чай, потом входит Ковров, берет поднос, мешая секретарше его отнести, и входит с ним в кабинет Комина – а через несколько десятков секунд выходит оттуда и кричит, что Комин без сознания.

Секретаршу в итоге отпустили под подписку о невыезде, а Коврова задержали и поместили под стражу.

Узнав все это, Белогоров позвонил Юлии Валерьевне и Роману, сообщил о наличии завещания и предложил новую встречу, чтобы поговорить о завещании, и о результате экспертизы. Роман спросил, кто наследник по завещанию, узнав, спросил, обязательно ли ему приезжать – его тяготила вся эта юридическая суета; Станислав сказал, что приезжать не обязательно.

Молодой Комин никак не выразил своего отношения к полученной информации.

Его мать, узнав про завещание, просто сказала, что завтра будет на встрече.

На встрече Станислав, Петр и Виктория поприветствовали Юлию Валерьевну и расположились за столом напротив нее, Станислав в центре, Петр – по правую руку от него, Виктория – по левую руку от него.

Станислав представил коллег:

– Юлия Валерьевна, это мои коллеги, Петр Игоревич, и Виктория Дмитриевна.

Он всегда, когда представлял младших коллег, принципиально называл их по имени и отчеству.

– Сразу к делу. Про результат экспертизы Вы знаете?

Комина кивнула головой. Видно было, что сил говорить у нее немного, и что эта новость об отравлении ее бывшего мужа подействовала на нее давяще.

Белогоров продолжил:

– Мы с Петром Игоревичем оформим права в качестве представителей Романа Геннадьевича как потерпевшего, чтобы наблюдать за ходом расследования.

– Роме не нужно будет куда ходить? – спросила Комина.

– Нет.

– Это очень хорошо. Он как узнал про то, что Гена был отравлен – прямо с лица спал. Сидит дома и ничего не делает. Так он подавлен.

Далее Станислав перешел к тому, что было более насущным:

– Теперь о завещании. Мы были в нотариальной конторе, подали заявление о принятии Вашим сыном наследства, открывшегося после смерти Геннадия Максимовича. И оказалось, что наследственное дело на самом деле открыто по заявлению наследника по завещанию – в деле имеется завещание на имя Маргариты Борисовны Лировой.

– Это дочь... – начала было Юлия Валерьевна, едва сдерживаясь, но Станислав подхватил ее мысль:

– Да, это дочь Бориса Степановича Лирова, начальника Управления. Завещание составлено так, что недвижимость в Москве должна перейти Роману Геннадьевичу, а все бизнес-активы завещаны Лировой. Извините, должен сказать, что в завещании есть такая фраза: «моей невесте Маргарите Борисовне Лировой». Вот текст завещания.

Белогоров не считал нужным рассказывать, какие сложности пришлось преодолевать им с Петром Игоревичем, чтобы подать заявление о принятии наследства и получить эту копию завещания – это смотрелось бы набиванием цены, а от этой мысли его коробило. А вот все реально нужное он считал необходимым обязательно сообщить доверительнице.

Комина взяла в руки текст завещания и стала неспешно читать его. Завещание удивило ее, но она не выглядела шокированной фактом его составления и именем наследницы.

После непродолжительного молчания Юлия Валерьевна

сказала:

– Я знаю, что Гена начал встречаться с Ритой – он сам говорил мне об этом. Но он не называл ее невестой. И он всегда говорил, что его наследниками будут его дети, и Роман обязательно получит его бизнес, если останется единственным сыном, или часть бизнеса, если родятся ещё сыновья: Гена был старомоден и считал, что бизнес – это неженское дело.

– Вы думаете, завещание поддельное?

– Думаю, да, поддельное, но понимаю, что никак не смогу доказать это.

– Юлия Валерьевна, пожалуйста, не торопитесь с выводом. Нам сейчас нужно понять, что предстоит сделать.

– Для того, чтобы доказать поддельность завещания, нужны, наверное, образцы почерка Гены?

– Да, конечно, нужны.

– Но это невозможно. У меня никаких его записей не осталось, а все бумаги по бизнесу полностью в распоряжении топ-менеджеров его компании.

– Будем искать другие документы. Юлия Валерьевна, нам важно понять, Вы – готовы бороться за наследство сына?

– Я – готова! – неожиданно твердо сказала Комина. – За свои интересы, наверное, не стала бы бороться, а для сына – нужно.

– Тогда нужно и за наследство бороться, и Вашу супружескую долю выделить. Супружеская доля – это половина нажитого во время брака имущества, – разъяснил сразу Ста-

нислав.

– Да, понимаю.

– Если завещание подлинное, истинное, то выдел супружеской половины бизнес-активов – это единственный способ обеспечить Романа наследством. Давайте мы начнем с разговора с топ-менеджерами компании, и тогда, может быть, что-то прояснится. Но поскольку у вас с Геннадием Максимовичем имущество не было разделено, с иском в суд обращаться все равно придется.

– Да, понимаю, – повторила Комина.

– Посмотрите, пожалуйста, все возможные рукописные документы Геннадия Максимовича.

– Да, конечно.

– И еще есть момент – в наследственном деле фигурируют какие-то договоры между Геннадием Максимовичем и самой корпорацией «ГенКом» – то, о чем Вам сказали с самого начала. Надо разбираться.

Через два дня Белогоров предложил новую встречу, и в этот раз он настаивал, чтобы мать и сын оба были на встрече.

Мать была по-прежнему боево настроена, сын – безразлично. Такое впечатление, что все происходящее Рома начал воспринимать уже даже без ожесточения – а просто покорно и безучастно.

Сегодня Станислав не стал центровать свое внимание на этих психологических моментах и сразу перешел к сути:

– Мы подадим оба иска одновременно, но сразу же попросим суд дело о выделе супружеской доли приостановить.

– Почему? – удивилась Юлия Валерьевна.

– Потому что это должен быть Ваш иск к наследнику, а сейчас законному наследнику – Белогоров посмотрел на Романа – нужно ещё отстоять свое право на наследство от претензий наследницы по незаконному завещанию.

– Вы так уверенно говорите о незаконности завещания! – сказала Комина с явным сочетанием восхищения и удивления в голосе.

– Как адвокат я должен ориентироваться на волю и мнение доверителя, то есть Вас и Романа Геннадьевича. Вы считаете, что завещание поддельно – значит, я как ваш адвокат исхожу из этой установки и веду дело, следуя ей.

– А если вдруг окажется, что завещание – истинное?

– Значит, суд откажет в удовлетворении иска о признании его недействительным.

Наступило молчание. Потом Станислав уверенно продолжил свои разъяснения:

– Если нам удастся добиться признания завещания недействительным, то единственным ответчиком по делу о выделе супружеской доли будет только Роман Геннадьевич, после возобновления производства по делу он признает иск – и суд удовлетворяет исковые требования. Если же суд не признает завещание недействительным – то дело о выделе супружеской доли все равно нужно возобновить и добиться выдела

супружеской половины из всего, что было куплено во время брака.

И потом добавил:

– И еще, разумеется, нужно отдельным иском добиваться признания недействительными договоров между Геннадием Максимовичем и самой созданной им корпорацией.

– Да, понимаю.

– Мы организуем всю систему нужных исков. И параллельно будем представлять Ваши, Роман Геннадьевич, интересы как потерпевшего. Надо тщательно разобраться в смерти Вашего отца.

Представлять интересы Романа Комина как потерпевшего Белогоров начал на следующий же день. Петр узнал, что Коврова уже допросили как подозреваемого. После этого Станислав созвонился со своим однокурсником, который был начальником Следственного управления, и, объяснив, кого он представляет, попросил его дать возможность посмотреть запись допроса. Однокурсник удивился, но пошел навстречу его просьбе, так как знал, что он принципиально не сделает ничего незаконного.

Видеозапись они смотрели вместе, в кабинете руководителя Следственного управления. Следователя такая просьба не удивила, поскольку в связи с личностью убитого дело как резонансное было на контроле.

На видеозаписи было видно, что с Ковровым присутствует

его защитник – известный московский адвокат, славящийся решительным стилем осуществления защит.

Следователь задал дежурные вопросы, и потом перешел к сути допроса:

– Расскажите о событиях тридцать первого октября, как Вы увидели Комина Геннадия Максимовича.

Ковров посмотрел на своего защитника, тот кивнул, и подозреваемый стал говорить:

– В тот день я с утра был в офисе. Я хотел поговорить с президентом, с Коминым, с Геннадием Максимовичем, но узнал, что он ушел из офиса. Когда я узнал, что он уже вернулся в офис, я пошел к нему, чтобы до совещания обсудить некоторые вопросы.

– Какие вопросы? – стал уточнять следователь.

– По финансированию нового проекта корпорации.

– А почему Вы пошли к Комину? Ведь он некоторое время назад устранился от текущих дел корпорации и поручил их вице-президентам.

Ковров с удивлением посмотрел на своего адвоката, невольно показывая свое удивление такой информированностью следователя.

– Ну... оставались еще проекты, по которым Геннадий Максимович получал информацию...

– Хорошо. Продолжайте.

Ковров был смущен, помолчал, потом продолжил:

– Я зашел в приемную и направился в кабинет Комина. По

пути увидел, что секретарь Валя готовит чай для него, взял поднос с чашкой и пошел с ним.

– Это ведь не входило в Ваши обязанности как финансового директора? – уточнил следователь.

Ковров немного растерялся:

– Нет, не входило.

– А почему же Вы, финансовый директор корпорации «ГенКом», взяли и понесли поднос? Почему не дали секретарше отнести его?

– Ну... ну, помочь секретарше... все равно ведь иду в кабинет...

– Продолжайте.

– Я вошел с подносом в кабинет Комина, замешкался в двери – неудобно было с подносом заходить.

– Вы торопились?

– Да, времени было мало до начала совещания, мне хотелось поговорить с Геннадием Максимовичем, а пока Валя заходила и выходила, потерялось бы время. Мне хотелось поговорить с Коминым наедине, конфиденциально.

– Это связано с тем, что Комин хотел отстранить Вас от должности финансового директора корпорации и начать расследование Вашей деятельности на этом посту?

Ковров посмотрел на своего адвоката с нескрываемой тревогой – следователь явно был информирован значительно лучше, чем им обоим хотелось бы.

Кто-то влиятельный из корпорации наверняка хотел

устранить Коврова: следователь явно уже знал, что некоторое время назад Комин заподозрил Коврова в крупных хищениях и в этот день на совещании собирался отстранить его о должности. Очевидно, что мотив для отравления Комина у Коврова имелся.

Повернувшись к следователю, Ковров сказал:

– Нет.

После нескольких секунд молчания он добавил:

– Мне он такого не говорил.

Следователь внимательно посмотрел на Коврова, потом вновь обратился к записи, сказав:

– Дальше.

– Захожу, вижу, нет Комина там, хотя Валя подтвердила, что он в кабинете. Подошел поближе к столу и креслу его, еще поближе – и вижу, что он лежит без дыхания. Я тут же вышел из его кабинета и сразу сказал, что Комин без сознания. Все.

– Вы что-то делали с чашкой, когда несли ее в кабинет Комина?

– Нет – уверенно сказал Ковров, даже не смотря на своего адвоката.

– Чашка осталась в кабинете?

– Вроде бы да. Я уже не думал о чашке.

– А когда там оказался яд?

– Я не знал, что там яд! – горячо сказал Ковров. – Может быть Валя насыпала его туда, чтобы подставить меня?

– А какой у нее может быть мотив для того, чтобы подставить Вас? – ровно-деловым тоном спросил следователь, продолжая записывать ответы допрашиваемого.

– Я не знаю! – горячился Ковров. – Раз Вам кто-то сказал, что Комин хотел меня отстранить, может быть, кто-то из топ-менеджеров был заинтересован в том, что устранить меня таким образом? Кто Вам сказал, что Комин хотел меня отстранить?

– Вопросы здесь задаю я, – спокойно, но твердо сказал следователь. – Вы планировали убийство Комина Геннадия Максимовича?

– Нет! Я не убивал Комина!

Ковров даже привстал со своего стула, крича это. Услышал крик, в кабинет заглянул конвойный.

– Сядьте! – жёстко сказал следователь, и сделал конвойному знак рукой, что все в порядке.

Ковров осел обратно на стул, но не мог успокоиться.

– Я не убивал его! Слышите – не убивал!

– Это мы разберемся. Это все, что Вы можете сказать о событиях того дня в связи со смертью Комина?

– Да.

Следователь закончил оформление своей части протокола допроса и передал его для ознакомления Коврову и его адвокату. Они прочитали его.

– Замечания есть? – спросил у них следователь.

– Нет.

– Подписывайте.

Ковров и его адвокат подписали протокол.

– Сопровождающий! – позвал следователь офицера. – Отведите подследственного.

Офицер вошел и повел Коврова; адвокат тоже вышел из кабинета.

Руководитель Следственного управления остановил трансляцию.

Белогоров задумчиво смотрел перед собой:

– Похоже на сцену из «Места встречи изменить нельзя», помнишь – допрос Груздева – «Я не убивал! Слышите – не убивал!!!».

– А.. А, ну да – согласился руководитель. – Что думаешь?

– Не знаю пока. Пока что мне кажется, что этот Ковров действительно мог не убивать Комина. Ну вот такое впечатление. Ты же понимаешь, я в судьбе Коврова не имею заинтересованности.

– Но на чашке отпечатки пальцев Коврова, и в чашке был яд.

– А в кабинете видеокамер не было?

– Нет, там не было. Мы все видеозаписи получили.

– Может быть, Ковров и хотел бы отравить Комина, и яд подготовил, и принес его, но мне почему-то кажется, что отравление осуществил кто-то другой, опередив Коврова, – предположил Станислав.

– Ну не знаю, – усомнился в его версии руководитель

Следственного управления, – пока что все свидетельствует против Коврова – и отпечатки, и яд, и мотив убить Комина, чтобы не потерять должность и не подпасть под расследование.

– Ну, мы его «топить» не собираемся – для интересов младшего Комина безразлично, кто убил его отца. Как вы расследуете – так и будет.

На обратном пути Станислав думал – как же все-таки легко люди решаются на убийство. Что-то неуловимо-интуитивное, основанное на большом психологическом опыте адвокатской практики, подсказывало ему, что Ковров все-таки действительно не убивал Комина. Однако отпечатки его на чашке были – это бесспорно – значит, он что-то мог замышлять. (Зачем он вообще взялся за этот поднос и понес его в кабинет?). Даже если его сомнение верно, все равно, то, что Ковров мог, опасаясь, что босс лишит его должности, вот так вот взять, достать яд, в тамбуре между внешней и внутренней дверями кабинета насыпать его в чашку чая и отнести своему боссу – это ощущалось как дикость. Глупая, к слову, дикость – ведь Коврова все равно быстро вычислили бы как убийцу. Насколько же он опасался объявления Коминым о снятии его с должности финдиректора на том совещании! Раз так открыто рискнул. И так глупо подставился и проиграл.

Однако это дикая, но реальность; адвокатская практика

знала и еще более дикие случаи убийств.

Диких – и глупых.

Как часто бывает, Сергей написал в середине дня по WhatsApp, но Станислав часто забывал проверять сообщения в мессенджере (или проверял, но, не ответив сразу, потом забывал ответить, закрутившись в потоке текущих дел). Соответственно, не получив ответа в мессенджере, Сергей примерно через час звонил. Так получилось и сегодня. Станислав, приняв звонок, сразу стал сбивчиво говорить, оправдываясь, и не давая Сергею начать говорить первому:

– Серёж, привет, извини, видел, что ты написал, но не ответил.

– Слава, здравствуй! Да, ладно, все нормально, все понимаю – не переживай, не извиняйся.

– Ну, да... Все равно извини. Но во всем есть хорошее: за этот час у меня изменился график, и если бы мы поговорили тогда, я вынужден был бы отказаться от обеда, а теперь у меня отменилась одна встреча, и я могу пообедать. Где встретимся?

– Отлично! Тебе удобно будет приехать в ресторан «Суббота» на Садовой-Кудринской?

– Напротив нашей академии?

– Да – точно!

– Мы с тобой там однажды ужинали, в сентябре две тысячи второго? Ты меня с будущей женой там знакомил.

– Да! Ну у тебя и память! – искренне восхитился Сергей. – Только он тогда назывался по-другому – «У Папы Карло».

– Да, точно! Во сколько встретимся?

– Давай в четыре. Успеешь?

– Да, успею.

Правда, Станислав припоздал на полчаса. Когда он приехал, Сергей листал какую-то книгу и делал из нее выписки, явно рисуя родословную схему.

Когда он увидел приближающегося Станислава, он закрыл книгу и отложил листок бумаги, чтобы встать и поприветствовать его, но Станислав опередил его своим вопросом:

– Привет! Опять римская генеалогия?

Сергею явно было приятно такое внимание к его увлечению.

– Привет! Да.

– Что в этот раз? – спросил Станислав, артистично закатывая глаза.

Сергей улыбнулся:

– Тацит.

– Тацит?

– Да, Тацит, «Анналы». Он описывает, что молодой нобиль, Корнелий Сулла, обидел заслуженного сенатора, Домиция Корбулона, не пропустив его, и тот подал жалобу. Дело рассматривалось в сенате, и Суллу защищали его родственники. Так вот, дело закончилось тем, что извинения за недоросля Корбулону принес Марк Эмилий Сквавр, который

был одновременно дядей и отчимом Суллы! У Тацита так и написано: «его дядя и отчим». Меня озадачило, как так – дядя и отчим? Оказалось, что его мать, Секстия, была замужем за двумя кузенами. И вот я это разобрал сегодня. Оказалось, что Корнелий Сулла и Эмилий Скавр, мужья Секстии, по одной линии были двоюродным дядей и двоюродным племянником, по другой линии, от Цецилии Метеллы – троюродными братьями, и при этом они ещё были и единоутробными братьями – сыновья одной матери. Во как бывает! Все, ты совсем запутался? – спросил Сергей, видя, что Станислав смотрит в одну точку.

– Да нет, все понятно... Да – запутался. Чьей женой была Секстилия Метелла?

– Ты перепутал прапрабабку и невестку! – засмеялся Сергей. – Секстия была дважды замужем подряд за двумя правнуками Цецилии Метеллы!

– А в прошлый раз ты ведь тоже про какого-то Домиция рассказывал?

– Да – про Домиция Афра, – подтвердил Сергей.

– Как ты все это запоминаешь? – искренне восхитился Станислав.

– Да легко! – со смехом ответил Сергей. – Давай заказ сделаем, а то пока я рассказывал про Корнелиев и Эмилиев, официант дважды подходил и, ооочень удивлённый, уходил. Теперь, наверное, заботится подходить. Официант! Примите у нас, пожалуйста, заказ!

Официант подошёл, и друзья смогли выбрать мясные блюда.

– Слушай, если бы ты не был за рулём, мы могли бы здесь вина выпить, – посетовал Сергей, который сам машину не водил.

– Так я и не за рулём, – подхватил Станислав, – я приехал на такси, тут же негде парковаться.

– Так выпьем! – провозгласил Сергей. – Официант! Винную карту!

Когда официант принес винную карту, друзья заказали красное вино под мясо, и потом уже продолжили беседу. Сергей спросил:

– Дел много сейчас?

– Достаточно, – охотно подтвердил Станислав.

– В основном арбитражные?

– Да ты знаешь, сейчас как-то сразу несколько гражданских дел пришло. Буду тратить долгие часы в очередях в судах общей юрисдикции.

Станислав засмеялся, и Сергей засмеялся вслед за ним:

– А у тебя как практика?

– Веду несколько дел, но большую часть времени отнимает преподавание.

– Ты все такой же строгий?

– Да, с годами только строже становлюсь, – утвердительно ответил Сергей.

Официант принес «шопский салат», мясо и красное вино,

и беседа приятно потекла винными реками между мясными берегами.

В последующие дни руководитель Следственного управления звонил Белогорову два раза.

Утром следующего дня он позвонил и сказал:

– Слушай, а ведь ты оказался прав: Ковров вчера вечером сам попросил допросить его дополнительно, в присутствии адвоката, и сказал, что яд в чашку он действительно насыпал, но когда он зашел в кабинет Комина – тот был уже мертв. Наверное, его адвокат прикинул, что если Комин умер до прихода Коврова, то даже покушение на убийство ему удастся отбить.

– То есть что получается, классическая ситуация: убийство состоялось, труп есть, а ни обвиняемого, ни подозреваемого нет?

– Ну, да, – согласился руководитель Следственного управления. – Теперь ждем результаты химической экспертизы – эксперты исследуют яд, найденный в чашке, принесенной Ковровым.

Ближе к вечеру еще следующего дня руководитель Следственного управления позвонил вновь:

– Пришла экспертиза.

– Ну и что там? – Станислав даже и не пытался скрыть свою заинтересованность.

– Яд другой, – коротко сказал его однокурсник.

– То есть яды различаются?

– Да. Яд, которым был отравлен Комин – другой, не тот, который был в чашке, принесенной Ковровым.

– О как! – удивился Белогоров. – И что вы теперь будете делать? Выпустите Коврова?

– Пока что нет – пусть побудет под стражей.

Станиславу даже стало жалко Коврова – что он будет оставаться под стражей, хотя не совершал убийства. Но он понимал, что переубедить следствие невозможно, да это и не входило в его планы. Тем более что собеседник добавил:

– Ну и потом, мы засекретим результат экспертизы. Про то, что Комин был убит, разболтал один сотрудник, сейчас он ушел на больничный – боится увольнения. Правильно боится. А то теперь все бросились обсуждать, что это убийство. А нужно, чтобы настоящий убийца расслабился.

Белогоров не мог не оценить следовательскую хитрость – хотя Коврова ему стало еще жальче. Но он напомнил:

– Слушай, но там ведь адвокат сильный, от него же вы результаты экспертизы не скроете, и он будет обжаловать содержание под стражей.

– Ну, может быть, но сами мы его из-под стражи не можем выпустить.

Станислав и здесь оказался прав (но это являлось очевидным до прозрачности): как только адвокату Коврова стало

известно о результате химической экспертизы, он тут же заявил ходатайство об освобождении своего подзащитного из-под стражи. Суд освободил Коврова из-под стражи, но оставил под домашним арестом, как подозреваемого, и теперь его адвокат стал обжаловать и это определение.

Белогоров читал в кабинете проект договора, когда поступалась и зашла Виктория:

– Станислав Владимирович, можно зайти?

– Да, Вика, слушаю тебя, – сказал он, отодвигая нетбук.

Виктория зашла, держа в руках мобильный телефон.

– Станислав Владимирович, Вы должны это увидеть.

Она протянула телефон, включив видео.

«В сегодняшнем выпуске «Важных расследований» – загадочная смерть Геннадия Комина. Кто отравил основателя корпорации «ГенКом»? Споры наследников, и – невеста основателя корпорации, которая может получить эту корпорацию по завещанию.

Смерть – это почти всегда неожиданно. А если смерть наступает богатого – очень богатого человека, которого отравили – это не только неожиданно, но и загадочно. А если после этого вскрываются необычные личные факты – то это не только неожиданно и загадочно, но ещё и волнующе. Смерть Геннадия Комина – одно из самых загадочных событий этого года. Он вышел из офиса, вернулся – и через 5 минут скоростно скончался, скорее всего, от отравления ядом –

настолько быстро, что врачи «скорой помощи» приехавшие через 10 минут, смогли лишь констатировать его смерть. Но самое необычное началось после этого: вся Россия узнала, что Геннадий Комин, оказывается, уже не был женат, и более того – он готовился жениться вновь. Кто его невеста, и кем она приходится его бывшей жене? Только сегодня в «Важных расследованиях»!»

Ролик с анонсом закончился, и Белогоров вернул телефон Виктории.

Полминуты они молча смотрели друг на друга. Виктория не выдержала молчания первая:

– Станислав Владимирович, мне подруга прислала этот ролик, потому что он о наследстве – про то, что участвую в этом деле, я ей ничего не говорила.

Станислав кивнул: он знал, что Виктория, несмотря на свою эмоциональность и разговорчивость, безукоризненно берегла адвокатскую тайну.

– Да, Вик, очень хорошо, что ты узнала и показала этот ролик мне.

– Но получается, что Юлия Валерьевна не все рассказала нам? Ведь про какую-либо связь между нею и невестой Комина она ничего не говорила, так ведь?

– Да, – согласился Станислав, задумчиво смотря в окно, – что-то она точно недоговорила нам. Будем выяснять.

– Мне позвонить ей?

– Нет, Вик, давай подумаю, как лучше спросить.

– Хорошо! – бодро ответила Виктория и пошла в свой кабинет покорять вершины других дел.

Станислав по-прежнему задумчиво смотрел в окно. Новость была удивительна, и не только тем, что Комина скрыла наличие связи между нею и невестой Геннадия Максимовича, но и (особенно) тем, что она могла скрыть и что-то ещё – а это могло помешать успешному оказанию помощи.

Наконец, он решил, как построить разговор с Коминой, и набрал номер ее телефона.

– Алло!

– Здравствуйте, Юлия Валерьевна, это адвокат Белогоров.

– Здравствуйте, Станислав Владимирович, я узнала Вас.

Ему показалось, что его собеседница говорит как-то напряжённо. Но он продолжал:

– Юлия Валерьевна, я звоню Вам по поводу того, что, как мне стало известно, сегодня будет эфир передачи «Важные расследования», посвященный смерти Геннадия Максимовича.

Комина молчала. Станислав окончательно убедился, что она что-то скрывает. Но беседу нужно было продолжать.

– Юлия Валерьевна?... Нужно ли предпринять какие-то действия для защиты Вас от клеветы? В анонсе говорится, что невеста Геннадия Максимовича как-то связана с Вами.

Собеседница по-прежнему молчала. Белогоров понял, что не стоит торопить ее с откликом, потому что она собирается с мыслями.

– Станислав Владимирович, я могу приехать к Вам для беседы? – и голос ее звучал как-то глухо.

– Да, разумеется. Когда мы можем встретиться?

– Можно завтра утром?

– Да, конечно, – согласился Станислав. – Но только давайте встретимся до двенадцати – потому что меня наверняка будут одолевать журналисты, чтобы задать мне вопросы по поводу того, что прозвучит сегодня в эфире.

– Да, хорошо. Понимаю. Можно к одиннадцати приехать к Вам в офис?

– Да, буду ждать Вас в одиннадцать.

Пригласив Петра и Викторию, Станислав пересказал им содержание беседы и высказал свое предположение – что Комина хочет посмотреть сегодня ток-шоу, чтобы узнать, какие тайны там будут раскрыты, а завтра прокомментировать их.

– Хорошо, Вика, что ты нашла этот анонс, – похвалил младшую коллегу Станислав, – а то завтра меня одолевали бы звонками репортёры, а я даже не понимал бы, по поводу чего они звонят.

На следующий день в назначенное время Белогоров встретился с Коминой. После приветствия она, опережая возможный вопрос адвоката, сразу перешла к рассказу:

– Станислав Владимирович, я понимаю, что Ваш звонок вчера был вызван анонсом ток-шоу. Да, Рита Лирова – моя родственница, но не племянница, как сказал ведущий и как

говорила она, а двоюродная племянница: она дочь моей двоюродной сестры Лизы. Наши семьи рассорились – наши родители после смерти деда разругались из-за наследства – и общения между нами никакого не было. Но дед умер вскоре после нашей с Геной свадьбы, поэтому с Лизой, ее мужем и дочерью Гена был знаком. Так получилось, что Лиза умерла вскоре после смерти деда – а ее муж, будучи специалистом высокого уровня, как раз перешёл в корпорацию. Я не хотела, чтобы споры наших с Лизой родителей на что-то влияли, и не требовала, чтобы Гена уволил Бориса. А Рита выросла, и отец устроил ее на работу в корпорацию. Не знаю уж, как и что там случилось, но подросшая Рита заново познакомилась с Геной – то ли сама, то ли с помощью отца – и как-то увлекла его. И он увлекся. Поймите меня, мне тяжело было сказать Вам на первых встречах, что невестой моего бывшего мужа стала моя двоюродная племянница.

– Понимаю.

– Но тогда не было известно, что есть какое-то завещание в пользу Риты.

– Да, это так. Это мы с Петром Игоревичем выяснили лишь после поездки в нотариальную контору.

– Станислав Владимирович, теперь Вы знаете все, кроме этого факта я больше ничего не скрывала от Вас.

– Это хорошо, – мягко, но все же с нажимом сказал Белогоров, – потому что если что-то скрыто, это может вскрыться в любой момент, обычно – в самый неподходящий момент –

и осложнить нашу работу.

– Понимаю. Извините, что скрыла это, – сказала Комина. – Понимаю, что могла создать сложности Вам и Вашим коллегам.

– Все нормально, – примиряющим тоном сказал Станислав. – Никаких осложнений не случилось.

– Журналисты не одолевали Вас?

– Одолевали, сегодня утром звонили сюда, через секретаря договорился о коротких интервью, с одним – на два часа дня, с другим – на три часа, зная, что мы с Вами встречаемся утром и все проясним. Так что теперь я готов к беседе с ними.

Через неделю Комина попросила о встрече. По телефону она предупредила, что у нее очень мало образцов почерка ее бывшего мужа.

Станислав решил не отвлекать Петра и Викторию от их дел в этот день (тем паче что Петр участвовал в судебном заседании, а Виктория, хотя и находилась в офисе, проводила переговоры) и сам провести встречу.

Комины приехали вдвоем.

– Здравствуйте, Юлия Валерьевна и Роман Геннадьевич, – поприветствовал их Станислав.

– Здравствуйте. Оказалось, что у меня практически нет документов, – с нескрываемым огорчением сказала Комина, сразу переходя к предмету встречи. – Я была уверена, что у

нас в квартире хранятся документы на саму квартиру и на мою машину – договоры подписывал Геннадий. Но оказалось, что их нет – и я вспомнила, что он забирал их год назад для подачи какой-то декларации, и, видимо, не вернул. Других документов у меня нет.

– А мог Геннадий Максимович обращаться куда-нибудь, в какие-нибудь учреждения, с какими-то заявлениями?

– Вряд ли. Я знаю, что бытовые вопросы, в том числе и с документами, раньше решала я, а когда мы с ним стали жить раздельно – он поручал кому-то все это. Он давал доверенность – и все делал представитель.

– А на кого он выдавал доверенности?

– Не знаю. Вроде он какого-то Колю упоминал, но ничего не знаю о нем.

– Ясно, – Белогоров задумался. – Без сравнительных образцов поддельность завещания практически невозможно подтвердить. А какой нотариус мог удостоверить доверенность?

– Ничего не могу сказать, – сокрушенно проговорила Комина. – Но от борьбы я не отступлюсь. Ладно моя супружеская доля. Главное – наследство Ромы.

Роман молча смотрел перед собой. Беседа его, видимо, мало интересовала, но сегодня он воспринимал ее спокойнее, чем на первой встрече.

Лишь один раз сын повернулся к матери и пристально посмотрел на нее – и все.

Днём Белогоров был в своем кабинете, когда у него зашёл Петр:

– Разрешите войти?

– Да, проходи, – сказал ему Станислав, отвлекаясь от монитора компьютера. – Слушаю тебя.

– Разрешите доложить: сейчас мне звонил помощник нотариуса города Москвы Мутновой и сообщила мне как представителю Романа Комина, дословно «К сожалению, мы должны дать отказ в выдаче свидетельств. Отказ в письменной форме будет оформлен и доставлен по адресу коллегии.

– Правильно сделал, – одобрил его Белогоров и не смог удержаться от комментария с улыбкой: – Надо же, как на нотариуса подействовала наша личная беседа!

– Разрешите идти готовить иск?

– Да, разрешаю, – отпустил Петра Станислав, и дал напутствие – Держи меня в курсе всего по этому делу.

Раздался звонок, Белогоров ответил:

– Да, мам, привет. Извини, не мог перезвонить тогда. Что? Сегодня? За пирогами? У... Слушай... Я не могу приехать сегодня – встреча на вечер назначена, и если поеду, то точно не успею вернуться. Ну извини, мам. Ну извини. Ну, давай. Да. Пока.

Нажав кнопку отбоя звонка, Станислав задумался. Через несколько минут он набрал номер.

– Привет, Миш. Да. Слушай, мама звонила... Тебе тоже?

И ты уже едешь? Здорово! А то жаль, что она пироги напекла – а мы приехать не можем. Слушай – спасибо тебе! А мне можешь завезти? Ну, если получится. Там Саша будет дома – оставь ей. Здорово! Ну пока!

Раздался телефонный звонок, Белогоров увидел, что номер неизвестный, поэтому ответил подчеркнуто официально:

– Здравствуйте, слушаю Вас.

Ответ был краток:

– Здравсьте.

– Здравствуйте.

Повисла пауза. Станислав предположил, что это звонит Роман Комин, но не был уверен, поэтому не стал торопить разговор. Наконец, собеседник продолжил беседу сам:

– Это Роман

– Роман Геннадьевич, здравствуйте! – обрадовался правильности своего предположения Белогоров. – Слушаю Вас!

Звонок этого доверителя весьма удивил и очень заинтересовал его, потому что от такого ершисто-нелюдимого человека, как Роман Комин, он не ожидал самостоятельного звонка – значит, тот явно звонил тайно от матери, а потому наверняка рассчитывал на полную конфиденциальность.

Так и оказалось:

– Мать не знает, что я звоню Вам. Вы можете не говорить ей?

– Да, разумеется! – решительно подтвердил Станислав.

– Мне надо встретиться с Вами, показать бумаги.

Эти слова Романа ещё больше удивили Белогорова – какими важными бумагами мог располагать молодой оболтус, вот только что не бездельник? Но вида он не подал:

– Да, конечно.

– Когда можно приехать к Вам? Сегодня можно?

– Да, можно. В четырнадцать тридцать удобно приехать?

– Да, буду.

Признаться, приезда Романа Станислав ждал с нескрываемым им от самого себя интересом. Петру Игоревичу и Виктории он решил пока не говорить о назначенной встрече – как ведущий адвокат по делу он имел право определять, когда и какую поступающую информацию сообщать или не сообщать. Соответственно, он попросил Алину провести Романа максимально конфиденциально – через запасной вход в его личный кабинет.

В назначенное время Роман приехал.

– Здравствуйте, Роман Геннадьевич! – пожал ему руку Белогоров и показал на кресла вокруг стола в своем кабинете. – Присаживайтесь, располагайтесь. Кофе, чай, воды? Колы?

– Нет, не надо.

Станислав тоже расположился за столом, но не на своем ведущем месте, а через стол на таком же кресле, как занял Роман – напротив него.

– Слушаю Вас, Роман Геннадьевич.

Роман молчал, явно собираясь с мыслями. Было очевидно, что решение встретиться с адвокатом, ведущим дела его и его мамы, далось ему нелегко.

Белогоров не торопил его. Он заранее понимал, что беседа окажется непростой и небыстрой.

Наконец, Роман заговорил – глухо, но уверенно, отчего его слова казались жёсткими:

– Мать постоянно «пилила» отца, вот он не выдержал и ушел от нее. Ненавижу ее за это!

Станислав хотел было сказать, что нельзя ненавидеть мать, но решил не встречать нравоучением в поток откровения человека, решившегося доверить свои сокровенные переживания.

– Они давно уже жили как кошка с собакой, ругались – я же все видел. Наверное, поэтому и он, и она не решились завести второго ребенка. Знали, что все равно когда-нибудь разведутся. И вот он не выдержал и ушел. Меня он предупредил обо всем, все рассказал мне, сказал, что хотя он по-прежнему любит ее, больше не может жить с нею в такой обстановке. И что мы с ним всегда будем отцом и сыном. И знаю, что он мать до последнего любил, несмотря ни на что – ведь он даже той женщиной, Ритой, заинтересовался, потому что она была похожа на мою мать.

Белогоров не мог не спросить:

– Вы знали, что та женщина – Ваша родственница?

– Да, знал. Она моя троюродная сестра. Она ненамного

старше меня, мы даже немного общались. Сейчас я с нею не общаюсь.

Роман замолчал. Станислав тоже молчал, ожидая продолжения монолога. Было очевидно, что это не все, и что Роман готов рассказать что-то ещё.

– Мы с отцом встречались каждую неделю, тайно от матери. Для нее развод был крушением, но не из-за денег или положения – она на удивление равнодушна и к тому, и к другому – а из-за того, что все сложилось не так, как она намечала.

Роман еще помолчал, потом заговорил дальше:

– Отец мне все рассказывал, спрашивал про мои дела, но не как отец, а как старший брат – мне самому хотелось делиться с ним всем. Крутой у меня отец был. Один одноклассник однажды стал насмехаться надо мной, сказал, мол, отец твой женится, появится у него другой сын – да и забудет он тебя.

Роман усмехнулся (явно с гордостью):

– Так я ему вломил по роже, чтобы он не твяквал, и сказал, что даже если у моего отца появится другой сын, то он ко мне будет относиться внимательнее, чем к нему его отец относится. Ну, это все лишнее, – вздохнул Роман и продолжил. – Я чего сказать-то хотел – отец много занимался со мной, это была наша с ним тайна от матери, она ничего об этом не знает. Не надо ей знать. Ну так вот, отец много что мне оплачивал в разное время – секцию по футболу, секцию по боксу, подписки. На все есть договоры, и они у меня, под-

линники. И ещё отец кое-что на меня оформил – он купил на себя мотоцикл, потом «Форд», и делал на меня доверенности. Так получилось, что договоры нотариальные. И ещё он специально оформил банковскую карту на нас двоих, короче, чтобы карточки были и у него, и у меня – не помню, как это называется. Он так меня к самостоятельности приучал – чтобы я умел разумно деньги тратить. Вот все эти документы – с этими словами Роман достал из внутреннего кармана куртки бумаги и выложил их перед адвокатом.

Белогоров молча придвинул бумаги к себе – нотариальные договоры, нотариальные доверенности, ПТС, а также договор банковского счета и другие разные договоры.

Роман продолжил:

– Вы сказали, что нет образцов подписи – вот я и решил привезти эти документы. Только матери не говорите – а то она ещё больше меня теперь «пилить» будет. Это можно?

– Можно, – задумчиво произнес Станислав, разглядывая и перебирая бумаги, но уже отвлекаясь от них другими размышлениями. – Мы с коллегами оказываем помощь вам с мамой обоим, но я в первую очередь являюсь Вашим адвокатом. Ваше дело об оспаривании завещания первостепенно. Как я понимаю, Роман Геннадьевич, Вы доверяете только лично мне?

– Да.

– Разрешите мне сообщить об этих документах Петру Игоревичу и Виктории Дмитриевне.

Роман явно молчал в колебаниях. Белогоров подхватил его сомнения, чтобы развеять их:

– Понимаю, что Вы их совсем не знаете, но – под мою ответственность. Уверю – Ваша мама ни от кого из нас не узнает о том, что Вы продолжали общение с отцом.

Роман кивнул. Станислав продолжил:

– Значит, дооформи́м соглашения, и с сегодняшнего дня я вместе с Петром Игоревичем буду представлять Ваши интересы, а Виктория Дмитриевна будет представлять интересы Вашей мамы. Вы согласны?

– Да.

– Хорошо, значит, в ближайшее время приглашу вас с мамой для подписания допсоглашений. Но позвоню Вашей маме прямо сейчас. Вы сегодня сможете приехать сюда ещё раз?

– Когда?

– Когда Вам удобно?

– До вечера, до шести, могу приехать.

– Замечательно.

Белогоров взял телефон и стал набирать номер. Роман показал, что готов выйти, но Станислав отрицательно помахал рукой.

– Здравствуйте, Юлия Валерьевна. Да, это Белогоров. Юлия Валерьевна, звоню обсудить важный организационный момент. Сейчас по делу о недействительности завещания сложное положение, нужно преодолеть очевидный недо-

статок образцов подписи Геннадия Максимовича. Поэтому я хочу непосредственно лично включиться в ведение того дела именно как представитель Романа Геннадьевича. Вы согласитесь, чтобы я вместе с Петром Игоревичем представлял его интересы, а Ваши интересы будет представлять Виктория Дмитриевна?... Да, конечно, курировать я буду по-прежнему всю работу нашей команды по обоим делам. Не возражаете?... Да, так эффективнее. Спасибо! Тогда давайте сегодня оформим это изменение, и я сегодня же начну отправлять адвокатские запросы от своего имени. Вы сможете приехать вместе с Романом Геннадьевичем? В семнадцать ноль ноль сможете? Да, конечно, позвоните ему. Да, буду ждать Вашего звонка.

Станислав нажал отбой – и улыбнулся:

– Сейчас Вам позвонит мама.

Роману при упоминании мамы не удалось удержаться от гримасы. Звонок раздался даже быстрее, чем выражение гримасы сошло с его лица.

– Да, мам. Я. В центре. По учебе. Зачем? Во сколько? Буду. Нет, не надо встречаться. Давай там встретимся. Все. Пока.

И он нажал кнопку отбоя. Через десять секунд раздался звонок на телефоне адвоката.

– Слушаю Вас. Он может приехать? Замечательно. Тогда жду вас с Романом Геннадьевичем сегодня в семнадцать ноль ноль, проекты документов будут готовы. До встречи. До

свидания, Юлия Валерьевна.

Когда разговор был завершен, Станислав сказал Роману:

– Значит, мы с Вами и Вашей сегодня встретимся и всё подпишем.

– Ясно, – безразлично ответил Роман.

Глухость его ответа бесспорно показывала, что перспектива приезжать сюда с матерью его очень не радовала. Но все же огорчения он старался не показывать – явно рассматривая его как недопустимое проявление ребячества – со стороны его, считающего себя взрослым.

Станислав завершил эту тайную беседу:

– Спасибо, что привезли эти документы – они очень помогут. Сейчас Алина проводит Вас так же тайно, как Вы пришли. До свидания, Роман Геннадьевич.

Роман молча пожал руку адвокату и вышел из кабинета. Станислав вышел с ним, опередил его, и когда Алина увидела его из-за стен своей секретарской крепости, она без слов поняла, что нужно, поэтому быстро подошла и проводила Романа к тайной двери. Станислав сказал ему:

– Пройдите по этажу, спуститесь по дальней лестнице и выйдите через дальний вход.

И он тут же увидел, что оказался прав в своем предположении, что эта игра в тайных агентов очень вдохновит Романа Геннадьевича: его глаза явно оживились. «Совсем ещё мальчик» – с улыбкой подумал Станислав, но вида не подал – чтобы не обидеть этого мальчика, явно считающего себя

уже совсем взрослым мужчиной.

Через десять минут Белогоров пригласил Петра и Викторю в свой кабинет.

– Так, коллеги, – сказал им Станислав, когда они зашли и расположились за столом, – окончательная концепция ведения дела Коминых такова: я буду вместе с тобой, Петр, представлять интересы Романа Геннадьевича, а ты, Виктория, будешь представлять интересы Юлии Валерьевны. Сегодня в семнадцать часов они оба приедут сюда, и мы подпишем дополнительные соглашения.

Петр как офицер даже не подумал что-то уточнять: командир дал команду – надо исполнять.

А вот Виктория была женщиной, причем женщиной сугубо гражданской, поэтому она от вопросов не удержалась:

– А что случилось? Что-то изменилось? Мать с сыном разругались? Вот мне с самого начала показалось, что у них напряженные отношения.

Виктория уже довольно давно работала с Белогоровым, под его руководством, поэтому знала, что на него можно полностью положиться, поэтому на получении ответов на свои вопросы она не настаивала.

Станислав тоже знал это, поэтому просто подождал, пока вопросы будут заданы и тем самым иссякнут.

После этого он добавил, обращаясь к Петру:

– Подготовь адвокатские запросы в «ВТБ» – на истребование договоров банковского счёта на имя Комина Геннадия

Максимовича, в спортивный центр – на истребование договоров в отношении Комина Романа Геннадьевича, в ГИБДД – на истребование договоров в отношении всех транспортных средств, принадлежавших Комина Геннадию Максимо- вичу. Остальное запросим через суд.

Петр четко записал все в блокнот.

Пообедал Станислав вместе с Сергеем – тот, оказавшись в районе коллегии друга, позвонил и предложил пообедать в ближайшем к офису Станислава ресторане, чтобы сэконо- мить ему время. У Станислава было свободное время, и он с радостью согласился встретиться.

Обедали они в ресторане «Темпл-бар».

Когда они обсудили семьи, общих знакомых, получение Станиславом диплома шкипера (и одновременно – невоз- можность его использования, так как по состоянию здоровья Станислава врачи не рекомендовали ему сильные нагрузки), но также – и покупку яхты в Далмации, темы вроде бы были исчерпаны. Тогда Станислав спросил:

– А что историческое ты сейчас исследуешь?

Спросил – и тут же пожалел, потому что Сергей начал ме- тодично и занудно рассказывать:

– Представляешь, в Древнем Риме были случаи, когда ре- бенка усыновлял двоюродный брат.

– Это как? – удивился Станислав.

– Там не было ограничений по усыновлению. Был там та-

кой полководец, Луций Эмилий Павл, он разгромил и присоединил Македонию, так вот когда его вторая жена родила ему двух сыновей, он двух своих старших сыновей, от первого брака, решил отдать в усыновление, и одного из них усыновил Публий Корнелий Сципион – двоюродный брат этого мальчика, сын его родной тетки и Сципиона Африканского Старшего, победителя Ганнибала. Так вот этот усыновленный стал Публием Корнелием Сципионом Эмилианом, и поскольку он окончательно победил Карфаген, его, как и его деда по усыновлению, называли Африканским, и он таким известен – Сципион Африканский Младший. Самое удивительное, что те два младших сына Эмилия Павла один за другим умерли, и он остался без сыновей – те семьи, в которые он отдал своих старших сыновей на усыновление, конечно, не вернули их ему. Потом Гай Калигула – ну, о нем ты слышал...

– Ну да, о нем в нашем поколении все слышали, и видели, – усмехнулся Станислав, слыша хотя бы знакомое имя.

– Да. Так вот. Калигулу Тиберий оставил наследником вместе со своим родным внуком, Тиберием Гемеллом – Гай был двоюродным внуком по крови и родным внуком по усыновлению – Тиберий усыновил его отца Германика, своего племянника. Так вот, Гай Калигула усыновил Гемелла – а потом приказал убить его. И ещё один непотребный император, Элагабал, усыновил своего двоюродного брата Севера Александра, хотя у них была разница в возрасте всего 5 лет –

это усыновление организовала их общая бабка, Юлия Мэса, видя, что Элагабала скоро убьют за все его непотребство. И когда его действительно убили, Север Александр стал императором.

Станислав уже вообще просто плыл от обилия упоминаемых Сергеем имен и родственных связей, но не останавливал поток повествования друга, видя, с каким увлечением тот рассказывает обо всем этом. Однако Сергей сам заметил, что Станислав уже даже потерял нить повествования, и остановился:

– Слушай, извини, заговорил я тебя совсем.

– Да все нормально, Серёж, ты говоришь о том, что тебе интересно.

– Ну... да... Но надо же и о слушателе побеспокоиться, – с улыбкой добавил Сергей.

– Это все вот в этой книге записано? – спросил Станислав, показывая на белую книгу, лежащую перед Сергеем.

– Да, и здесь тоже – это «Жизнеописание Августов», так называется этот сборник в русском переводе, биографии императоров от Адриана до Диоклециана.

– А ты как-то фиксируешь все это?

– Да нет, просто выписываю для себя, многое так помню.

– Круто, – искренне восхитился Станислав, представляя объем родословных сведений, которым располагает его друг.

Все три иска – о недействительности завещания, о выде-

ле супружеской доли, об оспаривании договоров займа – были поданы, приняты судом, по ним назначены предварительные судебные заседания. Благодаря повесткам, приглашающим на эти заседания, все участники узнали о процессах.

Уже господствовало предновогоднее настроение, поэтому заседания судьи назначили уже не январь. Перед новогодними праздниками замедлялись все официальные дела, плавно, но настойчиво перетекая в неофициальные – покупки, украшения, заказы банкетов, организацию поздравлений и выездов на праздничные каникулы. Белогоров и раньше относился к этой навязчивой, но обязательной суете сдержанного, но уже несколько лет вообще откровенно не любил ее. Хорошо, что Вера, зная его, сама все подготовила – и украшение офиса, и выплату премий, и поздравление всех адвокатов и сотрудников, и организацию праздничного банкета. Придя однажды днем в офис, Станислав увидел, что все наряжено и все предпразднично-довольны; он тепло поблагодарил Веру.

Оставалась из насущного провести встречу с топ-менеджерами корпорации «Ген-Ком». Изначально Белогоров планировал сам предложить им встречу – потому что у него был такой психологический прием: по своей инициативе встречаться с противниками, и беседовать «с открытым забралом», то есть максимально доброжелательно, чтобы лично оценить их – многих противников это смущало, но большинство из них не отказывались от таких встреч (и благода-

ря этому Станислав личным впечатлением собирал информацию о них). Противники соглашались на встречу с ним, рассчитывая что-то узнать о деле, о его доверителе, об их позиции – но этого не случилось: Белогоров умел говорить так, чтобы сказать много – и при этом не сказать ничего.

Тем не менее, если общение с той стороны тоже складывалось доброжелательно, неоднократно удавалось заключить мировые соглашения – Станислав всегда ценил такую возможность, будучи убежден, что худой мир точно лучше доброй войны.

Однако в этом случае ему не пришлось предлагать встречу – топ-менеджеры корпорации «Ген-Ком» предложили ее сами, и Белогоров, естественно, не отказался приехать на нее. Целью встречи топ-менеджеры формально обозначили выработку общей позиции ответчиков по иску Юлии Валерьевны о выделе супружеской доли.

Но Станислав приготовил топ-менеджерам корпорации сюрприз – он приехал вместе с Романом.

Когда все расселись в самой большой переговорной офиса корпорации за круглым столом, расположенным вокруг большой цветочной гирлянды, находящейся посередине и даже почти уже немного начинающей скрывать противоположного собеседника, Белогоров огляделся. Понятно, что он здесь чужак и все они объединены против него. Он специально попросил Романа поехать с ним на эту встречу – не для того, чтобы он что-то говорил (Роман явно боялся ли-

бо растеряться, либо сказать что-то лишнее, сорвавшись на этих бывших подчинённых его отца, некоторые из которых были его давними соратниками – а потом предали его и его семью) – а чтобы у этих людей даже мысли не возникло попытаться его подкупить.

А они, видимо, оказались настолько наивны, что реально надеялись подкупить его! Это было понятно по тому разочарованию, которое они даже и не успели попытаться скрыть, увидев, что Станислав приехал не один, а с доверителем.

Признаться, Белогоров специально сделал так, что они с Романом приехали с опозданием, когда уже началась – чтобы их оппоненты в один момент увидели и его, и Романа Комина.

И цель встречи тут же стала непонятной. Неужели они думали, что Роман откажется от своего иска и пойдет против иска своей матери?

Ну, видимо, думали – что смогут подкупить его адвоката. Белогоров почувствовал, что к моменту их прихода начавшаяся встреча уже пошла напряжённо. Борис Степанович Лиров вместе с Ритой, которая как наследница по завещанию тоже пришла на встречу, были по левую руку от Станислава – в явном одиночестве. Когда Роман сел за стол (справа от своего адвоката), он и Рита едва кивнули друг другу, приветствуя, причем каждый как бы замешкался, сомневаясь, приветствовать или не приветствовать родственника, но все-таки поприветствовали друг друга.

Несколько топ-менеджеров расположились по правую руку от Белогорова и его доверителя. Было совершенно очевидно, что они вместе со своими адвокатами одинаково сильно настроены против всех остальных присутствующих – и Станислава с его доверителем, и Бориса Степановича с его дочерью.

Старший из этих топ-менеджеров, Вадим Викторович Горохов, первый вице-президент корпорации, ставший уже исполняющим обязанности президента, мужчина представительный и солидный, но явно пустой для столь высокого кресла, как хозяин места встречи (и к тому же чувствуя поддержку соратников и команды адвокатов) представил Белогорову и Роману всех участников встречи и затем взял слово:

– Я всех вас приветствую и благодарю за то, что вы приехали.

С несколько издевательской улыбкой (хотя и прикрытой официальными приличиями), он добавил, театрально разводя руками и тем самым пытаясь изобразить искренность:

– Мы пригласили всех наследников – и по закону, и по завещанию – потому что мы не знаем, как закончится спор наследников между собой, а компании нужно работать.

И не дожидаясь ответа на этот свой откровенный выпад (то ли опасаясь ответа, правда, не понятно, от кого больше – от Бориса Лирова или от Станислава), он продолжил, сразу переходя в наступление:

– Я пригласил всех вас, чтобы обсудить единую позицию

ответчиков по делу по иску гражданки Коминой...

Станислав слушал все это с невозмутимым выражением лица – он не поддавался на такие риторические провокации. И Роману он дал установку молчать, что бы они ни услышали на этой встрече – поэтому Роман смотрел перед собой в стол.

Горохов продолжал:

– ... которая подала иск о выделении супружеской доли, подписанный от ее имени адвокатом Матвеевой, членом Вашей, Станислав Владимирович, – обратился он напрямую к Станиславу, – коллегии адвокатов.

Горохов хотел так показать, что для него не секрет двойная игра Белогорова. Но Станислав в ответ на это даже кивать не стал – его лицо по-прежнему сохраняло невозмутимость, и ещё – непроницаемость, настоящий «покерфэйс» (а он вообще хорошо играл в карты – благодаря своей прекрасной выдержке).

Наступила тишина. Горохов смотрел на Белогорова, как будто бы ожидая, что он возьмёт слово.

Но Станислав не собирался сейчас говорить по своей инициативе, поэтому он сказал лишь:

– Я внимательно слушаю Вас, Вадим Викторович.

И Горохову пришлось продолжить свой спич:

– Сейчас мы все ответчики по этому делу, нужно выработать единую позицию по делу.

И он вновь посмотрел в сторону Белогорова.

Станислав понял, что его хотят вынудить высказать свое

мнение:

– Вы всё-таки настаиваете, чтобы мы высказали свою позицию. Ну так мы скажем то, что вы ждёте от нас. От имени доверителя заявляю, что Роман Геннадьевич признает иск своей мамы.

На лицах топ-менеджеров и их адвокатов появилось выражение огорчения этими словами. Увидев это, Станислав с легкой улыбкой проговорил:

– А вы что, рассчитывали на что-то другое?

В словах Белогорова было столько нескрываемой иронии, что не заметить ее было нельзя. Кто-то из топ-менеджеров, держащихся вокруг Вадима Викторовича, негромко проговорил:

– Это же было очевидно. Зачем мы их приглашали?

Но Станислав не собирался, сказав это, встать и уйти. Раз уж они вынудили его и Романа прийти (и ведь, неразумные слепцы, ещё и настаивали на их присутствии! ну, точнее, они настаивали на присутствии Станислава), то он собирался внести смятение в их ряды – и для этого прямо заговорил, нанося удар, что называется, «не в бровь, а в глаз»:

– Так давайте заодно проведем переговоры по поводу нашего иска к корпорации «ГенКом» об оспаривании фиктивных договоров займа, будто бы подписанных Геннадием Максимовичем Коминым. Может быть, вы признаете этот иск, пока мы не обратились в полицию по поводу фальсификации подписей Геннадия Максимовича?

И продолжил – так же прямолинейно:

– И раз уж здесь собрались, – сказал он, нажимая на слово «собрались», – не могу не спросить: а что вы думаете по поводу иска Романа Геннадьевича иска об оспаривании завещания в пользу Маргариты Борисовны? Это дело тоже всех нас касается – так давайте обсудим его.

Говоря это, Белогоров посмотрел на упомянутую наследницу и ее отца. При этом он произнес эту резкую фразу с такой доброжелательностью, что трудно было ответить ему резкостью.

И потом он подытожил с располагающей улыбкой, окончательно запутывая всех присутствующих в комок судебных процессов, начатых им:

– Вы так удачно собрали здесь всех заинтересованных лиц, нужно уж все обсудить – в комплексе.

Последние слова он говорил, обводя руками всех присутствующих. Убийственность его искренней иронии – в противоположность натянутости вступительных слов Горохова – очевидно воспринималась даже теми, кто вообще не понимал юмора.

Тем не менее Горохов, уже начинавший «закипать» (понимая теперь, что это мероприятие, на проведении которого он настаивал, оказалось в корне лишним), сказал резко:

– Вас это не касается – мы сами разберемся!

Да, переговорщиком Горохов был плохим – он явно не умел сдерживаться. Кто-то из адвокатов – по-видимому,

старшина адвокатской команды – тут же стал его осаживать, чтобы он не наговорил лишнего.

Белогорову только этого и было нужно:

– Что конкретно не касается, Вадим Викторович? Дело о недействительности поддельного завещания? Касается. Дело об оспаривании поддельных договоров? Касается. Оба дела мы начали, чтобы защитить интересы Романа Геннадьевича от этих подделок. Я не знаю, что Вы, Вадим Викторович, с Вашими соратниками и адвокатами задумали, но без воли моего доверителя Вы от этого процесса не избавитесь.

Станислав интуитивно почувствовал, что несмотря на всю напряжённость между Борисом Лировым (радеющим за интересы дочери), с одной стороны, и всем остальным топ-менеджментом корпорации, с другой стороны, они всё-таки постараются договориться между собой – разумеется, тайно от Романа и его адвоката.

Ну очевидно же.

И договориться, конечно же, явно за счёт интересов Романа Комина. Поэтому Белогоров и пришел на эту встречу, чтобы вскрыть сговор против Романа. Понятно, что заговорщики могли сколь угодно и как угодно встречаться так, что он и не проведал бы никогда об их переговорах, но он со всей уверенностью своего опыта знал, что появление в самом логове противников и обозначение им там того, что он знает, что они замышляют – будет иметь сильнейший психологический эффект.

То есть он наносит психологический удар, ничем не рискуя – ведь никто и ничто не помешают им с Романом уйти с этой встречи ровно тогда, когда он посчитает это нужным.

Поэтому он продолжил, обращаясь уже к Лирову:

– Борис Степанович, я, конечно, не могу знать всех подробностей, но Вадим Викторович наверняка заверил Вас, что завещание на имя Вашей дочери будет реализовано в той части имущества Геннадия Максимовича Комина, которое он и другие директора не захватят предъявлением требований от имени корпорации по фиктивным долгам Геннадия Максимовича. И Вы надеетесь, что они выполняют это обещание.

По тому, как невольно переглянулись Горохов с Томилиным, директором регионального развития Корпорации, вкрадчивым и малозаметным, Stanislaw понял, что угадал. А с учётом того, с кем переглянулся Горохов, он понял, в каком направлении нужно продолжать:

– Борис Степанович, Вы давно видели отчёты региональных филиалов? Вы знаете, что Ваши заклятые друзья банкротят их и делают на их базе самостоятельные компании?

И он тут же понял, что, попал, как говорится, «пальцем в небо – да прямо в яблочко»: Томилин, и так по жизни старающийся не выделяться, сидел молча, полностью ошарашенный тем, что сказал Белогоров, а Горохов кипятился так, что даже встал с места:

– Боря, не верь ему! Верь нам! Давай держаться вместе!

Мы же одна команда!

Адвокаты пытались остановить его. А Лиров тем временем прозревал:

– Так вот почему мне не дали региональные отчёты?! Ты же сказал мне, что из-за смерти Комина все сроки их сдачи сдвинулись на 5 недель!

Станислав вкрадчиво произнес, обращаясь к Лирову:

– Борис Степанович, Вы посмотрите на Павла Дмитриевича Томилина – и Вам сразу станет понятно, почему Вам сказали, что сроки сдачи отчётов в этом году сдвинулись. Они сдвинулись, чтобы Вам это так представить, а за это время оформить все так, как нужно им.

В спор вступил Александр Бутов, директор по логистике – рослый крупный мужик (правда, уж полнеющий), с внешностью которого хорошо вязалась простота и безапелляционность (и видно было, что останавливать его адвокаты не спешат – ибо его весовая категория явно была больше):

– Борь, да не слушай ты этого адвоката, он тут что угодно скажет, чтобы нас посорить!

Началась свара. Лиров, Горохов, Бутов, Томилин что-то говорили друг другу все вместе одновременно, все спорили; другие директора предпочитали отмалчиваться, а адвокаты директоров вообще решили не вмешиваться в эту склоку – им платили за юридическую помощь, а не за выступление в роли рефери.

Наконец Белогоров сказал Роману (с большими глазами

смотревшему на эту свару) «Пойдёмте», они встали с кресел, и когда они выходили из-за стола, Станислав сказал остающимся:

– В общем, вы ясно понимаете, что Юлия Валерьевна будет поддерживать иск о выделении супружеской доли, а Роман Геннадьевич будет поддерживать иск о недействительности завещания в пользу Вас, Маргарита Борисовна, и иск о недействительности всех долговых обязательств, будто бы выданных его отцом, и все эти сделки будут признаны недействительными. А иск своей матери Роман Геннадьевич признает в первом же заседании.

Последнюю фразу Белогоров сказал так уверенно и так ровно, что все остающиеся поневоле притихли.

И в этой тишине Станислав продолжил:

– А вот кстати, – сказал он, уже поднимаясь с кресла и обращаясь к Горохову, – все-таки, мы с вами проведем такое же совещание по поводу позиции по делу о недействительности завещания Геннадия Максимовича Комина? Вы ведь там третьими лицами привлечены, и хотя разбирательство дела будет приостановлено, мне как представителю истца очень важно знать вашу позицию.

Горохов, Томилин, другие директора, и все адвокаты того фланга заметно напряглись. Белогоров посмотрел на Лирова – тот тоже был напряжен, но как-то нетревожно; скорее, ему было просто неприятно поднятие этой темы.

Станислав мгновенно все оценил и сказал, обращаясь

прежде всего к Лирову:

– Значит, Борис Степанович, они обещали вам, что поддержат вашу сторону в деле о недействительности завещания. Не надейтесь, как только они, как они рассчитывают, отобьют иск Юлии Валерьевны, они поддержат иск о недействительности завещания. Про региональные филиалы Вы и так уже все поняли. А когда они захотят вывести Вас, Борис Степанович, из игры – они заявят, что именно Вы подделали завещание в пользу Вашей дочери – и добьются возбуждения уголовного дела в отношении Вас, а заодно и Вашей дочери, чтобы ее окончательно устранить от будущего корпорации.

По реакции всех участников этого странного совещания Станислав понял, что все сынтуичил ровно абсолютно верно: Борис Степанович по-прежнему выглядел так, как будто бы на него снизошло прозрение, и он увидел то, что раньше не видел, но его шокировали и слова Белогорова, а Горохов не мог скрыть возмущенного, но в глубине все же виноватого вида. Станислав своей фразой явно порушил его усилия по убеждению Лирова действовать заодно.

Но на этом он не остановился:

– Ну а мы можем подавать заявления в полицию в отношении подделки всех документов – и завещания, и договоров займа. Кто-то же их подделал.

И чтобы добить противников из Корпорации и усугубить раскол между ними и Лировым, он еще обратился – теперь уже к обоим Лировым:

– Борис Степанович, Маргарита Борисовна (обращение к ней Станислав выделил голосом, более тепло), может быть, мы с вами объединимся и добьемся в суде признания недействительными договоров между президентом корпорации и самой созданной им корпорацией?

Станислав говорил, подчёркивая интонацией всю абсурдность требований, заявленных топ-менеджерами корпорации к наследству ее основателя.

Все присутствующие молчали – из-за невозможности что-либо возразить. Это была победа – пусть небольшая, пусть психологическая, но – явная победа Белогорова. Первый тайм он явно выиграл «всухую».

В полной тишине Станислав и Роман вышли из комнаты и направились к выходу из офиса корпорации. Они шли молча – на всякий случай Станислав предполагал, что везде могла быть прослушивающая аппаратура. Когда они вышли из здания, адвокат сказал своему молодому и такому совершенно неопытному в бизнесе доверителю:

– И вот этими людьми Вы будете руководить. Готовьтесь. От слов адвоката молодой и совершенно неопытный в бизнесе доверитель совсем поник головой.

Роман поехал в офис, а Станислав направился на новую встречу с Сергеем.

Когда они встретились и поприветствовали друг друга, Станислав подпер голову правой рукой и сказал с улыбкой

в стиле

– Ну и что ты сейчас расскажешь мне по римской генеалогии?

Сергей сказал с улыбкой:

– О племянниках жен и о мужьях племянниц жен как самых достойных императорах.

– О как!

– Да.

– Давай – рассказывай.

– Слав, ну неужели тебе это действительно интересно?

– Да. Это мне не знакомо, поэтому интересно. И никто никогда мне этого больше не расскажет. Рассказывай.

Уговаривать Сергея рассказать про Древний Рим не приходилось.

И неосмотрительность своего слушательского героизма Станислав ярко осознал уже в первые 2 минуты – когда прослушал краткий курс истории Древнего Рима от Веспасиана до знаменитого философа Марка Аврелия и сына его Коммода.

– Комод? – удивился этому имени Станислав, воспользовавшись поводом вынырнуть из плотного переплетения римских имён и родственных связей.

– Коммод, с двумя «эм», – уточнил Сергей и продолжил – и вот тут система дала сбой: родной сын оказался таким недостойным, что его убили. Все, конец истории.

Станислав был буквально придавлен этим обилием древ-

неримского величия, но старался не показывать вида.

– Ну а у тебя как дела? – спросил Сергей, выговорившись.

– Да, Серёж, все в работе.

– Да себя время остается?

– Да, остается. Шериф звонил, зовет в гости.

– Как Лидия Ивановна? Как Миша?

– Нормально.

– Приезжайте к нам в следующие выходные.

– В следующие?

– Да, в следующие. Или в еще следующие – какие вам удобнее?

– Давай определяюсь, и приедем. Ваш новый адрес я уже забил в навигатор.

Сергей улыбнулся. Тема про навигатор уже звучала.

– Отлично! На лето какие планы? В Далмацию поедешь?

– Постараюсь.

– Будешь смотреть купленную яхту?

– Да. И плавать.

– А маршрут плавания ты уже разработал?

– Нет, пока еще не определил. Главное – приехать, маршрут – определится.

– В каком месяце поедешь?

– В июне, на день рождения Сашки – чтобы отметить его с нею в море.

– Здорово!

Белогоров был в кабинете, когда раздался звонок.

– Да, аллë.

– Здравствуйте, Станислав Владимирович.

Голос был ему знаком, но номер не определился. Однако он узнал собеседника – это звонил адвокат Костроминой:

– Здравствуйте, Иван Николаевич.

Коллеге явно было приятно, что Белогоров узнал его.

– Да, это я. Решение по делу Костроминых есть, но когда передавал его клиентке, она устроила мне скандал, порвала доверенность и пригрозила жалобой в адвокатскую палату за мою плохую работу.

– Иван Николаевич, очень надеюсь, что даже если жалоба поступит, палата отклонит ее. Я-то ведь знаю, что Вы сделали все возможное, а клиентка сама все испортила.

– Да уж! Спасибо. Но что будет с апелляционной жалобой – не знаю.

– Ну, будем ждать.

– Да, уж она непредсказуема.

Станислав вел переговоры, переговоры были трудные, он отстаивал интересы доверителя при разделе бизнеса. Сошлось все – и деловое, и личное мужское, и личное женское.

Все начиналось с дружбы трех товарищей, знакомых с первого класса. В 90-е они создали бизнес, и бизнес пошел успешно. Они создали семьи, и их жены тоже подружились. Но как только гипердоходы, приносимые совместным бизне-

сом, вдруг стали просто крупными доходами, исчезло безмятежное партнерство трёх товарищей, и дружеские встречи трёх семейных пар, сдружившихся еще до совместного успеха, стали происходить реже. Когда крупные доходы стали просто доходами, появилась напряженность, и дружба семей растворилась сама собой. А когда доходы как-то вдруг прекратились, и нужно было нести расходы, чтобы спасти бизнес – вот тогда партнеры по-настоящему разругались, так как каждый из троих предлагал свой план спасения общего бизнеса, и все три плана в корне различались; а их жены вообще не могли находиться в одном помещении, так как каждая из них считала, что ее муж самый умный, думает за всех и предлагает классный план, как всех спасти, а двое других – круглые дураки, что не соглашаются с ним.

По счастью, у всех троих хватило благоразумия согласиться постараться договориться о мирном разделе активов – но переговоры, конечно, получились непростыми.

И вот шел третий час таких переговоров, Белогоров держал под контролем ситуацию, наблюдая, чтобы адвокаты двух других партнеров не сговорились между собой (переговорная встреча адвокатов проходила без присутствия доверителей), поэтому отвлекаться было крайне нежелательно. Он видел, что на телефон идут звонки, но там включалась переадресация на офисный телефон, поэтому он не отвечал.

Однако настойчивость звонков стала озадачивать его, и когда один из адвокатов решительно встал и со словами

«Все, ни слова больше, я иду звонить клиенту – мне нужно согласовать это с ним!» ушел из переговорной, а другой, оставшись в переговорной, стал тут же перезванивать на пропущенные им за эти часы звонки, Станислав тоже посмотрел на телефон. Оказалось, за это время он пропустил пятнадцать звонков, из них одиннадцать звонков – с одного номера. Белогоров решил тут же перезвонить на этот номер.

– Аллё, здравствуйте. Вы мне звонили.

– Здравствуйте, Станислав Владимирович! Это Виталий Павлович Докин, муж Юлии Валерьевны Коминой, – торопливо сказал он тревожным и явно огорченным голосом. – Я звонил сказать, что на Юленьку было совершено покушение, ее сбила машина.

– Юлия Валерьевна жива? – тут же спросил Белогоров – так быстро и жестко, что адвокат, присутствующий в переговорной, поднял глаза и теперь смотрел на него, не отрываясь.

– Да, жива, – сказал Виталий Павлович.

– Она в больнице?

– Да.

– К ней можно пройти?

– Пока что нет, она еще без сознания. Я сейчас здесь.

Станислав узнал, в какой она больнице, и сказал, что придет как только сможет. По счастью, вернувшийся в переговорную адвокат сказал, что его доверитель будет обдумывать предложенный Белогоровым вариант, так что переговоры нужно отложить. Поняв, что данная встреча завершилась,

Станислав сразу же стремительно поехал в больницу.

Приехал туда он в 17:05. Припарковав машину в переулке, он пошел к проходной на территорию больницы. Но тут начались сложности: на входе его сначала пытался остановить охранник, но эту преграду он преодолел предъявлением адвокатского удостоверения – внушительный вид красной книжечки снял возражения охраны.

Однако далее все оказалось сложнее. В регистратуре сидела суровая тетя-медсестра, которая непреклонно-хмуро спросила его:

– Вы к кому?

– Здравствуйте, я к Коминой Юлии Валерьевне, травматологическое отделение, пятая палата.

– Вы родственник?

– Нет, я ее адвокат.

Говоря эти слова, Белогоров положил перед нею свое удостоверение – и явно понял, что охранник уже сообщил ей (по рации? чтобы отыграть за то, что сам растерялся и пропустил его?), что идет адвокат – так как она, даже не став смотреть это удостоверение, сказала, явно завершая беседу:

– Посещать могут только родственники.

– Но я веду ее дело, мне нужно поговорить с нею.

– Мужчина!

О, это непередаваемое стремление некоторых женщин так произнести слово так – «мущщина!», чтобы показать свое

превосходство (себе же во вред).

– Мужчина! Вы меня услышали? Посещать пациентов могут только родственники. Если Вы не родственник, то не имеете права пройти.

Станислав как-то не думал, что столкнется с такой преградой – а надо было бы подумать, ведь он шел в обычное медицинское учреждение.

Но он не растерялся:

– Я на прием у главному врачу.

Медсестра немного удивилась такому повороту, но быстро сосредоточилась и парировала:

– Главврач ведёт прием граждан по понедельникам с пятнадцати до семнадцати.

– Тогда к первому заместителю главврача.

– Мужчина! к нему нужно было записываться на прием накануне, вчера.

И она посмотрела на адвоката с видом победителя, загнавшего волка в нору безысходности.

Но она плохо знала адвоката Белогорова – он не привык сдаваться, если был хоть какой-то законный способ добиться нужного ему результата. Оглядевшись, Станислав увидел на стене как раз рядом с постом этой медсестры листок с телефонами. Он достал телефон и вновь обратился к противнице:

– Если Вы откажетесь пустить меня к главврачу или первому заму главврача, то я сейчас же позвоню напрямую в Де-

партамент здравоохранения Москвы. Как Вы понимаете, – сделал Белогоров внушительное ударение, – я быстро дозво- нюсь до руководителей Департамента – и сообщу им о том, что сотрудники этой больницы препятствуют мне – адвока- ту – во входе к руководству больницы при исполнении моих профессиональных обязанностей. И будьте уверены, Ваше руководство будет очень недовольно, что из-за Ваших дей- ствий им завтра прямо с утра позвонят из Департамента с очень серьезным нагоняем.

Станислав говорил так уверенно и потому так внушитель- но, что медсестра приуныла, наглядно представив, как будут ее завтра ругать и старшая медсестра, и замглавврача, и сам главврач за то, что она не пустила этого настырного адвоката, который всего-то шел в администрацию. Поэтому, чуть-чуть подумав, она сказала ему, открывая одновременно турникет:

– Второй этаж, кабинет двадцать три.

– Спасибо.

Белогоров прошел к лифту, поднялся на нужный этаж и прошел к нужному кабинету, на нем нашел нужный кабинет, на котором висела табличка: «Первый заместитель главного врача Столярова Регина Николаевна».

Постучав в дверь, Станислав открыл нее и зашел в прием- ную. Секретарша молча подняла на него уверенный взгляд, но он решил не дожидаться ее величаво-высокомерного во- проса (а то и сразу отказа в разрешении на вход) и начал бе- седу сам:

– Здравствуйте, я к Регине Николаевне.

А видя, что она явно собирается спросить, кто он такой, он и тут смог ее опередить:

– Адвокат Белогоров Станислав Владимирович, по профессиональному вопросу.

С этими словами он подошёл к столу секретарши и положил перед нею свою визитку, держа при этом свое адвокатское удостоверение.

Четкость и уверенность речей этого неожиданного посетителя, видимо, очень сильно-впечатляюще подействовала на секретаршу – раз она не стала включать механизм «Регины Николаевны нет – приходите в приёмное время – приёмное время написано на двери кабинета – (и – так и ожидается дальше: «Закройте дверь с той стороны»)». Она нажала кнопку внутренней связи:

– Регина Николаевна, к Вам пришел адвокат, Белогоров Станислав Владимирович.

На невидимую Белогорову Регину Николаевну произвело, видимо, очень сильное впечатление то, что ее секретарша, приученная делать так, чтобы по возможности вообще никто не беспокоил ее начальницу, вынуждена была пропустить этого адвоката. Судя по всему, она сказала пропустить его, так как секретарша положила трубку и сказала:

– Проходите.

Правда, сил подняться и открыть дверь адвокату у нее не нашлось (или она не захотела их тратить). Да и ладно – Ста-

нислав решительно подошел к двери и сам открыл ее, проходя в кабинет Регины Николаевны.

Регина Николаевна оказалась дамой лет 55-60-ти, и ее изначально приятная, по-видимому, внешность за годы начальствования явно растворилась под тяжестью строгости и суровости – настолько, что строгая суровость Регины Николаевны стала ее постоянной внешностью, причем отягощено это было усталостью и одновременно – нежеланием сдавать кому бы то ни было свои начальственные позиции.

Станислав решил не изменять своей обычной доброжелательной приветливости и поздоровался первым:

– Здравствуйте!

И не дожидаясь ответа Регины Николаевны, каким бы он ни мог оказаться, он продолжил:

– Я адвокат Белогоров Станислав Владимирович, и моя доверительница, Комина Юлия Валерьевна, сегодня была доставлена в Вашу больницу...

– У нас не больница – у нас медицинский центр! – строго и внушительно вставила свою реплику начальница от медицины, чтобы хоть в чем-то возразить нежеланному посетителю.

Но Станислава трудно было смутить, особенно – когда он вынужден был тратить драгоценное время в лишних объяснениях.

– Да, медицинский центр, – согласится он и продолжил. – Так вот, мне нужно встретиться с нею.

– Вы являетесь ее родственником?

– Нет, не являюсь, – честно сказал Станислав.

– Ну, значит, Вы не сможете встретиться с гражданкой Коминой! – торжествующе провозгласила эта врач по специальности «администратор». – Посещения возможны только для родственников.

И она замолчала, всем своим видом показывая назойливому, уже порядком надоевшему ей посетителю, что аудиенция закончена и ему пора уходить.

А ей пора домой – но она, занятая важными чиновными делами, не уходит домой, хотя рабочий день уже завершается.

Адвокат понял, что эта медицин-чиновница непробиваема. Поэтому он уселся в кресло рядом со столом чиновницы (которая демонстративно не предлагала ему этого – явно для того, чтобы он чувствовал себя перед нею ничтожнее) и начал говорить, так же уверенно, как говорил ранее, но жёстче – в потому не так доброжелательно, как ранее:

– Регина Николаевна, Вам это точно не знакомо, так как Вы не юрист, но в соответствии с пунктом третьим статьи шестой закона об адвокатуре я как адвокат имею право беспрепятственно общаться с доверителем в условиях, обеспечивающих конфиденциальность. Надеюсь, что такое конфиденциальность, Вы знаете. Так вот, в соответствии с указанной нормой закона об адвокатуре Вы обязаны – обязаны! (подчеркнул он голосом) – предоставить мне возможность для такого общения с моей доверительницей. И если Вы мне

в этом откажете, – сказал Станислав, повышая голос, так как видел, что эта врач по специальности «администратор» собирается начать возражать ему, – то я не поленюсь написать жалобы и в прокуратуру, и в Департамент здравоохранения Москвы – о том, что ваш медицинский центр (это он тоже подчеркнул голосом) и лично Вы, Регина Николаевна, препятствуете мне в исполнении моих профессиональных обязанностей! А прокуратура и Департамент, как Вы понимаете, не упустят возможность внепланово проверить ваш центр, в том числе – на предмет соблюдения законодательства.

И добавил, контрольным выстрелом:

– И не только адвокатского.

Наступила тишина. Белогоров молча смотрел на Регину Николаевну и видел, что она молча смотрит на него. В глазах ее читалась ничем не прикрытая неприязнь к этому наглому самоуверенному мерзавцу-адвокату, вломившемуся в ее кабинет и диктующему ей свои условия. Но, с другой стороны, она смотрела на него – и понимала: этот, гад – не поленится, этот, кляузник – действительно напишет жалобы, во все инстанции. Но и просто так уступить ему нельзя – нельзя же ей уронить свое мелкосановное достоинство.

Станислав понимал эти размышления своей неприветливой собеседницы, поэтому пришел ей на помощь, начав говорить заметно миролюбивее:

– Регина Николаевна, разумеется, я не буду требовать, чтобы мне предоставлялась возможность для тайной беседы

с Юлией Валерьевной. Но мне нужна возможность для общения с нею. Если бы она была в реанимации или в палате интенсивной терапии, то я не рвался бы к ней прямо сейчас – и если врачи центра в какой-то момент обоснованно (Белогоров вновь интонацией подчеркнул слово «обоснованно» – во избежание возможных злоупотреблений) сочтут, что беседа может быть вредна для здоровья Юлии Валерьевны – мы перенесем беседу (Станислав специально указал только один возможный вариант – ПЕРЕНОС беседы, чтобы не дать поводов для ОТМЕНЫ беседы).

Зам.главврача еще помолчала, стараясь тем самым придать больше весомости своим следующим словам, и потом сказала:

– Ну хорошо, я разрешаю Вам пройти к пациентке.

Но Станиславу нужно было больше:

– Регина Николаевна, оформите мне, пожалуйста, пропуск для этого.

Регина Николаевна помедлила, но согласилась оформить пропуск, благо бланки были у нее на столе.

Но Белогорову нужна была окончательная победа:

– И укажите, пожалуйста, в этом пропуске, что он – на все время госпитализации Юлии Валерьевны в вашем медицинском центре.

Он требовал от нее капитуляции. Но поскольку все позиции она уже уступила, ей ничего не оставалось, как согласиться и на это условие этого мерзкого адвоката.

Поэтому она так и написала в пропуске: «На время госпитализации Коминой Ю.В.» и расписалась. И была счастлива, что адвокат, взяв этот пропуск, попрощался и удалился. Никогда ещё она не испытывала такого поражения в своем собственном кабинете: даже когда приходили ругаться недовольные пациенты или родственники пациентов центра, она находила возможность вести беседу с ними так, что они отступали и, проигравшие, уходили – а тут годами наработанные методики подавления недовольства величиим начальственного статуса не сработали.

Ну, ушел этот противный адвокат – и хорошо.

А Станислав тем временем поднялся на третий этаж и, войдя в отделение, сразу увидел Виталия Павловича, беседующего в коридоре по телефону. Тот тоже заметил адвоката, поэтому явно стал сворачивать беседу, и к тому моменту, когда Белогоров подошел к нему, он как раз нажал отбой звонка.

– Здравствуйте, Станислав Владимирович, – первым поприветствовал он адвоката. – Спасибо, что приехали.

– Здравствуйте, Виталий Павлович. Как здоровье Юлии Валерьевны? И что Вам известно?

– Юлю сбила машина, на пешеходном переходе, белая «Тойота». Очевидцы были, но они обернулись на крики Юли, поэтому сам наезд не видели.

– А Вы когда и как узнали?

– До приезда «скорой» Юля была в сознании, и она дала подбежавшим к ней людям телефон и попросила позвонить мне. Я сразу приехал.

– Что удалось узнать?

– Мало что. Белая «Тойота», вроде бы неожиданно рванула, как будто бы была припаркована, и водитель ждал момента, когда Юля подойдет к переходу и наступит на него. За рулем был мужчина, одна женщина, посмотрев на меня, сказала, что он был похож на меня – так что с меня можно попробовать составить фоторобот.

– Интересно.

– А потом поехал сюда, в больницу. Врачи сказали, что состояние стабильное, опасности для жизни нет. Сейчас Юля спит.

– Хорошо, подожду, когда она проснется, а пока найду ее врача. Кто ее лечащий врач?

– Шубина Людмила Константиновна.

– Она ещё здесь?

– Десять минут назад она проводывала Юлю, так что, думаю, она ещё здесь.

– Хорошо. Пойду побеседую с нею. Вы пойдете со мной?

– Нет, поеду готовить все нужное и закупать лекарства, которые врач сказала привезти. А как Вам удалось пройти сюда?

– Ну, я же адвокат, вот у меня и есть адвокатские права, – с лёгкой улыбкой сказал Станислав, попрощался с Виталием

Докиным и пошел в ординаторскую, мимо которой уже проходил по коридору.

Постучав в дверь, он открыл ее и зашел в ординаторскую. Там были две женщины в белых халатах, и они обе посмотрели на вошедшего. Белогоров остановился в двери:

– Здравствуйте! Могу ли я поговорить с Людмилой Константиновной?

– Это я, – ответила одна из дам.

– Я Белогоров Станислав Владимирович, адвокат Коминой Юлии Валерьевны, – сказал Станислав, подходя к Людмиле Константиновне и показывая ей свое удостоверение.

– Да уж мы все знаем, что Вы приехали, – с улыбкой сказала та, – Вы тут такой шорох навели!

– Но я прошел с разрешения замглавврача, – на всякий случай обозначил Станислав.

– Да, это я понимаю, – примирительно сказала врач, понимая, что с этим адвокатом очень трудно спорить. – Но как Вам удалось преодолеть Наташу в приемной замглавврача? Мы тут все в восхищении! – закончила она свою речь.

– Скажите, а как сейчас состояние Юлии Валерьевны? – воспользовался Станислав возможностью перевести беседу в серьезное русло.

– Средней тяжести. Серьезных повреждений у нее нет – по счастью, только ушибы, переломов нет, внутренние органы не повреждены. Она сама сказала, что ее что-то отвлекло, и она в мгновение затормозила перед выходом на проезжую

часть – а потом ещё как-то замешкалась. Наверное, если бы она прошла на середину пешеходного перехода, наезд мог быть смертелен.

– Как ее настроение?

– Шок, подавленность.

– Полиция уже была, допрашивала ее? Мне как ее адвокату важно, чтобы ее допросили как можно скорее – ведь на нее кто-то явно покушался.

– Да, мы сообщили в полицию, приходил сотрудник, но тогда она спала, и он сказал, что утром придет.

– Кому Вы сообщили о происшествии?

– Ее сыну и ее мужу – она сама их указала. И ещё она упомянула адвоката, но не назвала Вас конкретно, поэтому я не могла позвонить Вам сама. Когда приехал ее муж, спросила его, он сказал, что позвонит Вам.

– Хорошо. С ее мужем я уже беседовал, он мне назвал Вас. Вот моя визитка, – сказал Белогоров, протягивая Людмиле Константиновне карточку, – если будет что-то по Вашему мнению важное – позвоните мне, пожалуйста.

В коридоре слышались крики. Резко открылась дверь, заглянула медсестра:

– Людмила Константиновна, там Комина кричит!

Не сговариваясь, Людмила Константиновна и Станислав выбежали из ординаторской и побежали вслед за медсестрой в направлении палаты, в которой лежала Юлия Валерьевна. Когда они вбежали, другая медсестра делала ей укол и по-

правляла повязки.

– Что случилось? Что произошло? – немедленно спросила Людмила Константиновна, войдя в палату.

Юлия Валерьевна рыдала и билась в истерике, кричала, плакала, молча рыдала в подушку (вновь срывая при повороте повязки).

– Юлия Валерьевна, что с Вами? – громко и строго, но в то же время заботливо спросила ее Людмила Константиновна.

Юлия Валерьевна затихла. Медсестра сказала, протягивая мобильный телефон пациентки:

– Когда мы вбежали, она держала телефон в руке, и у нее были широко открыты глаза.

Людмила Константиновна взяла телефон, но держала его в своих руках нерешительно, не зная, что на нём нажимать. Видя это, Станислав вышел ближе и обратился к Юлии Валерьевне:

– Здравствуйте, Юлия Валерьевна. Вы меня узнаете?

Пациентка кивнула.

– Могу ли я посмотреть, что в телефоне?

Пациентка кивнула ещё раз. Людмила Константиновна передала ему телефонный аппарат, Станислав взял его, включил – и увидел то сообщение, которое, по-видимому, так взволновало его доверительницу. В WhatsApp было открыто сообщение с несохраненного на телефоне номера, и на нем была фотография Юлии Валерьевны перед пешеходным переходом, и в сообщении была подпись: «Если не от-

кажешься от иска – в следующий раз умрёшь».

– Вас взволновало это сообщение? – спросил Станислав Комину, обращаясь напрямую к ней. Она снова закивала, и потом заплакала (но благодаря присутствию своего адвоката она явно чувствовала себя спокойнее).

– Можно, я заберу Ваш телефон?

Юлия Валерьевна снова закивала.

– Выздоровливайте! А об этом не беспокойтесь.

В тот же день Станислав договорился, чтобы руководство больницы разрешило постоянно присутствовать у палаты одному сотруднику службы безопасности Коллегии (из партнерского охранного агентства, с которым много лет сотрудничала его коллегия адвокатов) – для охраны жизни Коминой. Главврач больницы лично разрешил это, понимая, что если на пациентку будет совершено еще одно покушение и она погибнет, это станет «черным пятном» для его учреждения и для него лично.

Выйдя из больницы, Белогоров тут же позвонил Вике и дал ей инструкции, что сделать в интересах Юлии Валерьевны как потерпевшей.

Также он отправил запросы на проверку номера, с которого Коминой пришла угроза.

Потом он ехал по вечерней заснеживаемой Москве и крепко размышлял над этим делом. Ситуация заметно

осложнилась. Станислав все же не думал, что топ-менеджеры корпорации «ГенКом» вот так вот откровенно решатся пойти на устранение Коминой путем ее убийства; хотя – от человека можно ожидать всего, даже того, чего он вроде бы не должен совершать. В любом случае хорошо, что Юлия Комина выжила в этом покушении. И уголовное дело по факту покушения на нее нужно было раскручивать. Прямо заявить о том, что покушение на убийство Юлии Коминой организовали топ-менеджеры корпорации «ГенКом», Белогоров не мог – для обвинения их в совершении этого преступления СМС-текстовки на мобильном телефоне было недостаточно. Зато ее вполне было достаточно для того, чтобы рассказать полиции о своих подозрениях, связанных с процессуальным положением пострадавшей – а там уж полиция сама заинтересуется связью между покушением и начатыми судебными делами.

Но все же – кто же вот так вот решился сначала убить Геннадия Комина, а теперь совершил покушение (по счастью, неудачное) на его бывшую жену? Один человек осуществил это – или это задумали и осуществили разные люди? Но кто? С Юлией Коминой понятно – ее стремились устранить как претендентку на значительную часть Корпорации «ГенКом»; то есть в этом могли быть заинтересованы и топ-менеджеры, и Лировы – и те, и другие проигрывали значительную часть бизнеса Комина, на который они незаконно претендовали. Но кто мог изначально быть заинтересован устранить Генна-

дия Комина? Кто выигрывал от его гибели? Ведь началось все с его убийства. Конкуренты из других компаний? Вряд ли – корпорация все равно осталась. Враги внутри Корпорации? Но кто?

И если конкуренты – а конкуренты у корпорации «ГенКом» были – то сами, или в сговоре с топ-менеджерами корпорации?

Ковров имел мотив, но, как интуитивно и предположил Станислав, не он отравил Комина (хотя он и собирался его отравить). А кто тогда? Горохов? Бутов? Томилин? Кто-то другой? Кто из них хотел устранить Геннадия Комина? Надо разбираться.

Белогорову явно не хватало идей для предположений.

И еще: теперь, получается, что и Роман Комин тоже был в опасности – ведь все нити исков сходились в конечном счете к нему, и к тому же он был единственным наследником и отца, и матери. Если не будет Романа Комина – не будет и претендента.

Станислав позвонил Роману и, рассказав свои соображения, прямо предложил ему сопровождение сотрудника службы безопасности коллегии. Но, как он и опасался, юноша решительно отказался; ну понятно, лозунг всех молодых парней – «Я мужчина – я защищу себя сам». Тогда Белогоров сказал «Ну хорошо», попрощался, сбросил звонок – и тут же позвонил в службу безопасности и дал указание одному охраннику тайно следовать за молодым Коминым и охранять

его.

Сложность была еще и в том, что через несколько дней было назначено заседание по иску Коминой. По ходатайству представителей Маргариты Лировой производство по делу было приостановлено до рассмотрения дела о недействительности завещания.

Роман подписывал документы, Белогоров передавал ему очередные бумаги на подпись и забирал подписанные им документы. Он не торопил Романа, понимая, что тот в силу своей юношеской ершистости и недоверчивости будет читать их. Однако Роман лишь на некоторых бумагах останавливал внимание, как бы спохватываясь, что нужно их прочитать, но было видно, что он делал это «на автомате» и явно тут же отказывался от намерения читать их – настолько он уже доверял своему адвокату.

Станислав видел, что Роман подавлен. Понятно, что нападение на его мать не могло не подействовать на него самого. И еще он чувствовал, что Роману хочется поговорить, но он никак не решится завести беседу, и в силу юношеского максимализма, неприемлющего обращения за сочувствием и пониманием, а тем паче – за помощью, и в силу природной стеснительности.

Видя, что стопка бумаг, предназначенных к важной роли документов после подписания их Романом, стремительно

сокращается, Станислав решил помочь ему начать беседу:

– Вижу, что Вы сильно переживаете из-за нападения на маму.

– Да! – горячо откликнулся Роман, поднимая взгляд от подписываемых им бумаг и смотря на адвоката – он явно ждал этой возможности заговорить о своей маме. – Мы с нею никогда не были близки, она бесит меня больше, чем кто-то другой – но я очень беспокоюсь за нее.

– Достала она Вас своими советами? – неожиданно грубовато спросил Станислав.

Роман был так охвачен возможностью поговорить о своей маме, что даже не обратил внимания на непривычный от его адвоката глагол:

– Сколько себя помню – она всегда изводила меня советами, наставлениями, придирками, отчитываниями, выговорами... А уж когда отец ушел – так вообще сорвалась!

– Да, помню, Вы говорили.

– Отец хоть как отгораживал меня от нее. А когда он ушел, мы мы с нею остались вдвоем, один на один, и она всю свою заботу вывалила на меня. Она душила меня своими придирками и контролем – и топила в своей заботе.

– Понимаю.

– Мне даже говорить с нею сложно.

Роман отодвинул недоподписанные бумаги и закрыл лицо руками. Станиславу показалось даже, что он может заплакать, но он удержался.

Роман продолжил:

– Ну вот не могу с нею нормально общаться! Поехал сегодня в больницу – так вот чуть не разругались с нею! Понимаю, что матери плохо, и поэтому нужно сдерживаться – а не могу. Так достала она своими поучениями! Лежит, подняться с кровати не может, а все равно – «покушал ли», «сдал ли зачёт»! Мне 22 года, а она нянчит меня, как дитё малое! Чтобы не наорать на нее, скомкал беседу и быстро уехал!

Белогоров уже знал от охранника, что Роман приезжал к матери в больницу, но быстро уехал; в общем-то, он так и представлял себе состоявшиеся между матерью и сыном 7 минут разговора.

Он решился сказать так:

– Роман Геннадьевич, это меня совершенно не касается, но все же не могу не сказать.

Он не ждал от Романа разрешения или запрета говорить на эту тему, так как явно видел, что тот сам стремится говорить с ним, поэтому продолжил:

– Когда Юлия Валерьевна говорит о Вас в Ваше отсутствие, она преображается – сразу чувствуется, что она гордится Вами. Она как-то даже становится менее стремительной, что ли – то есть она как бы приостанавливается, чтобы поговорить о Вас. Это очень заметно, потому что обычно она все говорит и делает очень быстро – ну, Вы знаете свою маму. Я из ее упоминаний знаю, как Вы учились в школе, какие секции тогда посещали, какие у Вас друзья, чем Вы увлека-

етесь сейчас, какие у Вас успехи – она все это знает и очень радуется за Вас и гордится Вами.

Роман молчал, смотря прямо перед собой. Потом так же молча продолжил подписывать бумаги.

Станислав продолжил:

– Но и беспокоится о Вас. И скажу прямо: она очень переживает, что у нее с Вами нет понимания. Переживает, старается изменить себя – это она не говорит, это я чувствую, слушая ее – но ничего не получается: как только встречается с Вами – сразу видит, на что нужно сделать замечание – и делает его – потому что хочет, чтобы Вы были лучше. А Вы взрываетесь, считая это придирками. Она в ответ взрывается – и нормального общения опять не получается.

Роман приостановился, но потом вновь продолжил творить документы.

Станислав помолчал, потом заговорил:

– Роман Геннадьевич, Вы моего совета не спрашиваете, но я как адвокат Ваш и Вашей мамы сам хочу попросить Вас наладить сейчас отношения с мамой – именно сейчас ей это очень нужно. Ее не переделать, но может быть, Вы как-то постараетесь изменить отношение к ней?

Роман снова молча посмотрел на адвоката.

– Знаю, что это трудно.

Роман склонил голову и вернулся к подписанию бумаг.

– Это поможет ей скорее выздороветь. А дальше ваши с нею отношения – уж как сложится.

Теперь молчали оба.

Через полминуты Станислав ещё сказал:

– Роман Геннадьевич, извините, что я вмешался с этой темой, но пока я веду дело в интересах Вас и Вашей мамы – мне важно, чтобы вы были едины.

– Я постараюсь, – тихо сказал Роман, вновь откладывая ручку, но теперь уже завершив преобразование всех лежащих перед ним бумаг в документы. – Сам понимаю, что ненормально так собачиться с матерью – мы же с нею в одной комнате больше пяти минут не можем находиться.

– Но вы скоро будете жить отдельно от нее.

– Да, отдельно. Готовлюсь к этому.

Роман задумался, помолчал, потом продолжил:

– Но как мне наладить отношения с нею? Она же удивится, что я по-другому стал общаться с нею, выскажется – а я и взорвусь, как обычно.

– А Вы придите посоветоваться с нею.

– Посоветоваться? – не смог скрыть удивления Роман. – С нею? О чём?

– Да – посоветоваться. Есть же какая-то тема. Вы же сейчас, пока она в больнице, домом занимаетесь, все платежи делаете – вот и начните разговор с того, что Вам нужно все это у нее узнать, чтобы все правильно сделать. Так и скажите: «Мама, хочу все сделать правильно». Мамы любят такие фразы, – с улыбкой договорил Станислав.

Роман молча поднял брови, показывая все свои сомнения,

что это работает. Белогоров, заметив это, продолжил:

– Вы попробуйте так. Уверен, что Юлия Валерьевна понимает, что Вы уже взрослый, но не хочет смириться с этим. И когда Вы покажете, что Вы действительно взрослый, и, будучи взрослым, сознательно приходите к ней за советом – она поймет, что эти нужно принять.

– Спасибо, – сказал Роман.

Видя, что адвокат собирается ответить на это слово благодарности, он еще сказал:

– Спасибо Вам. Я понимаю, что наше с матерью общение ненормально, хочу изменить – чего уж сейчас, все равно самостоятельную жизнь собираюсь начать – но не знал, как это сделать. А тут, как Вы говорите, ради нашего дела нужно наладить отношения. Ну, надо – так надо. Так проще будет.

Посмотрев на стопку подписанных им бумаг, он спросил:

– Все, только эти документы нужно было подписать?

– Да, только эти. Спасибо, что сегодня смогли приехать.

Роман встал из-за стола. Станислав заметил, что он поднялся не так порывисто, как делал это обычно.

– Я провожу Вас, Роман Геннадьевич.

От вышли из переговорной в холл, там Роман обернулся, чтобы пожать руку адвокату, сказал «До свидания» и пошел в направлении двери, которую ему открывала Алина.

Белогоров отметил, что руку ему Роман пожал крепче и основательнее, чем раньше.

Станислав вернулся в свой кабинет и встал у окна, мол-

ча смотря на расположенные внизу кварталы. Потом, посто-
яв так некоторое время в раздумии, достал телефон, вызвал
абонента и стал ждать ответа.

– Алё, мам, привет. Как у тебя дела? Да я ничего, нор-
мально. Как ты?

На следующий день в больницу пришел следователь, что-
бы допросить Комину. Виктория присутствовала как пред-
ставитель Юлии Валерьевны в качестве потерпевшей. Ста-
нислав представлять ее интересы не мог, так как был пред-
ставителем ее сына как ответчика по ее иску, но он так уве-
ренно остался в больничной палате, где следователь допра-
шивал Комину, что следователь не решился даже предло-
жить ему выйти из палаты.

– Здравствуйте, Юлия Валерьевна, меня зовут Николай
Кириллович Березов, я следователь Следственного управле-
ния – представился ей следователь. – Вы можете рассказать,
что помните?

Далее он разложил бумагу на своей папке и приготовился
записывать. Станислав и Виктория тоже приготовились за-
писывать.

Видя затруднение Коминой, Николай Кириллович спро-
сил ее:

– Вы можете сейчас говорить? Я спрашивал врача, она
сказала, что противопоказаний для нашей беседы нет.

– Да, я могу говорить, – тихо сказала Юлия Валерьевна.

– Хорошо. Представьтесь, пожалуйста.

Комина начала было говорить информацию о себе, но Виктория опередила ее и, достав из своего портфеля лист, передала его следователю:

– Здесь записаны официальные данные.

Следователь явно удивился и из-за неожиданности, и из-за нарушения шаблона допроса, но когда он хотел начать настаивать на необходимости соблюдения правил допроса потерпевшего, Белогоров тактично остановил его:

– Николай Кириллович, Юлия Валерьевна очень ослаблена, пусть она лично расскажет только то, что знает только она. Пожалуйста, разрешите личную информацию предоставить в таком виде, – и взяв лист из рук Виктории, со своей стороны передал его следователю.

Видя его сохраняющуюся, не до конца побежденную нерешительность в допустимости такого отступления от процессуальных правил, Станислав добавил:

– Давайте проведем допрос сегодня – все-таки тут может быть покушение на убийство, и кто покушался, неизвестно – а Юлия Валерьевна в больнице, и здесь ее безопасность обеспечить трудно.

С этим доводом – озвученным тактично, но уверенно – следователь нехотя согласился. Он взял лист и переписал с него данные в протокол. Затем, окончательно смирившись с необходимостью отступления от процессуальных правил ради эффективности расследования, он внес всю официаль-

ную информацию о предупреждениях и повернул протокол к Коминой, одновременно протягивая ей ручку для росписи. Она устало-молча посмотрела на своих адвокатов, и после того, как они оба синхронно кивнули, подписала протокол там, где указывал следователь. А следователь в этот момент окончательно понял, что не он управляет ходом осуществления данного процессуального действия. Однако Белогоров вел себя так предупредительно и тактично, что сложившаяся обстановка не коробила следователя.

Наконец, он приступил к собственно допросу Коминой как потерпевшей:

– Что Вы помните, Юлия Валерьевна? – обратился он к ней и приготовился записывать ее ответ.

– Я переходила улицу, дорога была пустой, никакого движения я не видела. Помню, что смотрела не с бордюра, а на небольшом расстоянии от края дороги – я всегда так делаю, потому что быстро хожу.

Она замолкла, переводя дыхание; видно было, что речь ее утомляет. Но она собралась с силами и продолжила:

– Потом я подошла к краю дороги, и в этот момент меня что-то отвлекло – что-то блеснуло. Я автоматически посмотрела на этот блеск – и все, больше ничего не помню. Очнулась здесь.

– Вы кого-то подозреваете? Кто мог покушаться на Вас? Кто заинтересован в Вашей гибели?

– Не знаю. Ни о ком не думала.

– Никаких угроз Вам не поступало? Ничего необычного не было?

Юлия Валерьевна молчала – видно было, что ей тяжело отвечать.

– Есть судебный процесс, – ответила за нее Виктория. – и в день покушения, когда Юлия Валерьевна уже была здесь, ей на телефон пришло сообщение с угрозами.

– Судебный процесс? – переспросил следователь. – Какой судебный процесс? С кем?

– Процесс за супружескую долю в имуществе бывшего мужа.

Следователь не знал, на кого смотреть, кто сообщит более интересную информацию – потерпевшая или присутствующие здесь адвокаты.

Белогоров подхватил инициативу Виктории и рассказал следователю о судебных процессах, их участниках и их взаимосвязи. Раздел имущества и подозрения на то, что противники этой женщины могли стараться убить ее – это существенно оживляло расследование, делало его заметно более интересным. И он понял, что этих адвокатов явно нужно слушать.

Новогодние праздники прошли стремительно, шумно, ярко и быстро. Станислав встретил новый год с Катей, но первого января она уехала к друзьям, он первое января провел дома, а второго уже поехал в офис – поработать в тишине и

спокойствию.

Вот чем хороши новогодние каникулы – так это тем, что в эти дни никто не побеспокоит в офисе.

Из окна его кабинета виднелась заснеженная Москва, из-за праздников вынужденно замедлившая свой стремительный ежедневный бег. Москвичи эту стремительность даже не замечают, для них это норма жизни. Но даже сами москвичи остро ощущают эту стремительность, когда по работе приезжают в другие регионы – потому что намеченные на день командировки встречи и другие дела, если они не привязаны к времени (как судебные заседания), им нередко удается осуществить за первую половину дня, и остаток дня до выезда поезда или вылета самолета приходится проводить в ресторанах.

А в новогодние дни стремительность как-то замораживается, что ли. Нужно успеть с теми встретиться, там отметить, туда съездить, там показаться, но все это получается сделать в каком-то расслабленном ритме (даже если по привычке торопиться).

Станислав неспешно пил кофе и смотрел в окно. Он вообще не любил торопиться, поэтому при первой же возможности замедлялся. Так и сейчас – он небольшими глотками, не торопясь, пил кофе, смотря на январский город.

На крышах большого собора держались снежные шапки, а крыши домов – так вообще стали белыми, и чистыми. Вдали виднелся еще один старинный сбор восемнадцатого ве-

ка. Дороги в праздники чистили не так хорошо, как в будни – но машин по ним ехало немного, поэтому никто никому не мешал. Окна магазинов и некоторых квартир перемигивались друг с другом огоньками гирлянд, не выключаемых даже днем, и новогодние украшения настойчиво напоминали, что нужно праздновать и радоваться.

Телефонный звонок разбудил Станислава в 8:29 (как он рассмотрел на дисплее – а проснулся он не сразу). Он так крепко спал (после запредельно-выматывающего предыдущего дня – в котором были тяжелые 9-часовые переговоры), что не сразу даже сообразил, что это звенит звонок, а не будильник.

Нажав кнопку, он сонно и глухо сказал (буквально выдавил из себя):

– Слушаю...

– Станислав Владимирович, это Вы? – приглушенно спросил женский голос. – Алле?!... Станислав Владимирович? Это Вы?... Алле! Алле!...

– Слушаю Вас. Да, это я.

– Станислав Владимирович, мне нужно завтра встретиться с Вами.

Вторник, восемь двадцать девять утра. Звонит какая-то явно нестарая женщина и приглушенным боязливым голосом говорит, что ей нужно встретиться с ним. Эта мысль была настолько необычна, что даже немного взбодрила Стани-

слава.

– А кто Вы?

– Я не могу сказать. Завтра Вы меня увидите. Но мне нужно встретиться с Вами утром, не позднее половины восьмого.

(«А чё не половины шестого?») – чуть было не проговорил адвокат – ну не любил он утро).

– А по какому делу Вы хотите встретиться?

– По делу Геннадия Максимовича – Комина. Не могу сейчас больше говорить! – ещё приглушеннее ответила загадочная собеседница. – Где мы с Вами можем встретиться?

– Ну давайте в «Шоколаднице» на углу Немецкой и Покровской. Удобно Вам приехать туда?

– На углу Немецкой и Покровской? – переспросила играющая в тайных агентов незнакомка. – Хорошо, я буду там в половине восьмого. До свидания!

С этими словами заговорщица сбросила звонок, причем сбросила явно поспешно.

На часах, как посмотрел Станислав, было 8:31. Он хотел было обдумать этот неожиданный таинственный разговор, но сон победил – и он уснул.

Хорошо, что днём, проснувшись, он увидел на телефоне два пропущенных звонка и один принятый звонок – как раз утренний звонок той приглушенно говорящей дамы в 8:29. Благодаря этому он вспомнил разговор и вспомнил, что они с нею договорились о встрече завтра рано утром.

Вечером этого дня было уже начало седьмого часа, когда Вера, уходя домой, заглянула к Станиславу:

– Слушай, Слав, управляющий зданием завтра попросил всех собственников помещений здесь собраться в 8 часов утра – он спохватился, что завтра ему нужно уезжать. Я все сказала ему позавчера, и завтра хочу подтвердить это. Ты пойдешь со мной – или мне одной сходить?

– Ой, Вер, я и забыл про эту встречу. Сходи сама. Да я и не смогу – у меня завтра тайная встреча с какой-то незнакомкой здесь, в «Шоколаднице» – она звонила сегодня утром.

Станислав весь день помнил про ранне-утренний телефонный разговор и договоренность о встрече, поэтому сразу сказал о них.

Вера явно озадачилась этим сообщением Станислава. Она зашла в кабинет, закрыла за собой дверь и спросила:

– Так, что за встреча?

– Сегодня рано утром позвонила какая-то женщина, сказала, что по делу Комина, и она явно хочет лично сообщить мне что-то важное по делу.

– И ты пойдешь сам?

– Да. Она хочет встретиться лично со мной.

– Хорошо. Кого с собой возьмешь?

– Никого, – удивился Станислав.

– Как никого? – встречно удивилась Вера.

– А зачем?

– Что зачем?

– Кого-то с собой брать. Она же со мной хочет поговорить, что-то лично мне рассказать.

– Слав, ты соображаешь, что говоришь? Какая-то незнакомка хочет с тобой встретиться, из той корпорации, против руководителей которой ты сейчас ведёшь несколько дел и которых подозревают в убийстве Комина и покушении на убийство Коминой. Им же выгодно устранить тебя, чтобы избавиться от проблем. Понятно же, что без тебя дела заглохнут.

Видя, что Станислав собирается возражать, она с решительным движением руки пресекла это его намерение:

– Слав, даже не спорь со мной! Ты забыл про нападение на Комину? Так, завтра возьми с собой кого-то из наших охранников. Кто завтра дежурит?... Степан. Вот – Степан. Он пойдёт с тобой.

Видя, что Белогоров готовится все же возражать, Вера продолжила:

– Слав! Даже не начинай спорить. Знаю все, что ты скажешь – что ты мужик, ты владеешь самбо, что у тебя есть оружие и ты умеешь стрелять из него. Все знаю. У врагов тоже есть оружие, и они умеют стрелять. А ты нужен своим родным, и нужен нам. Степан! – с этими словами Вера вышла из кабинета. – Степан! Так, завтра утром пойдешь со Станиславом Владимировичем – он скажет тебе, куда и когда приехать.

Белогоров из кабинета развел руками, показывая Степа-

ну, что нужно смириться – ибо спорить бесполезно. Он – смирился. Он много лет знал Веру и знал, что она всегда все говорит правильно, и что нужно делать так, как раз советует – даже если с нею не хочется соглашаться.

Станислав велел Степану одеться в куртку попроще, натянуть кепку, прийти завтра в ту «Шоколадницу» в 7:10, занять место прямо напротив лестницы и заказать кофе и что-то поесть – чтобы выглядеть таксистом, пьющим кофе и завтракающим после ночной смены.

Сам он оделся неофициально, в джинсы, свитер и куртку, и даже, подумав, тоже надел бейсболку – и в 7:20 пришел в ту же «Шоколадницу».

Подняться в такую рань ему было невыразимо-тяжело, но пришлось.

Белогоров поднялся по лестнице и занял столик рядом с балконом над нею. Когда он пришел, в кофейне были только два посетителя, в одном из которых он узнал Степана; тот уже получил кофе, пил его, смотря на лестницу. Шефа он узнал, смотря ему прямо в глаза, но ни он, ни Станислав, разумеется, не показали виду, что знакомы.

Расположившись за столиком, Белогоров заказал подошедшему сонному официанту кофе «эспрессо» и стал ждать.

Он любил эту «Шоколадницу». Конечно, эти кофейни нельзя не являлись престижными ресторанами, но они пленяли своей уютностью. А эта «Шоколадница» располагалась

на втором этаже в старинном здании на углу Немецкой и Покровской, к ней вела великолепная кованая лестница, стены были из красного кирпича, а под потолком по внешнему круговому периметру кофейни (то есть со стороны перекрестка улиц) располагались бронзовые украшения. Все это было очень весомо, солидно, внушало спокойствие и уверенность.

В 7:35 в кофейню зашла женщина, поднялась на этаж, расположилась за столиком, сделала заказ подошедшему официанту и уткнулась в телефон. Станислав присматривался к ней, предполагая, это она или не она, но все-таки решил подождать, не подходить к ней первым.

И оказался прав: ещё через три минуты по лестнице поднялась женщина, которая высматривала присутствующих, и, увидев адвоката, уверенно направилась к нему. Видя ее подходящей, Белогоров поднялся ей навстречу; боковым зрением он видел, что Степан внимательно смотрит за ними обоими, чтобы в случае необходимости броситься на помощь командиру.

Станислав, конечно, хотел узнать, в чем дело, что за тайная – и такая суперранняя! – встреча, но не успел даже поприветствовать даму – потому что она тут же заговорила:

– Здравствуйте, Станислав Владимирович, спасибо, что согласились встретиться. Я Валя, секретарь Геннадия Максимовича. Я продолжаю работать в корпорации, и в восемь сорок пять мне нужно быть на рабочем месте, потому что нас жестко контролируют. После работы за нами тоже могут

следить. Так, к делу.

Пока она говорила, Белогоров рассмотрел ее. Это была ещё молодая женщина, лет 32-35, прекрасно выглядящая, как говорят – очень ухоженная, уверенная в себе – тем удивительнее была приглушенность ее разговора вчера и торопливость ее рассказала сегодня, и ощущаемая испуганность – они ничуть не вязались с ее образом.

– Здравствуйте, Валя, располагайтесь.

Станислав помнил, в каком тяжелом положении оказалась Валентина, когда результат экспертизы показал, что ее шеф был отравлен, радовался, что ее это задело минимально, и не хотел напоминать о той ситуации.

Подошел официант, предложил даме меню, но она коротко ответила, отвергая меню «Ничего не буду», и вновь повернулась к Белогорову. И вновь ей удалось своими ответами опередить его вопросы.

– Ваш телефон я нашла сама – я видела, когда Вы приезжали в корпорацию, и узнала Вас, так как видела Вас в телешоу. Я секретарь Геннадия Максимовича, работала руководителем его секретариата. После его ... ухода многое изменилось. А уж когда стало известно, что его отравили, вообще все перевернулось. Но это не важно! – решительно сказала Валя и продолжила, – Так вот, есть информация, известная, наверное, только мне. Я так была потрясена смертью Геннадия Максимовича, что сразу забыла рассказать об этом, и полиции, и следователям. А уж когда меня допрашивали о

том, как я готовила чай, и обвиняли в том, что это я насыпала туда яд, мне вообще было ни до чего. Потом же, видя, как все закручивается, решила и не сообщать. Но теперь узнала о нападении на Юлию Валерьевну – и понимаю, что молчать об этом нельзя, вдруг то, что я знаю, сможет помочь бывшей жене и сыну Геннадия Максимовича. Он ведь их очень любил! Сын был для него главным человеком! А Юлия Валерьевна... Она прекрасная, замечательная, но очень давила на него, он буквально сбегал от нее на работу... Но это не он мне говорил, что я сама наблюдала. А он очень любил ее. Он в Маргариту, ну, дочь Бориса Степановича, влюбился лишь потому, что она была похожа на Юлию Валерьевну – они же родственники. Но я не это хотела рассказать. Так вот. В тот... день Геннадий Максимович был у себя в кабинете, и вдруг он выбежал какой-то необычный: он вообще-то был очень сдержанным человеком, не сухим, а именно сдержанным, он мог и пошутить, и посмеяться, но чувствовалось, что он постоянно сдерживает себя – контролирует себя. А тут он выскочил из кабинета – представляете, он! выскочил! – и пошел к двери, прямо на ходу надевая плащ, и сказал мне, проходя мимо моего стола: «Валя, представляете, у меня родственник нашелся!» – и убежал, не сказав, куда идет, с кем встреча – с этим родственником, или с кем-то ещё. Но я знала, что он очень переживал, что у него нет никакой родни. Вот, что я хотела рассказать.

Белогоров слушал монолог Вали очень внимательно. Ко-

гда она остановилась, он не сразу задал вопрос:

– А когда Геннадий Максимович вернулся после встречи, он ничего не рассказывал о ней?

– Нет, не рассказывал. Он вернулся и сразу пошел готовиться к совещанию, он приехал прямо к нему, мне даже пришлось звонить ему напоминать. Только чаю попросил приготовить. И тут ему стало плохо, и он умер. Мне надо было сообщить полиции, но сразу я не сказала, а теперь боюсь. Да и директора между собой переругались.

– А правда, что Геннадий Максимович не подписывал сам документов? – решил узнать Станислав, пользуясь неожиданной напрочь не запланированной беседой с таким ценным очевидцем.

– Правда. Он отошёл от всех текущих дел, вроде бы обдумывал какой-то новый проект, но явно не успел его начать. А по действующим проектам он лишь осуществлял общее руководство, слушая на совещаниях отчёты и давая указания – документы все подписывали директора. У него были личные записи, собственноручные, но они остались в кабинете и потом исчезли. Ну то есть я их больше не видела.

– А бригада «скорой помощи» быстро приехала?

– Да, быстро, констатировали смерть от остановки сердца.

– Кто-то заходил в кабинет Геннадия Максимовича?

– Да – Борис Степанович Лиров, и он вынес оттуда стопку бумаг – сказал мне, что это его доклад, с которым он должен был выступить на совещании.

Валентина посмотрела на часы.

– Станислав Владимирович, мне нужно идти на работу.

Она встала из-за стола, адвокат тоже поднялся.

– Спасибо Вам, Ваша информация очень неожиданна и очень ценна.

– Надеюсь! Но я очень хочу, чтобы наша с Вами встреча и беседа остались в тайне – я боюсь.

– Да, конечно. Спасибо Вам! То, что Вы рассказали, наверняка очень поможет мне для Юлии Валерьевны и Романа Геннадьевича.

Станислав попросил счет, оплатил его и стал спускаться к выходу. Степан, видя его, тоже попросил и оплатил счет и вышел – но так, чтобы это выглядело автономно от Белогорова; свой счет он оплатил сам, прекрасно зная, что адвокат незамедлительно компенсирует ему этот расход, как бывало всегда.

По приходе в офис, когда пришла Алина, Станислав попросил ее первым делом подобрать статьи с интервью с Геннадием Максимовичем Коминым. Не более чем через пятнадцать минут Алина принесла распечатанную подборку. Листая ее, он увидел, что примерно в двух интервью из трех тот упоминал о том, что у него нет никаких родственников: по отцу были дед и бабушка, дед рано остался сиротой; мать была единственным ребенком, ее родители в своих семьях – тоже единственными детьми. И вот в итоге этого у него нет ни братьев с сестрами, ни дядей с тетями, ни кузенов с ку-

зинами – вообще никого; чувствовалось, что для него это – жизненная трагедия.

Весь день Станислав размышлял над информацией, узнанной от Валентины. То, что завещание подделал Борисом Лировым, он с самого начала предполагал – теперь он убедился в верности своих предположений, раз Лиров вынес из кабинета Комина какие-то листы бумаги. Ну вряд ли Лиров забрал оттуда свой доклад – он наскоро придумал такую версию, чтобы хоть как-то объяснить вынесение бумаг. Значит, Лиров нашел там листы с подписью Комина – и тогда было понятно, зачем он пригласил помощника нотариуса в офис корпорации для оформления завещания на свою дочь.

Это становилось понятно.

Но его очень озадачило сообщение о том, с кем Комин встречался перед смертью – таинственный родственник. Встреча явно проходила где-то поблизости от офиса, раз Комин смог быстро вернуться. С учетом того, как часто и много он говорил о желании найти родственников, ничуть не удивительно, что кто-то смог очаровать его, представившись ему обретенным ранее неизвестным родственником.

Индийское кино какое-то получается. Но если это так – то кто это? Понятно же, что именно этот родственник и отравил Комина. Но как его найти? Кто он?

Адвокаты топ-менеджеров корпорации почти в полном

составе собрались на совещание. Вел его Павел Дмитриевич Коробаев, руководитель бюро, уверенный в себе и силе своего имени и опыта, и он сразу решительно перешёл к сути:

– Так, говорим конкретно. Правовая позиция у нас есть. Она несильная, но она есть. Пока Белогоров и его адвокаты не сделают следующий ход, мы ничего менять не можем. Что ещё мы можем сделать.

Лариса Кирилловна Астрова, представительная и солидная дама с большим опытом практики – опытом, к которому даже Коробаев прислушивался – внушительно сказала:

– Только собирать доказательства – больше ничего делать не можем.

– Но доказательства тоже нужно будет обновлять в зависимости от того, какой ход сделает Белогоров на следующем заседании. Но наши клиенты нервничают, возбуждение уголовного дела их сильно напрягает.

Пообсуждали все, что уже сделано, не нашли ничего, что можно было бы ещё сделать.

Обсуждали все, кроме Каролины Береникиной. И тут она сказала:

– А давайте я съезжу к адвокату Белогорову.

– Зачем? – удивился Коробаев.

– Ну, как-нибудь вечером – например, завтра – пообсуждаю с ним это дело лично.

Все остальные молча переглядывались между собой, не скрывая удивления ее предложением. А Каролина тем вре-

менем продолжила:

– Ну если кому и ехать к Белогорову, лично, то только мне, – уверенно и торжествующе произнесла она, с вызовом смотря на Ларису Кирилловну, которая была значительно старше ее и выглядела солидно, но, конечно, безнадежно уступала Каролине по красоте и неоспоримой привлекательности. – Ну скажите прямо, вы же именно для этого взяли меня, молодую адвокатессу, в свою команду?

Коробаев опустил взгляд – он не хотел этого признавать, но когда он формировал команду, у него такие мысли были.

А вот Астрова строго посмотрела на Береникину:

– Ну мне Вы, Каролина, казались способным юристом, у Вас хорошие перспективы в профессии, но не стоит смешивать свои профессиональные и личные данные. Паша, – обратилась она к Коробову, – ну скажи ей, что не стоит так поступать!

Коробаев молчал. Астрова настаивала:

– Ну нельзя рисковать репутацией! Что будут говорить про нас – что мы молодых красивых адвокатесс к оппонентам подсылаем, подкладываем под них?

Но Коробаеву эта идея нравилась, однако он не мог решиться в присутствии строгой, опытной и уважаемой коллеги Астровой признаться в этом.

Каролина решила помочь боссу выпутаться из неожиданной и сложной ситуации:

– Лариса Кирилловна, успокойтесь, никто меня ни к кому

не подсылает, я сама съезжу к нему. На разведку, – добавила она с милой, но при этом обворожительно-хитрой улыбкою.

– Я – против такой поездки, и вообще таких методов! – решительно сказала Астрова и вышла из зала. Вслед за нею вышли ещё двое коллег, поддерживающих неприятие подобных методов.

(«Ну конечно, – подумала Каролина про Астрову, – ты-то уже карьеру сделала, ты партнёр бюро, да никто тобою уже и не соблазнится!» – и эта мысль согрела ее и укрепила).

Вслух Каролина сказала, обращаясь к шефу:

– Павел Дмитриевич, не надо никаких инструкций, я все продумаю.

Коробаев едва заметно кивнул – молча, чтобы потом нельзя было сказать, что он поддержал идею Береникиной.

В семь часов вечера – даже, скорее, уже в начале восьмого часа – Вера, собираясь уходить домой, заглянула в кабинет к Белогорову попрощаться и коротко обговорить дела на завтрашний день. К ее удивлению, Станислав даже и не собирался ещё уходить – он спокойно работал с документами.

– Слав, ты ещё не уходишь?

– Нет, я до самого вечера здесь буду.

– Почему так точно?

– Мне сегодня утром Каролина Береникина позвонила, просила о встрече в девять часов вечера.

– А кто это такая?

– Она из команды адвокатов топ-менеджеров корпорации «ГенКом».

– Понятно. А почему так поздно?

– Сказала, что вопрос срочный, но в течение дня она приехать не сможет.

– Понятно.

Вера отложила отъезд из офиса, вернулась в свой кабинет, включила компьютер и стала смотреть информацию о том, кто такая Каролина Береникина. Посмотрев ее фотографии, она ещё раз сказала «Так, понятно», взяла трубку телефона, дождалась ответа и сказала:

– Александр Александрович, зайди, пожалуйста, ко мне.

В назначенное время Каролина Береникина приехала к офису коллегии адвокатов Белогорова, вышла из машины и пошла к нужному входу в здание. Ее переполняла радость, что ей не запретили сделать то, что она решила сделать, потому что, даже будучи действительно способным юристом, она понимала, что ещё очень не скоро сможете достичь высот в адвокатском бюро – а ей хотелось сделать карьеру как можно быстрее. Соблазнять боссов она не решалась – все равно все простые сотрудницы были моложе и раскованнее ее – но когда ее включили в команду по делу о наследстве Коминых, она поняла, что это ее шанс.

Зайдя в дверь, она направилась к рецепции, отметив, что за столом сидит охранник – мужчина лет 30-32, высокого ро-

ста, явно крепкого телосложения, с короткой стрижкой (но все же с прической, а не с бритым бобриком), с холодно-доброжелательным взглядом бесцветных глаз, в строгом черном костюме, и ещё один мужчина точно такого же вида и взгляда, лишь немного отличающийся внешностью, стоит рядом с рецепцией. Про себя она насмешливо назвала их «мистерами Смит» из «Матрицы».

Когда она подходила к стойке рецепции, охранник, сидевший за нею, поднял взгляд и спросил:

– Каролина Артуровна? Здравствуйте, – его лицо осветилось строгой официальной улыбкой. – Проходите, Станислав Владимирович ждёт Вас. Мой коллега проводит Вас в офис.

Каролина немного подрастерялась. Ранее она уже приезжала в этот офис, но такой пропускной системы с сопровождающими здесь не замечала. «Ну да ладно, подумала она, может быть, новую охранную фирму пригласили, и те стараются показать свою надёжность».

– Здравствуйте. Нет необходимости меня провожать, я уже приезжала в этот офис.

– Мой коллега проводит Вас, – невозмутимо повторил охранник с той же официальной улыбкой, а второй охранник подошёл к лифту, чтобы сопровождать Каролину, и вежливо нажал кнопку.

Ей ничего не оставалось, как смириться.

В лифте она немного раздражённо спросила навязанного ей сопровождающего:

– Тут всех теперь так сопровождают?

– Выходите, пожалуйста, – сказал, не отвечая на ее вопрос, охранник, когда двери лифта открылись, с той же официальной любезностью, что и охранник внизу на рецепции.

Когда они подходили к офису, Каролина увидела, что у нужной двери стоит ещё один «мистер Смит». Он, увидя их, сам открыл дверь и пригласил ее, сказав:

– Здравствуйте, Каролина Артуровна, проходите, пожалуйста, Станислав Владимирович ждет Вас.

Каролина зашла в офис; будучи уже серьезно растерянной таким приемом; стало понятно, что к ее приезду готовились.

Пройдя в офис, она направилась к рецепции секретаря – и увидела за столом на месте секретаря ещё одного «мистера Смита». Он посмотрел на нее и сказал с официальной улыбкой:

– Станислав Владимирович ждёт Вас.

Тот же «мистер Смит», который сопровождал ее в лифте, обратился к ней:

– Каролина Артуровна, разрешите принять Ваш плащ.

Совсем уже растерявшись, Каролина сняла плащ, и охранник легко подхватил его. Посмотрев на охранника на секретарском месте, она поняла, что и он, и охранник, открывавший дверь, действительно очень похожи – высоким ростом, крепким телосложением, короткой прической и – официально-приветливым взглядом холодных бесцветных глаз.

Но она увидела и ещё кое-что: монитор на секретарском

месте был повернут так, что она могла видеть все, что демонстрировалось на нем, и одно из изображений являлось трансляцией видеоизображения из кабинета адвоката Белогорова – он что-то печатал на компьютере. Тут Каролина поняла, что ее план был просчитан и раскрыт (хотя у нее и мелькнула мысль, что это Астрова, не приемлющая таких методов, специально предупредила Белогорова).

Охранник, сопровождавший ее по лестнице, проводил ее до двери кабинета, открыл ее, сказал ей «Проходите, пожалуйста», и сказал:

– Станислав Владимирович, к Вам приехала Каролина Артуровна Береникина.

Каролина зашла в кабинет, и охранник аккуратно закрыл за нею дверь.

Белогоров встал из-за стола, приветствуя ее и показывая на кресло на противоположном конце его стола:

– Здравствуйте, Каролина Артуровна! Располагайтесь, пожалуйста. Чаю, кофе?

Каролина совсем подрастерялась, но все же пыталась показывать уверенность в себе и своей миссии.

– Черный кофе, пожалуйста, – сказала Каролина с улыбкой.

Через сорок секунд в кабинет зашёл один из «мистеров Смитов» и поставил перед нею с подноса чашку черного кофе – и Каролина поняла, что все, что происходит в кабинете Белогорова, в приемной не только видят, но и слышат.

Все – план провален, Белогоров ее переиграл. Вот теперь Каролина окончательно растерялась

Охранник вышел. Станислав вернулся в свое кресло и спросил:

– Что Вы хотели обсудить?

Каролина взяла с собою некоторые бумаги по делу, для вида, но она так уверила себя в том, что ее план сработает, что даже толком не продумала официальный вариант беседы. Она смогла лишь сказать:

– Что Вы планируете сделать на следующем заседании?

Она пробыла в кабинете лишь пять минут – и то лишь потому, что допивала принесённый ей кофе.

Когда она ушла, Белогоров тут же позвонил Вере и спросил с широкой улыбкой:

– Привет. Это ты организовала Каролине Береникиной такой подчеркнуто внимательный прием?

– Я, – так же с улыбкой ответила Вера, растягивая ответ.

– Я понял это по тому, что дверь в мой кабинет ей открыл Степан, а не Алина.

– Сработало?

– Ещё как! Ты бы видела ее лицо, когда она заходила в кабинет!

– Ну, завтра посмотрю на записях с видеокамер.

– Ты опасалась, что она может соблазнять меня?

– Конечно! Слав, ты посмотри на ее фотографии на сайте их бюро – она даже там красуется, выставя свои прелести!

– Круто.

– Ребята хорошо сработали?

– Судя по ее лицу, когда она вошла в мой кабинет – да, великолепно! Еще никогда не был так напуган человек, которому нечего опасаться.

– Здорово мы ее обломали?

– Здорово. Спасибо тебе!

– Так а как она в итоге объяснила цель встречи?

– Никак. Спросила, что я собираюсь делать в следующем заседании.

– Вот это провал ее! Даже тему не продумала.

– Да! Спасибо тебе!

– Пожалуйста! Слав, а ты ещё в офисе что ли? – обеспокоенно-заботливо спросила Вера.

– Да.

– Езжай домой! – сказала она требовательно.

– Хорошо, хорошо, сейчас поеду, – сказал Станислав успокаивающе, и еще раз добавил, – Спасибо!

Раздался осторожный стук в дверь. Комина удивилась, кто мог стучать – врачи и медсестры заходили без стука, муж тоже – и сказала:

– Входите.

Дверь открылась, и вошёл Роман, в накинутом ему на плечи медсестрами белом халате.

– Здравствуй, мам.

– Здравствуй, Ромочка! Спасибо, что заехал проведать.

В благодарности явственно звучал упрек матери сыну за то, что он не приезжал в предыдущие дни. Да и имя «Ромочка» двадцатидвухлетнему парню трудно воспринимать спокойно. Но он решил не обращать на это внимания.

– Как твое здоровье?

– Нормально, поправлюсь. Скоро уже выпишут.

И если эти две фразы Юлия Валерьевна сказала спокойным тоном, то следующие вопросы были похожи на выстрелы:

– Как ты питаешься? Не голодаешь? Как учеба? Порядок в доме поддерживаешь? Возвращаешься не поздно? Никого подозрительного нет?

Роман закрыл глаза; как он НЕ соскучился по такому потоку вопросов от мамы! Такое впечатление, что она пропустила его совершеннолетие и по-прежнему считает его подростком, которого нужно во всем контролировать. Как же это раздражало!

Но он пришел с сильно-хорошим настроением, поэтому, открыв глаза, он повернулся к маме и неожиданно даже для самого себя – и уж более неожиданно для мамы – сказал ей:

– Мам, ты всегда задаёшь мне подобные вопросы, и я всегда раздражаюсь на них и резко отвечаю тебе – потому что мне уже двадцать два года, и я уже не маленький мальчик. Прости меня за резкость – за то, что всегда злюсь и резко отвечаю тебе, да и вообще резко разговариваю с тобою. Про-

сти меня, мам.

Юлия Валерьевна смотрела на Романа так, как будто вместо ее сына пришел двойник – она никогда не слышала от своего сына таких слов. Потом она молча протянула к нему руки, он подсел ближе, и она крепко обняла его.

– Конечно, прощаю, Ром. Я так за тебя волнуюсь!

– Не волнуйся, мам, ну я же все-таки уже взрослый.

И потом он решил ответить на ее вопросы:

– Питаюсь хорошо, не голодаю.

– Дома или в кафе? – не смогла удержаться от уточняющего вопроса Юлия Валерьевна.

И тут же улыбнулась, и Роман тоже улыбнулся.

– Утром и вечером дома, днём в кафе – я же учусь. С учебкой все в порядке, учебку подтянул, долгов нет, на сессию вышел, по двум предметам даже на «автоматы» выхожу.

У Коминой не нашлось слов – она протянула руки и вновь крепко обняла сына. Ему показалось, что у нее увлажнились глаза.

– Мам, мне с тобой посоветоваться нужно. Как думаешь...

И дальше Роман стал задавать маме вопросы, которые он едва смог напридумывать – потому что он действительно был уже взрослым и все решения мог принимать сам – поэтому придумать темы для советования с мамой было тяжело. Но он придумал, и спрашивал, и она советовала, и никогда ранее у них не складывалось такой долгой и при этом мирной беседы.

Станислав говорил по телефону:

– Ну, Вы же не забыли, что в связи с изменением ФЗ № 214-ФЗ вы должны увеличить уставный капитал, что бы продолжить использовать договор долевого участия для привлечения денежных средств дольщиков? Вы же согласны с тем, что оптимально будет использовать перекрёстное владение с материнской компанией, поскольку на реальное увеличение уставного капитала у нас пока нет денег? Ну, вот в этих рамках и будем определять дальнейшую линию деятельности.

Закончив беседу, он хотел сосредоточиться на подготовке документа, но раздался звонок от Романа:

– Слушаю.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, Роман Геннадьевич!

Роман помолчал, а потом сказал:

– Станислав Владимирович, спасибо Вам за подсказку. Я был сейчас у мамы, извинился за все свои резкости, и советовался с ней. И все получилось хорошо.

– Прекрасно! – восхитился Белогоров.

Он не был уверен, что Роман воспользуется его рекомендацией, а он не только пришел посоветоваться с мамой, но ещё и извинился перед ней.

«Вот теперь – настоящий взрослый мужчина» – подумал Станислав.

Роман продолжал:

– Спасибо. Поговорил с мамой – и как будто от камня избавился. Мне стало легче.

А совсем вечером раздался звонок от Коминой. Белогоров за все время общения никогда ещё не слышал ее в таком умиротворённом состоянии:

– Здравствуйте, Станислав Владимирович.

– Здравствуйте, Юлия Валерьевна. Как Ваше здоровье?

– Все хорошо, спасибо. Станислав Владимирович, я Вам звоню не по нашим судебным делам. Мне очень хочется рассказать Вам, что сегодня ко мне приезжал Рома, и он как будто другой стал – он извинился за то, что резко говорил со мной, и – представляете – советовался со мной по тому, что для него важно, как поступить. И советовался не просто, что делать, а сам варианты предлагал, которые он подобрал, и советовался, какой выбрать. Я же и не заметила, что он уже совсем вырос, что он совсем уже взрослый!

Комина замолчала, но Белогоров понимал, что она хочет ещё что-то сказать. И он был прав.

– Понимаете, я счастлива – мой сын вырос, он взрослый, он самостоятельный. Я теперь спокойна за него.

– Понимаю Вас, Юлия Валерьевна, и очень рад, что Роман пришел к Вам и у вас такая беседа сложилась. Я помню первую встречу с ним – и понимаю, как для вас важно, что он изменился.

– Да! Спасибо, что Вы меня выслушали – как раз из-за той

первой встречи, когда Вы увидели Рому, я и решила позвонить Вам, чтобы рассказать, как он изменился. До свидания, Станислав Владимирович.

– До свидания, Юлия Валерьевна. Выздоровливайте скорее.

Станислав действительно был рад, что отношения сына и мамы наладились. Для работы – для ведения судебных дел Коминых – ему было фиолетово, какие у них отношения, но по-человечески ему хотелось, чтобы они были если не хорошими, то хотя бы нормальными – и он очень радовался, что этого удалось достичь.

На телефоне сыграл сигнал поступления сообщения. Станислав посмотрел дисплей, это было сообщение от Романа Комина:

«Здравствуйтесь. Мне звонила Рита Лирова, я сказал ей звонить Вам».

Сообщение очень заинтересовало Станислава, но у него начиналась встреча, и он отвлекся мыслями. Когда он проводил важные встречи, он отключал телефон и переводил его на офис; но он сказал Алине, чтобы Маргарита Лирова звонила ему позднее.

Встреча уже завершилась, Станислав, придя в кабинет, рисовал на листе схему реорганизации компании, когда раз-

дался звонок – номер был незнаком.

Станислав ответил:

– Аллё, слушаю.

– Здравствуйте, Станислав Владимирович. Это Маргарита Лирова.

– Здравствуйте, Маргарита Борисовна, Роман Геннадьевич сообщил, что Вы будете звонить.

– Да, когда я ему позвонила и рассказала все, он сказал звонить Вам и все рассказать.

– Слушаю Вас, Маргарита.

Наступило молчание; Станислав понимал, что его собеседница собирается с мыслями и обдумывает, как и что рассказать ему. Станислав не торопил ее, но потом всё же решил помочь ей:

– Может быть, Вам будет легче встретиться и рассказать все это мне лично, здесь, в офисе?

– Нет, приехать я не смогу точно. Отец контролирует все мои перемещения.

Станислав окончательно убедился, что звонок Риты непосредственно связан с делами, которые он ведет в интересах Коминых.

– Нет, я расскажу по телефону. Я позвонила и все рассказала Роме, и он сказал, что не может дать мне ответ без Вас. Это звучало интригующе.

Маргарита продолжала (видимо, собравшись с духом и силами):

– Завещание, составленное на мое имя – поддельное.

Вновь наступила тишина. Очевидно, что самое важное Маргарита уже решила сказать, поэтому далее ей уже проще все говорить:

– У нас с Геннадием был роман. Я не могу сказать, что мы уже жили одной семьёй, но знаю, что он собирался предложить мне выйти за него замуж. Мой отец очень радовался этому, он предполагал, что если Гена женится на мне и отойдет от дел, как он собирался, он будет по поручению зятя руководить корпорацией. Смерть Гены была совершенно неожиданной, когда это случилось, отец позвонил мне, и я по голосу поняла, что он растерян, но ищет, что бы в такой ситуации сделать. Он меня спросил только, не беременна ли я. Я сказала, что нет. Вечером он приехал ко мне и сказал, что Гена прямо перед смертью оформил завещание на меня как свою невесту. Я спросила папу, как же Гена успел его оформить – и по его ответу поняла, что завещание поддельное. У меня случился нервный срыв – до той минуты держалась, но рассказ папы подкосил меня. Я любила Гену. Я понимала, что он заметил меня лишь потому, что я похожа на тетю Юлю. Но я любила его.

Она замолчала. Станислав тоже тактично молчал.

Рита продолжила:

– Меня госпитализировали. Я сказала папе, что не хочу ничего фальшивого, и он отодвинул меня от всех дел. Из-за болезни я не могла возражать ему. Сейчас я дома. Он по-

том проговорился, что в кабинете Гены нашел листы с его подписями, позвонил нотариусу Мутновой, она прислала помощника, и они оформили завещание так, как будто бы Гена оформил его в офисе. Так что завещание точно поддельное; фамилию, имя и отчество от имени Гены написал мой папа – там подлинная только подпись. Папа оформил доверенность от моего имени и подал заявление о принятии наследства. Я знаю, что папа теперь боится раскрытия правды – ведь он официально предъявил завещание от моего имени, а теперь он и другим директорам доверять не может. Он боится и Вас, с тетей Юлей и Ромой, и других директоров боится. Я не знаю, как спасти его. Я не могу пойти и все рассказать полиции, или суду. Папа контролирует все мои перемещения. Но я и не хочу сдавать его. Я потеряла любимого человека, и теперь я боюсь потерять и папу. Я же понимаю, что из-за подделки завещания против него может быть возбуждено уголовное дело и он может быть осуждён. Как мне быть?

Наступило молчание. Потом Рита проговорила:

– Я все это рассказала Роме, он выслушал, и сказал позвонить Вам – потому что без Вас он никаких решений принимать не хочет.

Вновь наступило молчание. Позиция Романа Белогорова не удивила: понятно, что он, ничего не зная в юридической сфере, не станет ничего обещать.

Молчание затягивалось. Станислав понимал, что Маргарита волнуется, потому что боится за судьбу своего отца, а

судьба отца зависит от его решения.

Белогоров начал говорить – как можно более доброжелательно:

– Маргарита Борисовна, спасибо, что Вы позвонили.

Она подтвердила то, в чем он и так был уверен – что завещание было подделано; он заподозрил это еще после того, как секретарь Валентина сказала, что Борис Лиров в день смерти Комина заходил в его кабинет и вынес оттуда какие-то бумаги. Оставалось это доказать.

Доказать.

Самое сложное – доказать.

– Маргарита Борисовна, я понял Вас. Если мой доверитель не будет настаивать на возбуждении уголовного дела по факту фальсификации завещания, я сам настаивать на этом не стану.

Рита ничего не сказала, но Станислав почувствовал, что она облегченно выдохнула.

– Спасибо! – только и смогла выговорить Рита.

– Я не могу требовать от Вас никаких встречных обязательств, – сказал Белогоров, тем самым подтверждая отказ от возбуждения уголовного преследования Бориса Лирова. – Но может быть, Вы как-то поможете нам доказать фальшивость завещания?

– Я не смогу прийти и заявить что-то о его фальшивости! – проговорила Рита, и Станислав понял, что она вновь напрягается в своем беспокойстве об отце.

– Этого не нужно, – поспешил заверить ее Белогоров, – я понимаю, что Вы не сможете свидетельствовать против отца.

Собственно говоря, она в любом случае могла воспользоваться статьей 51 Конституции и отказаться свидетельствовать против отца как близкого родственника. Станислав решил не скрывать этого:

– Вы все равно по закону вправе отказаться свидетельствовать против отца как близкого родственника. Но и без этого я не стал бы подавать заявление о возбуждении уголовного дела, раз Роман Геннадьевич не хочет его возбуждения. Но может быть Вы как-то подскажете, как нам доказать его фальшивость?

– А что Вам нужно?

– Нам нужны документы, написанные Геннадием Максимовичем, как образцы его почерка.

Маргарита после некоторого молчания сказала:

– У меня есть документы о некоторых покупках, которые Гена делал для меня. И ещё есть договор аренды квартиры, которую он снял для меня. И ещё есть договор банковского счёта.

– Замечательно. Вы можете передать эти документы мне?

– Да, могу. Но как их передать? Я почти не выхожу из дома.

– Но всё-таки выходите?

– Да, иногда встречаюсь с подругами.

– С ними сможете передать документы?

– С ними? Даже не думала.

– Ну есть у Вас какие-то самые доверенные подруги?

– Пожалуй, что да... Наверное, да... Да, точно есть!

– Тогда может быть с ними передадите?

– Да, можно!

Чувствовалось, что Маргарита искренне рада и обеспечить безопасность своего отца, и помочь доказать поддельность завещания.

– Замечательно. Вам позвонит моя коллега, договорится о встрече с Вами и Вашими подругами. Ее зовут Виктория.

– Спасибо!

И ещё:

– Спасибо Вам, Станислав Владимирович. Спасибо!

Закончив беседу, Белогоров позвонил Виктории:

– Виктория, у меня новое поручение для Вас: Вы станете подругой Маргариты Лировой и ее подруг. Да, да, согласен, неожиданное поручение. Но очень важное! И Вы с ним точно справитесь.

В тот же день Белогорову позвонил Роман.

– Станислав Владимирович, здравствуйте.

– Здравствуйте, Роман Геннадьевич! Что случилось?

– Станислав Владимирович, неловко говорить, но за мной, похоже следят.

– Почему Вы так думаете?

– Я заметил, что один и тот же мужчина появляется рядом

со мной в разных местах. У меня хорошая память на лица – я запомнил его.

Станислав понял, что охранник, которому он поручил следовать за Романом и оберегать его, «засветился». Нужно было рассказать об этом Роману – так как общение с доверителем требовало доверия доверителя.

– Роман Геннадьевич, я должен Вам сказать, что скорее всего этот человек – сотрудник нашего охранного агентства, которому я поручил защищать Вас.

Даже по молчанию Романа было понятно, что он «закипает»:

– Но я же сказал, что справлюсь сам! Зачем Вы направили этого охранника?

– Роман Геннадьевич, извините меня, что сделал это втайне от Вас. Но я понимал, что Вас не убедить согласиться быть под охраной, а Вашу безопасность нужно обеспечивать – на Вас могут напасть.

– Я же сказал, что справлюсь и позабочусь о себе сам! – в голосе Романа стал звучать непривычный металл.

– Да, понимаю, – согласился адвокат.

– Отмените указание этому охраннику следовать за мной! – в общем-то, не попросил, а прямо потребовал Роман.

– Да, хорошо. Он более не будет следовать за Вами, – вынужден был согласиться с этим требованием Станислав.

– И других охранников не назначайте! – предусмотритель-

но потребовал Роман.

– Понимаю, – уклончиво согласился адвокат, чтобы идею, о которой он как раз сейчас подумал, не пришлось отставить.

– До свидания! – попрощался Роман и сбросил звонок.

Белогоров был удивлен – он никак не ожидал от Романа Комина такой решительности, да еще и такой настоятельности. И он крепко задумался, как же теперь обеспечивать безопасность младшего Комина.

Через минуту Роман позвонил вновь:

– Станислав Владимирович, Вы меня извините за резкость. Ну... ну большой я уже, справлюсь сам. Я буду осторожен! – пообещал Роман.

– Хорошо, – ответил Станислав, теперь по-настоящему боясь за такого своенравного доверителя.

А что он еще мог ответить? Действовать вопреки прямому указанию доверителя, даже с целью защиты его? Наверное, да; большинство адвокатов, не задумываясь, поступили бы так. Но этот парень доверился ему, и в деловом, и в личном, и так обмануть его доверие (пусть даже ради его безопасности)?

Нельзя.

Нельзя обмануть его доверие.

Тупик.

А ведь защищать его нужно – младший Комин после убийства его отца и покушения на его мать явно под угрозой

– как единственный наследник огромного бизнес-состояния.

Но кто же охотится за Комиными? кто их уничтожает? И зачем? Ведь все началось с убийства Комина-старшего.

Впрочем, если понять «зачем», то станет понятно – «кто»

Как же поступить? Как защитить Комина-младшего – юношески гордого и самоуверенного? Он ведь как офицеры русской армии на германском фронте в 1914-м году – принципиально не надевавшие каски – и выкошенные немецкими пулями в первые месяцы войны.

Надо защитить Романа Комина даже вопреки ему самому. Пусть даже и обманом.

Белогоров отозвал приставленного им к Комину охранника – и дал указание с завтрашнего дня тайно сопровождать его другому охраннику.

Белогоров позвонил Костромину:

– Здравствуйте, Олег Григорьевич. Ваша бывшая жена так и не подала апелляционную жалобу. Со своим адвокатом она разругалась, к новому адвокату, видимо, не обратилась. Решение вступило в силу, бизнес Ваш.

– Спасибо! – обрадовался Костромин.

И тут же озадачился:

– А дети? Вдруг она заберет детей?

В этой фразе прозвучало все его отцовское беспокойство.

– Дети живут с вами, не выпускайте их от себя, и в ближайшее время начнем процесс по определению места жи-

тельства их в Вами.

– Спасибо!

Судьба детей явно беспокоила Олега Костромина больше, чем судьба бизнеса.

Роман шёл по улице. На машине он ездил в институт, ездил за покупками, ездил к друзьям, но все же и пешком он ходил довольно много.

Шёл он довольно быстро, чтобы ни с кем не пересекаться, но при этом без спешки, чтобы ходьба не мешала думать.

А думы навалились разные. Он не хотел становиться владельцем, или даже совладельцем бизнеса отца – ему это казалось чуждым (правда, при жизни отца он так и не решился сказать ему об этом). Деньги ему нравились – как любому парню в таком же возрасте нравились бы деньги. Конечно, ему нравилось то, что он может оплатить любые покупки и для себя, и для друзей, подруг, знакомых, приятелей.

Он не роскошествовал, не кутил, не бросался деньгами и не купался в них напоказ: такой период случился у него несколько лет назад, когда его имя даже попадало в скандальный раздел светской хроники, но потом отец провел с ним беседы, рассказал, как он зарабатывал те деньги, которыми швырялся теперь Роман, и на сына это очень сильно подействовало – он, что называется, «взялся за ум». В светской хронике он по-прежнему фигурировал – всё-таки он являлся сыном крупного бизнесмена, к тому же два года длил-

ся его роман с одной известной моделью, но он теперь посещал только солидные светские мероприятия – вроде благотворительных мероприятий и открытия выставок и картинных галерей; в ночных клубах и ресторанах он более не появлялся.

Но и это осталось позади. Уже примерно полгода он находился в поиске того, чем заняться в жизни. И ему очень помогали беседы с отцом.

Отец.

Неожиданно умерший.

Самый важный для него человек.

С детства Роман проводил с ним не так много времени, как хотелось, но зато когда отец мог провести целый выходной день с сыном, это становилось праздником для них обоих. В подростковом возрасте Роман жил сам по себе, с компанией друзей, в школе, вроде все шло нормально, и с отцом они общались реже. Потом отец ушел из семьи, стал жить отдельно; но он специально встретился с Романом – отвёз его в загородный парк-отель, с рыбалкой, бильярдом, боулингом и другими такими развлечениями, и там на второй день отдыха за ужином рассказал ему все – и почему он ушел от матери, и даже то, что у него роман с Ритой. И после этого они с отцом периодически встречались. Старший Комин рассказывал сыну о своем бизнесе, его устройстве, прямо говорил, что хочет приобщить сына к ведению дел и сделать своим преемником – и огорчился, что сын не проявлял никакого

интереса к занятию бизнесом.

Отец стал для него главным ориентиром: не отдавая себе отчета в этом, Роман подсознательно хотел быть похожим на отца. Неожиданная мгновенная смерть отца стала сильнейшим ударом для Романа – он не оправился от этого удара за все эти месяцы.

Встречались они с отцом, в общем-то – в тайне о матери (хотя она наверняка понимала, что они с отцом сохранили общение, но не мешала этому).

Мать.

Непредсказуемо противоречивая.

То строгая и требовательная – то любящая и заботливая.

Конечно – она любит его, своего единственного сына, конечно – заботится о нем, и временами она даже – всечутко-понимающая и все-очень-мудро-советующая. Но чаще всего она – строгая, требовательная, жёсткая, оценивающая, критикующая, недовольная им – своим единственным сыном – и любыми его словами, поступками, действиями, решениями.

Все свое детство он ругался с нею, они постоянно были «на ножах», «в контрах». То, что у матери появился новый мужчина, ещё больше отдалило их друг от друга. Но сейчас, когда мать оказалась в больнице, и они смогли спокойно поговорить, выговориться друг другу, он понял, что она действительно любит его – своего единственного сына – таким, какой он есть, и действительно по-своему желает ему добра.

И он понял, что внутри себя всегда относился к матери с любовью, без нежности – нежность она, как женщина волевая, все равно не принимала, и сына старалась воспитывать жестко – без сентиментальности («без соплей» – как она говорила).

Почему они не поговорили раньше? Почему нужно было, чтобы мать оказалась в больнице, и лишь тогда сын, придя проведывать ее, смог рассказать ей о своем отношении и узнать о ее отношении к себе? Почему лишь сейчас? Ну ладно, хорошо, что хоть сейчас.

Темнота.

Внезапно охватившая.

Полная тьма.

Все.

Через два дня нужно было подписать дополнительные документы, и Станислав стал звонить Роману, чтобы договориться о его приезде. Он всегда старался звонить ему сам, чтобы поддержать самоуважение молодого парня. Но телефон Романа не отвечал – он был наглухо выключен. Это сильно озадачило адвоката, и он поручил Алине каждые полчаса звонить на телефон Романа.

Вечером Алина доложила, что ее звонки оказались безрезультатными – телефон Комина по-прежнему не отвечал.

Белогоров обратился в партнерскую охранную фирму с просьбой начать неофициальные поиски Романа.

На следующий день звонок телефона оторвал Станислава от чтения проекта мирового соглашения.

Звонил Докин. Белогоров ответил.

– Здравствуйте, Станислав Владимирович. Тут такое дело... Я решил сначала Вам позвонить, до сообщения Юле... Тут записку прислали.

– Какую записку? о чем?

– Что Рома ... убит.

– Убит?

День остановился и выключился. Белогоров опасался прихода такого сообщения, особенно после того, как Роман отказался от сопровождения его охранником, но все же очень надеялся – очень-очень сильно надеялся – что обойдется без его смерти. Ведь он всего лишь пару часов находился без охраны! Но не все зависело от него. Он пытался заставить Романа ходить с охраной (а лучше – ездить на машине с охраной), но Роман, хотя и был напуган, всё-таки изображал бодрость духа, и потому отказался от охраны, а когда узнал, что по поручению адвоката охранник всё-таки сопровождал его – со скандалом заставил его отозвать охрану.

И вот теперь пришло то сообщение о его смерти, которого адвокат так надеялся никогда не получить.

– Что написано в записке?

– «Твой щенок сдох и ты сдохнешь собака».

– Как она попала?

– Письмо пришло сегодня, в конверте, отправитель из Москвы, какой-то Рокеров Б.Д. указан. Я сейчас пришлю Вам по Ватсаппу.

Докин сбросил звонок. Через 20 секунд пришло 2 сообщения, одно – с фотографией конверта, другое – с фотографией записки, где большими печатными буквами было написано

ТВОЙ ЩЕНОК СДОХ И ТЫ СДОХНЕШЬ СОБАКА

Случилось то, что Белогоров боялся.

Теперь Роман убит.

Станислав чувствовал свою вину и перед Романом, потому что не настоял на охране, и перед Юлией Валерьевной – что не уберёг ее сына.

Ее единственного сына.

Хорошо, что никто не знал о его неудачной попытке обеспечить охрану Роману.

Докин перезвонил. Белогоров сразу спросил:

– Когда отправлено письмо?

– Неделю назад. Я уже посмотрел на конверте.

Неделю назад. Значит, убийца заранее готовился, все просчитал, чтобы письмо поступило ровно на следующий день после того, как Роман перестал отвечать на звонки.

Кто он – это хитрый жестокий, хладнокровный и очень предусмотрительный враг-убийца, последовательно устра-

няющий всех членов семьи Коминых?

Докин тихо сказал, перекрывая слезы:

– Станислав Владимирович, что мне делать? Я сегодня вечером должен приехать к Юле, но ей же нельзя сообщать об этом – это же убьет ее!... Она же живёт ради сына...

Белогоров все это понимал: Юлии Валерьевне ни в коем случае нельзя было сообщать о похищении и убийстве Романа.

Докин продолжал:

– Но она же просила меня искать его, звонить ему, чтобы найти его. Как мне быть?...

Станислав собрался с мыслями – чтобы подавить свои переживания и успокаивать Докина.

– Виталий Павлович, нужно успокоиться. Даже если Вы промолчите об убийстве Романа, Юлия Валерьевна поймет, что что-то случилось, по Вашему беспокойному виду. И ещё – все равно нужно сообщить в полицию об этой записке. Я приеду за Вами через час – Вам удобно? – и вместе с Вами поедem в полицию.

Белогорову не нравился такой вариант, но другого пути не было: об этом письме о предполагаемом убийстве обязательно нельзя было не сообщить полиции, даже если это чей-то дурацкий розыгрыш. Он надеялся хотя бы задержать сообщение об этом письме самой Коминой, чтобы как-то ее подготовить – хотя бы врачей и медсестер позвать, чтобы они могли принять меры по ее спасению.

Станислав не мог даже самому себе сказать, что его беспокоит больше – судьба Романа или здоровье и жизнь его мамы. Но сейчас ответ на этот вопрос не был важен.

О том поиске Романа и его следов, который накануне начали сотрудники партнёрской детективно-охранной службы, в которую он уже много лет обращался при необходимости, он решил никому сообщать – ни полиции, ни Докину.

В любом случае результата поисков пока что не было.

В полиции все прошло труднее, чем Белогоров надеялся. Пройти в отделение все же удалось – тут сыграла нужную роль его известность. Но беседа с офицером полиции шла, постоянно заворачивая в тупики.

Тот выслушал и сказал:

– Так, я понял. Вы муж матери этого парня, но не отец ему, Вы отчим, так?

– Ну... нет, я не официальный отчим. Мы с Юлией Валерьевной не регистрировали брак.

– Значит, сожитель – так?

– Ну... ну... да. Ну... гражданский муж.

– Сожитель, – твердо подвёл итог уточнения полицейский. – Так, понятно. Письмо из почтового ящика Вы достали, так?

– Да.

– Так. А Вы, значит, – обратился полицейский к Станиславу, – адвокат и матери, и сына, так?

– Да. Так.

– И Вы узнали о письме от гражданина Докина, сожителя Вашей клиентки?

– Да. Виталий Павлович позвонил мне и рассказал о письме, прочитал его, а потом отправил фотографии письма и конверта.

– И Вы хотите, чтобы я возбудил дело по факту убийства, но без трупа, и не сообщал об этом матери предполагаемого убитого – то есть потерпевшей?

– Да. Все так, – подтвердил Станислав.

– Это невозможно. Либо мы возбуждаем дело и ищем труп и убийцу, но тогда мы обязаны сообщить матери этого парня, либо мы ничего не делаем.

Все трое помолчали. Докин вообще не понимал, о чем здесь идёт речь – нужно же как можно скорее начинать поиски.

Полицейский продолжил, с явным намерением выпроводить посетителей (особенно – такого известного, как адвокат Белогоров – его было бы особенно приятно выпроводить восвояси):

– А вы вообще понимаете, что вы оба сами можете стать подозреваемыми в убийстве?

Такого поворота в оценке событий Станислав не то чтобы не предполагал, но и не исключал, поэтому у него на этот случай была готова фраза:

– Вы ещё наличие организованной группы здесь усмотри-

те, и адвокат – как организатор группы.

– Хорошая идея! И теперь вы вдвоем делаете всё, чтобы мать парня не узнала о нем – сказал, полицейский, но Белогоров посмотрел на него таким взглядом, что он понял – развивать эту «хорошую идею» не стоит.

– Дело серьёзное – парня нет двое суток, а склонности к путешествиям и розыгрышам я за время работы по его делу за ним не заметил, – перехватил инициативу Станислав, чтобы вернуть посещение отделения полиции в правильное русло. – Хорошо, давайте сделаем так: я как его адвокат подам заявление на розыск, вы будете опрашивать его близких, начните с Виталия Павловича – Юлия Валерьевна все равно все эти дни провела в больнице, то, что она могла бы сообщить, я вам скажу, потом вы это у нее проверите. Но, товарищ капитан, я боюсь за Романа Геннадьевича – с ним что-то случилось. Он парень серьёзный, к розыгрышам не склонен, поэтому и его отсутствие, и это письмо свидетельствуют, что с ним что-то случилось.

На том и порешили.

Когда они вышли из отделения полиции, Белогоров сказал Докину:

– Может быть, Романа просто похитили. Юлии Валерьевне не будем сообщать.

– Да, конечно, – согласно ответил Докин. – Но что мне говорить ей, если она будет расспрашивать, нашел ли я его?

– Правду говорить – что пока Вы его не нашли.

– Здравствуйте, Юлия Валерьевна! – сказал Белогоров, заходя в больничную палату. – Как Ваше самочувствие?

– Здравствуйте, Станислав Владимирович! – ответила Комина, приветствуя его. – Я помню, что нам нужно обсудить процесс.

Белогоров прошел в палату, сел на стул и стал доставать из портфеля блокнот, когда Комина спросила его:

– А Вам Рома не звонил?

– Нет, – честно ответил Станислав.

– У него телефон не отвечает. Сейчас позвоню Виталию.

Извините...

– Да-да, конечно! – поспешно ответил Станислав. – Это подождёт.

Юлия набрала номер.

– Здравствуй. Да, это я... Да, знаю, что ты сегодня приедешь, спасибо. Нет, кроме того, что вчера говорила, ничего не нужно. Слушай, к тебе Рома не заходил? И не звонил? Просто он должен был мне позвонить вчера вечером. ...Ну да, мог и забыть. Но на него это не похоже. Слушай, зайди к нему на квартиру, может быть, он там, спит, или телефон разрядился. Зайдешь? Спасибо. Да, спасибо.

– Виталий ходит на квартиру Ромы и потом позвонит мне, – пояснила Юлия Станиславу.

– Да, понимаю.

Они начали обсуждать процесс. Минут через 20 на теле-

фоне Юлии Валерьевны раздался звонок.

– Алло... Да... Закрыто? А ты в квартиру зашёл? И там нет? А следов взлома нет? Нет впечатления, что кто-то вламывался в квартиру? Нет? Да, понимаю. Да, да – спасибо. И позвони мне тогда, хорошо? Сразу же. Да, понимаю.

Комина нажала кнопку и протянула телефон к тумбочке, и было видно, как дрожит ее рука.

– Ромы нигде нет.

Станислав быстро отложил блокнот, понимая всю серьезность этого сообщения:

– Юлия Валерьевна, я понимаю, что Вы подумали. Не торопитесь с выводом.

Юлия молчала. Воспоминание о нападении на нее саму было слишком свежо и ярко – оно просто пылало в ее памяти.

Но она сделала все, чтобы сосредотчиться.

– Да, я понимаю это. Рома наверняка забыл или потерял телефон. Может быть, он как раз пошел покупать новый аппарат.

– Да, именно так. Давайте подождем.

– Мы можем отложить обсуждение?

– Да, разумеется – да.

Белогоров упаковал блокнот и ручку в портфель и поднялся.

– Звоните мне в любой момент, по любому поводу.

– Я знаю, Станислав Владимирович, я знаю – спасибо!

Через два часа у Белогорова раздался звонок от лечащего врача Юлии Валерьевны:

– Станислав Владимирович?

– Да, это я. Здравствуйте, Людмила Константиновна.

– Если можете, приезжайте скорее – Комина без сознания.

– Еду! – ответил Станислав, решив, что причину узнает на месте, а по времени съездить в больницу он сейчас как раз мог.

– Что случилось? – спросил он у Людмилы Константиновны, войдя в палату реанимации, куда перевезли Комину.

Здесь же были и заведующий отделением, и заместитель главврача; врачи делали реанимационные действия.

– Видимо, она получила какое-то сообщение их передачи – когда медсестры прибежали на ее крик, продукты выпали у нее из рук. Мы положили все на тумбочку и ничего там не трогали.

Врачи и медсестры продолжали пытаться вернуть сознание пациентке, на которую так много бед свалилось за короткое время.

Белогоров подошёл к тумбочке и взял сумку. Там были только продукты. Осмотревшись, он увидел небольшой листок. Подняв его, он увидел подтверждение своих худших опасений:

ТВОЙ ЩЕНОК СДОХ И ТЫ СДОХНЕШЬ СОБАКА

– Кто принес передачу? – спросил Станислав.

– Не знаем. Ее муж каждый день по несколько раз приносит ей передачи, и мы и не удивились, – развел руками заведующий отделением.

– А кто принес в этот раз?

– Не знаем. На входе передачи складываются в тележку с номером отделения, и санитарка поднимает их сюда.

Белогоров хотел обратиться к Людмиле Константиновне, но она его опередила с ответом:

– Поезжайте, когда ей станет лучше – мы позвоним Вам. В конце рабочего дня обязательно позвоним, даже если улучшения не будет.

Станислав поблагодарил и вышел из палаты. В коридоре, идя к лифту, он посмотрел пропущенные звонки, по одному позвонил сразу:

– Привет, Серёж, да, видел, извини, не мог ответить. Да... О. А когда? Сегодня? Нет, сегодня, нет, извини, ну никак не могу. Да. Да, хорошо, звони. Да, пока!

Завершив этот разговор, он набрал номер сам:

– Виталий Павлович, ещё раз здравствуйте.

– Здравствуйтесь, Станислав Владимирович. Что такое? Что-то новое о Роме?

– Нет, новое о Юлии Валерьевне.

– Что такое?

– Ей в больницу прислали записку с таким же сообщени-

ем.

– Каким – таким?... Таким же?!

– Да, дословно такое же, как в том письме.

– Ну как же так! Как она сейчас? Я как раз собираюсь ехать в больницу.

– Не торопитесь – она без сознания.

– Без сознания? – голос Докина упал. – Ну как же так? Я сделал все, чтобы защитить ее – а этот гад все равно достал ее! Это тот же, кто прислал ей фотографию?

– Да.

– Станислав Владимирович, найдите его, пожалуйста, найдите, остановите его – он же явно не остановится сам. Что он ещё придумает?

– Не знаю, Виталий Павлович, не знаю. Надо искать и спасать Романа – если он ещё жив.

– Я очень надеюсь, что он жив!

– Да. Если что-то узнаете – сразу звоните мне – в любое время.

– Конечно!

Белогоров завершил разговор и крепко задумался. Никогда ещё у него не было такой ситуации, когда оба доверителя выпали из строя: один – исчез, и есть вероятность, что он мертв, другая – находится без сознания. Единственно что – в такой ситуации он мог совершенно свободно предпринимать любые действия, которые считал нужным в их интере-

сах, так как согласовывать эти действия все равно не с кем. Но, с другой стороны, это и повышало ответственность за такие решения.

Кто же тот таинственный злодей, который убил Комина-старшего, а потом преследовал его бывшую жену и сына? Он же явно хотел их убить, причем обоих.

Станислав не сомневался, что это один и тот же человек.

Ничего нельзя исключать, никого нельзя выводить из-под подозрения.

Конечно, он в самого начала подозревал Докина. Если бы он являлся официальным мужем Коминой, Белогоров заподозрил бы его первым – слишком очевидна его роль. Но их семейный союз не был зарегистрирован, и к тому же она подтвердила, что никакого завещания на него она не оставила – чтобы сын был остался ее единственным и бесспорным наследником. Не будучи мужем и не являясь наследником по завещанию, никак Докин не мог ничего получить от убийства Юлии Коминой и ее сына.

Вот под подозрением он – как и все вокруг этой ситуации – но мотива нет.

Поддельные завещания от имени Коминой бесполезны – при таком внимании к этим делам.

Топ-менеджеры компании, Рита Лирова и ее отец – они все под подозрением. Но Белогоров понимал, что Лировы уже сильно запуганы – Рита прямо сказала ему это; ее отец уже и не рад, что подделал завещание Комина.

А вот топ-менеджеры явно готовы на все, чтобы и долю в корпорации себе забрать, и Коминых устранить. Они вполне могли организовать покушение на всех Коминых – сначала Геннадия, потом Юлии, затем их единственного сына. И все – у Коминых нет наследников, поэтому дорога к завладению корпорацией открыта.

Но неужели они, топ-менеджеры, настолько обнаглели? Ведь сейчас стоило бы ему сейчас написать в заявлении о подозрениях в отношении того, что они организовали убийство отца и сына Коминых и покушение на убийство Коминой – и их тут же взяли бы под стражу как подозреваемых.

Но кто из них? Горохов? Испугается последствий. Томилин? Забоится даже задумывать такое. Бутов? Не способен сам такое придумать. А кто мог его надумать?

Да пример Коврова, еле выбравшегося из следственного изолятора и теперь сидевшего тихо дома, был весьма показателен для них.

Или все-таки Лировы? Неужели Борис Лиров ради богатства для дочери готов рискнуть свободой? Ведь сейчас, когда Роман Комин убит, Юлия Комина становится наследницей его, а значит – всего состояния Коминых. А Рита Лирова – ее ближайшая родственница, и, будучи ее двоюродной племянницей, в отсутствие более близких наследников является наследницей по закону. Так что же – Рита Лирова?

Не может быть.

Все может быть.

Слишком большое наследство открывается – поэтому Борис Лиров мог рискнуть. Может быть, даже в сговоре с другими топ-менеджерами.

Но – Белогоров хорошо помнил сбивчивый рассказ секретарши Валентины о том, по какому поводу встречался Геннадий Комин в день своей смерти. Кто был тот человек, который назвался его родственником? Ведь это был человек, незнакомый Геннадию Комину, но сумевший заинтересовать его рассказом об их родстве – и явно именно он отравил Комина во время их встречи.

Но кто он? Как его найти? Он ли убил Романа Комина? И какая опасность угрожает Юлии Коминой.

Очень много вопросов, и все пока что без ответов. А время идет – драгоценное время идет и уходит.

Телефон звонил настойчиво и бесперерывно. Не звонил – вибрировал на тумбочке: Белогоров либо выключал телефон вообще, либо – чаще всего – ставил на вибрацию. Звук вибрации через слух проникал в мозг, а там – в сны, которые снились ему; он не мог вспомнить, что именно снилось, но что-то сумбурное – ставшее ещё более спутанным и непонятным из-за того, что люди и предметы во сне в какой-то момент стали подпрыгивать от дребезжания.

Наконец Станислав проснулся и открыл глаза, сначала – мысленно, потом – реально. Крупно мигая и ввинчиваясь в реальную действительность, он понял, откуда идёт вибрация.

Он в таких случаях не ругался – понимая, что раз кто-то звонит, значит – нужно: номер его телефона не был широко известен, поэтому звонил, скорее всего, кто-то знакомый.

Взяв аппарат, Белогоров увидел, что было 4:37 и что звонит Людмила Константиновна – врач Юлии Валерьевны. Остатки сна вмиг растворились – понятно, что так срочно она могла звонить только в одном случае.

– Здравствуйте, Людмила Константиновна, – сказал он и тут же продолжил, – Не извиняйтесь, знаю, что Вы звоните по важному делу. Юлия Валерьевна?...

– Да, Станислав Владимирович. Юлия Валерьевна умерла 20 минут назад.

Даже зная, что Людмила Константиновна скажет именно это, Белогоров все равно замер. Непоправимое случилось, Юлии Валерьевны больше нет в живых.

В живых нет ни Юлии Валерьевны, ни Романа Геннадьевича – никого из тех, кто обратился к нему за помощью 10-го ноября.

– Спасибо, что позвонили. Буду в больнице через полчаса. Можно будет пройти в больницу?

– Да, я предупрежу охрану на входе – Вас пропустят. Через полчаса Станислав был в больнице. Туда же приехал Докин, которому он позвонил с этой новостью сам.

Виталий Павлович был бледен и молчалив; он смотрел в одну точку и ничего не слушал, и ни на что не отвлекался. Было понятно, что смерть Юлии Валерьевны – смертельный

удар по нему, он потерял ближайшего ему человека.

Белогоров, смотря на Докина, в полной потерянности сидевшего в коридоре больницы, понимал, что сейчас, когда Романа нет, а другие родственники Юлии Валерьевны даже не упоминаются, именно ему придется все организовывать. Поэтому тут же в больнице он согласовал все нужные вопросы (а утром попросил Веру заняться организацией всех мероприятий).

После этого он подошёл к Докину и расположился рядом с ним на скамейке. Оба молчали – Станислав и не хотел отвлекать Виталия Павловича от его печальных мыслей, и (вообще-то) не знал, как и – главное – что нужно сказать в такой ситуации. По счастью, Докин сам повернул голову в сторону Станислава и заговорил:

– Ее больше нет. Она умерла.

– Да.

Оба вновь замолчали.

Затем Белогоров, чтобы продолжить начатую и тут же пресекающуюся беседу, решил заговорить об официальных делах:

– Виталий Павлович, я понимаю, что Вам сейчас не до чего. Я организую все, что нужно, сам, и все Вам сообщу.

– Спасибо, – почти беззвучно сказал Докин.

– Давайте я отвезу Вас домой.

– Нет, не нужно, я сам доберусь. Вы и так много делаете.

– Тогда давайте мой сотрудник Вас отвезёт.

– Нет, не надо. Доберусь. Я пройдуся.

Белогоров понял, что Докин в таком подавленном состоянии, что может потеряться.

– Виталий Павлович, давайте хотя бы такси вызову Вам. Не ходите пешком. Ну не в том Вы сейчас состоянии, чтобы идти.

Докин согласился. Станислав вызвал ему такси, и через некоторое время он уехал. Перед отъездом он сказал, что обязательно соберётся с силами и придет проститься с Юлией Валерьевной.

Проводив Виталия Павловича, Станислав уехал из больницы, наскоро позавтракал в одном из кафе, в которые можно быть заехать и покушать гарантированно-быстро и бесспорно-вкусно, и поехал проводить встречи. Вера дала все нужные поручения сотрудникам, координировала их работу и сообщала все ему. Все нужные решения Вера сама принимала.

День прошел в заботах, встречах, переговорах, телефонных беседах, просмотре документов. Около шести часов вечера Станислав понял, что вот-вот уснет – и кофе ему уже не помогает. Как раз в этот момент к нему с каким-то вопросом зашла Вера. Заходя в кабинет, уже начала говорить «Слав, тут нужно решить, как поступить...», но, увидев его, почти уже засыпающего в кресле, она моментально сказала:

– Так, Слав, собирайся и езжай домой.

Видя, что он собирается возразить, и (по опыту долгих лет сотрудничества) зная, что он будет говорить, что нужно завершить дела, она решительно добавила:

– Все доделаешь завтра.

Станислав смирился. Он взял телефон и проверил ключ от машины. Вера тут же фразой, не предполагающей даже мысли о возражениях, сказала:

– Даже не думай сам вести машину! Где Михаил? Михаил!

С этими словами она вышла в приемную и сказала Алине:

– Так, найди Мишу, через 10 минут он повезёт Станислава Владимировича.

Вернувшись в кабинет, она сказала:

– Слав, по Коминой ни о чем не беспокойся – все организую.

Станислав кивнул – его действительно оставляли силы.

И хорошо, что Вера настояла на том, чтобы его вез водитель: на полпути он уснул на заднем сидении.

Когда водитель по приезде к дому разбудил его, он поднялся в квартиру, снял плащ и пиджак, потом присел в кресло отдохнуть – да так и уснул, сидя в кресле.

Разбудил Станислава настойчивый звонок мобильного телефона (засыпая в кресле, он даже и не подумал выключить звук).

Просыпаясь, он достал телефон со стола и посмотрел на дисплей. Время его не интересовало – он видел незнакомый

(неопределившийся) номер звонящего человека. Поскольку звонок все продолжался, он нажал кнопку приема:

– Да... Аллё... Слушаю...

А вот звонивший ему человек явно был бодр и строг, и слова его звучали жёстко и твердо:

– Капитан полиции Дмитриев. ОВД «Царицыно». Белогоров Станислав Владимирович?

– Да, это я, – несколько растерянно ответил Станислав, пытаясь окончательно проснуться ради явно важного звонка.

– Вам знаком Комин Роман Геннадьевич?

– Да, знаком, – уже уверенно ответил Белогоров, понимая, что звонок суперважный. – Я его адвокат.

– Хорошо, – голос капитана Дмитриева как-то немного смягчился. – Роман Комин находится у нас, он очень ослаблен, и у него травма головы, и мы отправим его в больницу. Он очень просил позвонить Вам.

– Товарищ капитан, Вы вызвали «скорую» – или сами повезете его?

– Нет, на «скорой» – чтобы зафиксировать его состояние. Врачи скоро приедут.

– Я буду у Вас... – начал подсчитывать Станислав, прикидывая расстояние от его дома до ОВД «Царицыно», – самое большее через полчаса. Попросите, пожалуйста, врачей дожидаться меня.

– Хорошо.

– Я смогу войти в ОВД?

– Скажите дежурному, что Вы к капитану Дмитриеву.

Белогоров за время телефонного разговора полностью проснулся. Роман – жив: это самое главное. Что с ним происходило – сейчас выяснится.

Поскольку одеваться не было необходимости, он взял телефон вместе с документами и ключами от машины и вышел из квартиры, тихо закрыв дверь, чтобы не разбудить Сашу.

До ОВД «Царицыно» он по пустым ночным дорогам доехал даже быстрее – за 25 минут. Машину, конечно, пришлось оставить за воротами территории ОВД. Через КПП он прошёл, сказав, что идёт к капитану Дмитриеву – дежурный позвонил и после подтверждения пропустил его. Он зашёл в дежурную часть – и увидел, что там как раз бурлила жизнь: полицейские пытались уговорами утихомирить группу подростков, явно взвинченных чем-то (надо отдать должное сотрудникам полиции – они все ещё пытались внушениями успокоить их), а в углу сидели двое протрезвевших и потому уже присмиривших мужика в трениках и майках-«алкоголичках», на каждой из которых были рваные следы драки.

Станислав пробрался к окну дежурной части и сказал дежурному сотруднику:

– Здравствуйте. Адвокат Белогоров, к капитану Дмитриеву.

– Это ко мне, – сказал сотрудник, подошедший в этот мо-

мент к дежурной части изнутри. – Пойдёмте.

Станислав пошёл за капитаном Дмитриевым. Он выглядел суровым и уставшим, но создавал ощущение надёжности. Было понятно, что он привык говорить короткими фразами, причем командными – приказными. Тем не менее сейчас он стал говорить не приказным, а информативным монологом:

– Роман Комин у меня в кабинете, он очень слаб. Врачи уже приехали, делают ему уколы. Патруль увидел его лежащим у дороги, думали – труп, оказалось – живой. Он был в сознании, назвал себя и сказал, что его похитили. По нему было видно, что он не пьян и не под наркотиками, поэтому патрульные привезли его сюда. Здесь он назвал Вас и написал Ваш телефон. Остальное Вы знаете.

Белогоров понял, что это все, что капитан Дмитриев может рассказать, но у него была своя информация для полицейского:

– Роман Комин действительно был похищен три дня назад, и в ОВД «Крылатское» открыто розыскное дело в отношении него.

– Вот как. Это Вам что ли удалось добиться, что розыскное дело открыли уже через три дня? – спросил капитан Дмитриев, и в его вопросе причудливо соединились раздражение и восхищение.

– Да, мне. На следующий день. Там было письмо и потом ещё сообщение по Вотсаппу о том, что его убили. Все бы-

ло адресовано его матери. Из-за этого она позавчера умерла. Роман ещё не знает о ее смерти.

– Вот как, – сказал капитан Дмитриев, и теперь в его голосе было сочувствие – жёсткое, скупое, чисто мужское – но сочувствие. – Ладно, я сегодня днём свяжусь с ОВД «Крылатское».

Они вошли в кабинет, Белогоров увидел двух врачей, и за ними разглядел Романа. Врачи уже сделали уколы и заканчивали оформление документов. Роман увидел его:

– Станислав Владимирович!...

– Да, Роман, я здесь, все нормально.

Понятно, что все как раз НЕнормально, так как Романа похищали, а его мама в это время умерла, и как сказать об этом ее теперь уже полностью осиротевшему сыну – напрочь не ясно. Но сейчас парня нужно было поддержать.

Врачи разрешили Белогорову ехать с Романом в карете «скорой».

Перед выездом он отправил сообщение водителю о том, откуда забрать машину (у водителя как раз на такой случай был второй комплект ключей от машины), и сообщение Вере о том, что Роман жив и что похороны, назначенные на завтра, нужно переносить.

Зная много лет Веру, Станислав был уверен, что она и без дополнительных вопросов все организует наилучшим образом.

Благодаря лекарствам Роман чувствовал себя бодрее и

мог говорить:

– Я шёл по улице, и кто-то закрыл мне лицо. Все – больше ничего не помню. Просыпался несколько раз в закрытой темной комнате, с головной болью, потом вновь отключался, голова сильно болела. Потом очнулся, лёжа на улице, на асфальте, поднялся, добрал до проезжей части, чтобы меня заметила полиция и подобрала, и снова отключился. Очнулся от того, что полицейские приводили меня в в чувство и спрашивали, кто я. Они привезли меня в отделение полиции. Там какому-то офицеру сказал про Вас и назвал номер Вашего телефона. Все – дальше Вы знаете.

– Молодец, ты все правильно сделал, – похвалил его Белогоров и осторожно похлопал по плечу.

Он интуитивно понял, что сейчас нужно перейти на «ты» – так слова лучше доходят.

В 13-й горбольнице они ждали на скамейке очереди. Врачи «скорой» оформили документы и уехали; Белогоров искренне поблагодарил их за то, как заботливо они врачевали Романа.

Поскольку они приехали на «скорой», их оформили в первую очередь.

В приемной нейрохирургического отделения, куда направили Романа, Белогоров уже попросил дежурного врача поскорее заняться его осмотром; он говорил так внушительно, что врач уже вскоре позвал Романа на осмотр. На время об-

следования Станислав уехал (водитель к этому времени приехал за ним к больнице), но через час вернулся. Врач как раз получил результаты анализов. Он сказал, что серьезных проблем со здоровьем у Романа вроде бы нет, но он очень сильно истощен, и нужно проверять голову – каковы последствия ушиба.

Поэтому желательно оставить его на два-три дня в отделении. Роман вопросительно посмотрел на Белогорова, тот уверенно кивнул, и Роман с медсестрой пошёл в палату; чтобы его никто не тревожил, Станислав обговорил госпитализацию Романа в одноместную палату.

Когда Роман с медсестрой ушли из холла, Белогоров сказал дежурному врачу:

– Дмитрий Владимирович, есть одно обстоятельство: пока Роман был у похитителя, умерла его мама – ей прислали сообщение о том, что он убит, и она не пережила этого. Отец его умер несколько месяцев назад. Роман не знает, что мамы больше нет – а мне нужно сообщить ему об этом, потому что послезавтра будут похороны.

Видя, что врач задумался, Станислав сказал:

– Сообщу ему об этом я сам – на Вас ни в коем случае не буду это переваливать. Но надо как-то подготовить его к этой трагической новости, дать ему заранее какие-нибудь успокоительные средства. Поможете?

– Да, это сделаем, обязательно, не волнуйтесь, утром передам все заведующему отделением – заверил врач.

Белогоров пошёл в палату, попрощался с Романом, сказал, что ближе к вечеру придет проведать его, и уехал.

Первые же заголовки утренних новостей приковали к себе внимание Станислава – ибо первой же строчкой везде было сообщение, что совершено нападение на Романа Комина, и он в тяжёлом состоянии без сознания был доставлен в больницу.

Днем в офисе Коллегии Станислав советовался с Верой, как ему лучше сообщить Роману о том, что его мама умерла. Вера прямо предложила свою помощь:

– Слав, давай я поеду с тобой и сама скажу ему об этом.

– Нет, сообщить ему эту новость нужно мне. Но как?

– Ну, выведи его на разговор о деле его мамы – и потом сообщишь ему о смерти его мамы.

– Да, попробую так сказать. Что с похоронами Юлии Валерьевны?

– Все организовано на послезавтра. Но без подсказок ее сына мы не знаем ее знакомых – чтобы сообщить им о похоронах.

– Понятно. Буду спрашивать Романа об этом.

В больницу он приехал в четыре часа пополудни. В отделении еще были и врачи, и медсестры.

Пройдя в отделение, Белогоров увидел высокого могучего человека в хирургическом костюме, который негромким

голосом давал указания медсестре и отвечал на ее вопросы. Увидев его, этот человек внимательно посмотрел на него и сказал, нараспев, как бы задумчиво растягивая слова:

– Эт-то Выы.

Станислава немного удивила такая реакция.

А богатырь между тем добавил:

– Я узнал Вас – Вы адвокат Белогоров. Ваш клиент с ночи лежит у нас.

Белогоров прочитал бэйджик – «Сытник Алексей Вячеславович, заведующий НХО».

– Пойдемте ко мне.

Алексей Вячеславович движением руки пригласил Белогорова пройти в его кабинет, там предложил ему кресло. Станислав передал ему свою визитку

– Станислав Владимирович, ну, новости у меня хорошие – МРТ головного мозга сделали, там все в порядке, но ушиб есть. Сейчас Роман Геннадьевич еще в реанимации. Головные боли купируем. Оздоровительная терапия, которую назначили Комину, дает успехи. Динамика положительная.

– Когда Вы сможете его выписать? На какой день назначать похороны его мамы? Так, чтобы он мог присутствовать. Но на самом деле важнее всего – его здоровье.

– Да, дежурный врач мне все передал. Никакой информации мы Роману Геннадьевичу не передавали. Охранник, которого Вы прислали, дежурит у палаты. Недавно ему вкололи успокоительное лекарство. Ну, хотя бы ещё день нужно

побыть у нас.

– Хорошо. Он в сознании?

– Да.

– Можно его посетить?

Доктор внимательно посмотрел на Белогорова:

– Я думаю, что Вам – можно.

Станислав поблагодарил и направился к палате.

Когда он подходил к нужной палате, как раз оттуда вышла молодая медсестра.

Видя, что Станислав направляется к той двери, из которой она только что вышла, она остановилась, развернулась в сторону Станислава и строго спросила:

– Вы куда направляетесь?

Медсестре было не более 25 лет, но голос ее прозвучал очень по-взрослому, причем не так, когда подростки стремятся, придавая себе значимость перед людьми, старшими их по возрасту, как можно серьезнее все говорить, а по-настоящему по-взрослому.

Она не изображала взрослость – она была взрослой, явно старше своих лет.

– Я к Роману Комину.

– Это реанимация, здесь запрещены посещения. Вы родственник Романа Геннадьевича?

– Нет. Я его адвокат, Белогоров Станислав Владимирович.

– Тем более – Вы даже не родственник ему.

– Но я получил разрешение от главного врача и заведу-

ющего отделением! – сказал Станислав, удивляясь, что ему удалось получить разрешения на помещение Романа у главного врача и заведующего отделением – и тут ему преграждает дорогу простая медсестра.

– Мне все равно, правила есть правила. Посещения в отделении реанимации запрещены. Покиньте отделение.

Станислав даже как-то немного подрастерялся – ну никак он не ожидал, что на пути к посещению Романа придется преодолевать такое неожиданное препятствие. Однако не в его правилах было подавлять авторитетом – он всегда старался договориться с людьми.

А медсестра продолжала:

– Если Вы не уйдете – я обращусь к охраннику.

А вот это дало Станиславу развернуть ситуацию:

– Это охранника поставил здесь я. Простите, как Вас зовут? – спросил он медсестру.

– Дубравина.

– А, простите, как Ваше имя?

– Ливия! – с нескрываемым вызовом ответила на этот вопрос медсестра, явно ожидая реакции собеседника – мол, «Какое у Вас имя странное!» – чтобы зацепиться за это и решительно выставить чужака как хама из отделения.

Но Станислав был другим:

– Какое у Вас красивое имя. Извините, не могу не спросить – а с чем оно связано?

Поскольку обычной обывательской реакции не последо-

вало, запал медсестры остался не востребованным, удивилась – и потому оказалась готова была ответить на вопрос Станислава:

– Мои родители работали в Ливии, и отцу очень нравилась эта страна. Я родилась как раз, когда они были там, и они решили назвать меня Ливией.

– Замечательно. Очень красивое имя – и прекрасная семейная история. Ливия, – обратился он к ней, показывая свое удостоверение и доверенность, которые ещё не успел упаковать в портфель после беседы с заведующим отделением, – я адвокат Романа Геннадьевича Комина. Именно я привез его в больницу. И мне очень важно, чтобы с Романом Геннадьевичем все было в порядке.

Последнюю фразу Станислав произнес с нажимом.

Медсестра молчала. Весь вид Станислава и то, как он говорил и что он предъявил, вызвали доверие.

– Сейчас Комин спит, – наконец сказала она.

– Хорошо, – согласился Станислав. – Ливия – можно я буду обращаться к Вам по имени?

– Да, хорошо.

– Можно я загляну к нему? Если он спит – я не буду его беспокоить.

Станислав протянул Ливии визитку:

– Я Белогоров Станислав Владимирович, вот моя визитка с телефоном.

– Я запомнила, как Вас зовут – Вы уже представлялись, –

не столько твердо-жестко, сколько официально-холодно сказала Ливия.

– Да, точно, – улыбнулся Белогоров. – Если что-то нужно будет – позвоните, пожалуйста. Ещё будут приходить из полиции – они начинают расследовать нападение на него. Пока же я договорился с заведующим отделением, что здесь будет охранник. Если полиция согласится взять Романа Геннадьевича под охрану – сотрудник полиции сменит этого охранника. Если же полиция не согласится охранять его – приглашенные мной охранники будут тут постоянно.

– Мне не нравятся посторонние люди в нашем отделении, – уже жестче сказала Ливия.

– Понимаю Вас, – согласился с нею Станислав. – Но нам всем нужно, чтобы Роман Геннадьевич был жив.

Станиславу очень нравилась эта медсестра – она была взрослее своих лет, она была серьезна и явно с волевым характером; кроме того, было очевидно, что она принадлежит к числу тех медсестер, которые знают не меньше некоторых врачей, и уверенно делают свою работу. Он подумал и добавил:

– На полицию я влияния точно не имею, а вот своих охранников предупрежу, чтобы они слушались Вас. И можно спросить Ваш телефон?

С некоторым сомнением Ливия продиктовала номер.

– Хорошо. Всего доброго.

С этими словами Ливия повернулась и пошла к сестрин-

скому посту.

Белогоров, подойдя наконец к палате, поздоровался с охранником, написал сообщение Вере с просьбой организовать похороны Юлии Валерьевны на послезавтра, открыл дверь и зашел в палату. Роман сразу увидел его:

– Здравствуйте, Станислав Владимирович.

– Здравствуй, Роман.

– Скажите, как мама?

Вот такой поворот беседы оказался неожиданностью для Белогорова. Он молча взял стул, поставил его перед кроватью, сел на него – и продолжал молчать.

Роман безотрывным взглядом смотрел на него, и Станислав понимал, что молчание нужно прекращать.

– Роман, у меня очень плохая новость, и я специально приехал сообщить ее тебе как можно аккуратнее. Твоя мама умерла, три дня назад.

Роман молча отвернулся к стене и затих. Белогоров не знал, что говорить дальше, но говорить нужно было обязательно.

– Тот, кто тебя похитил, прислал ей сообщение, что ты уже мертв. Это было вечером. Она потеряла сознание, и утром следующего дня, не приходя в сознание, умерла.

Роман по-прежнему молчал. Станислав говорил дальше:

– Похороны будут послезавтра. Если ты сможешь – поедешь на них, а я сам буду сопровождать тебя.

– Я обязательно поеду, – глухо произнес Роман, не поворачивая головы, и Станислав понял, что он беззвучно рыдает.

Он подошёл к Роману, легко тронул его за плечо и сказал:

– Держись. Все плохое, что могло с тобой случиться, уже случилось. Я поддержу тебя во всем.

Он увидел, что Роман едва заметно кивнул. Он помедлил – и как раз вовремя – Роман сказал:

– Я знаю, что Вы хотели спасти меня от такого покушения. Простите, что я упорствовал и отказался от охраны. Если бы я не отказался – мама была бы жива.

Белогорова очень тронуло это признание.

– Держись, парень, держись.

И повторил:

– Все плохое, что могло с тобой случиться, уже случилось.

И после этого он вышел из палаты.

Похороны Юлии Валерьевны были организованы по высшему разряду. Людей было немного; Станислав решил лично обзвонить всех подруг, друзей и коллег Коминой, которых ему называли Роман и Виталий Павлович. Все были потрясены; конечно, вызывало удивление и то, что звонит адвокат. Когда второй собеседник выразил удивление и смертью Юлии Валерьевны, и тем, что звонит адвокат, а не сын или Виталий Павлович, Станислав понял, что Комина как человек скрытный не распространялась о процессах, кото-

рые они с сыном начали, отстаивая свои законные права на имущество Геннадия Комина – и стал советоваться с Верой – как быть. Вера решительно предложила, что она возьмёт на себя эти звонки – и за полчаса обзвонила всех остальных людей. Она вела беседы так одновременно уверенно и тактично, что ее даже никто не спросил, кто она и почему звонит она, а не Роман.

В день похорон Белогоров сам привез Романа. Выглядел он сильно-ослабевшим, и Станислав хотел его поддерживать, особенно когда он пошатывался, но парень показывал, что справится сам, и явно раздражался из-за того, что ему хотят помочь, как будто он инвалид.

Это он ещё не знал, что Белогоров убедил начальника ОВД направить патрульную машину, чтобы охранять Романа как потерпевшего, на жизнь которого уже было совершено покушение, и более того – ещё и организовал присутствие нескольких охранников своего агентства по периметру кладбища, вокруг траурной церемонии.

Теперь Станислав уже не имел права рисковать, согласовывая все это с Романом. Поэтому ради его безопасности делал то, что считал нужным.

Докин смог найти силы прийти на похороны. Он приходил рано утром, пока ещё никого не было, попрощаться с Коминой, а потом приехал и на кладбище. Он едва держался – смерть Юлии Валерьевны его явно подкосила. Станислав, видя это, просил врачей «скорой помощи», которых он при-

гласил быть неподалеку, опасаясь за здоровье Романа, за Виталием Павловичем тоже приглядывать.

Сам Белогоров держался поодаль, чтобы не привлекать к себе внимание и не выпячивать свое присутствие.

Церемония была непродолжительной, но очень торжественной – как и должно быть, когда из жизни уходят такие скромные, но достойные люди, как Комина.

По окончании церемонии, когда все начали расходиться, Докин подошёл к Роману и крепко обнял его. Он был ему никем – даже не отчимом, но переживал за него как за родного. Он сказал ему:

– Рома, я сейчас уеду – сначала из квартиры твоей мамы, потом вообще из Москвы. Без Юленьки мне здесь делать нечего. Я напишу тебе, когда устроюсь. И телефон мой все тот же, ты всегда можешь мне позвонить.

Роман стоял и кивал. Потом он тоже обнял Виталия Павловича: он прохладно относился к нему при жизни мамы, но теперь он понял, что для мамы Виталий Докин был любимым человеком в последние годы ее жизни.

Как ни старался Роман держаться, здоровье его подвело: вечером дня похорон он явно был в предобморочном состоянии, поэтому Станислав уговорил его согласиться госпитализироваться вновь – на этот раз в частную клинику, где его никто не потревожил бы. При этом Станислав созвонился с Ливией и попросил ее сопровождать Романа в эту клинику и ухаживать за ним – потому что, памятуя встречу с нею, по-

нимал, что на нее можно полностью полагаться.

А сам Станислав вместе с сосредоточился на подготовке к решающему заседанию теперь уже по делу по иску Романа Комина.

А еще, когда позволяло время, Белоогоров прогуливался в районе главного офиса корпорации «ГенКом», надеясь, что близость места смерти Геннадия Комина поможет разгадать ее обстоятельства.

Утром следующего дня они с Верой за кофе обсуждали прошедшие похороны Юлии Валерьевны, она рассказывала детали подготовки, которых Станислав не мог знать.

Вера спросила:

– Слав, ты наследственное дело после Коминой уже сейчас будешь открывать?

– Да, сейчас. Помню об этом. Спасибо. Надо сейчас, чтобы никто не опередил, и чтобы потом не пробиваться, как у Мутновой.

– Будешь открывать у Академкиной?

– Ну а у кого же ещё? Конечно, у Академкиной. Я давно знаю Татьяну Алексеевну, что могу на нее полностью положиться.

– Если хочешь, давай я к ней с документами съезжу, – предложила Вера. – Она же меня хорошо знает.

– Спасибо, Вер. Но я постараюсь сам съездить. К Татьяне

Алексеевне нужно лично приехать – она дама очень строгая, – с улыбкой добавил Станислав.

– Это да, – согласилась Вера, – дама она строгая и с нею сложно. Но зато надёжно, потому что законно.

– Точно! – согласился, в свою очередь, Станислав. – Поэтому и работаю с нею.

В тот же день он позвонил нотариусу Академкиной. Звонил он из своего кабинета, и если бы кто-то смотрел на него в этот момент, он увидел бы, что известный адвокат Белоголов, набирая номер на телефоне и ожидая ответа, не встал, конечно, с кресла и не выпрямился по стойке «Смирно!», но явно собрался и сосредоточился; и уж точно он сидел в кресле ровно, а не оборачиваясь одним локтем на подлокотник.

– Здравствуйте. Слушаю, – раздался чёткий голос нотариуса Академкиной. Если бы не знать, что она сугубо гражданский человек и никогда не была связана с армией, можно было бы подумать, что она как раз всю жизнь провела на армейской службе (и явно достигла на ней больших высот).

– Здравствуйте, Татьяна Алексеевна.

– Здравствуйте, Станислав Владимирович. Что у Вас? Открытие наследства?

– Да, открытие наследства.

– Вашей умершей доверительницы, дело которой Вы вели в эти месяцы?

– Да, – подтвердил Станислав, немного удивленный осве-

домленностью нотариуса.

Но нотариус Академкина поняла это его удивление и сказала:

– А я слежу за Вашей деятельностью, репортажи смотрю, заметки читаю.

Станислав воспринимал все это совершенно спокойно, так как знал, что может полностью быть уверенным в доброжелательном отношении Татьяны Алексеевны.

Нотариус продолжала:

– Значит, наследственное дело нужно открыть?

– Да.

– Наследник – сын?

– Да, сын, Роман Геннадьевич Комин.

– Он единственный наследник?

– Да.

– У умершей родителей нет?

– Нет, оба родителя уже давно умерли.

– А она не замужем?

– Нет, официально она не в браке.

– Хорошо. Приезжайте. Нужно как можно скорее открыть наследственное дело?

– Да!

– Хорошо. Приезжайте завтра утром. Но Вы ведь не любите рано встречи назначать?

Станислав был очень тронут тем, что нотариус помнит эту его особенность:

– Да.

– Тогда приезжайте к 12 часам, я уже буду в конторе. Вы сами приедете?

– Да, разумеется!

– Хорошо. Сам наследник может приехать? Или его сейчас лучше не беспокоить?

– Пока лучше не беспокоить – ему очень тяжело даются эти дни.

– Хорошо, приезжайте без него.

– Спасибо!

По окончании беседы было слегка видно, что Станислав заметно расслабился, как по команде «Вольно!» – настолько беседа с нотариусом Академкиной сама по себе дисциплинировала. Но это нисколько не напрягало ее собеседников.

На следующий день Станислав в 11:50 припарковался у конторы Академкиной и ровно в полдень пришел в помещение конторы. Нотариус будучи в приемной, увидела его и сразу прокомментировала:

– Как Вы пунктуальны, Станислав Владимирович.

– Татьяна Алексеевна, к Вам нужно приезжать точно – как к руководителю высокого ранга.

– Ну проходите, Станислав Владимирович, руководитель высокого ранга даст Вам аудиенцию.

Уже заходя в кабинет, она крикнула сотрудницам:

– Вика! Принеси реестр заявлений об открытии наслед-

ственных дел.

Она смотрела на него привычным внимательным (даже острым) взглядом поверх очков, которые держались у нее на кончике носа. Взгляд у нее был пронизывающий, внимательно изучающий любого собеседника – это был профессиональный взгляд истинного нотариуса, привыкшего каждого человека проверять, говорит он правду – или лукавит, и понимать, если лукавит – то в чем. Тонкая, изящная, с великолепно уложенной прической, в прекрасно шедшем ей дорогом, но строгом деловом костюме, с точно подобранными украшениями. И внешним видом, и сдержанностью движений и слов она была похожа на истинную английскую леди – так, как для советских людей таким эталоном была Маргарет Тэтчер.

Татьяна Алексеевна приняла от Станислава папку с необходимыми документами, ознакомилась с ними и стала по компьютерной базе проверять, не открыто ли уже наследственное дело к имуществу Юлии Валерьевны. Белогоров, хотя и был абсолютно уверен в том, что не открыто, терпеливо ожидал проведения этой проверки.

Закончив проверку, Татьяна Алексеевна позвала помощницу, передала ей пакет документов и поручила подготовить заявление о принятии наследства, которое Станислав подписал бы как представитель Романа. Пока шла подготовка это-

го заявления, она спросила Станислава:

– Как Роман Геннадьевич?

– Плохо. Держится, но ему очень тяжело. За несколько месяцев он полностью осиротел.

– Понимаю. Без необходимости не привозите его сюда.

– Спасибо!

Белогоров ехал по Кутузовскому проспекту; как было почти всегда, машину он вел сам. В это дневное время поток шел насыщенно, но не напряжённо, поэтому он довольно быстро ехал, на пределе разрешённой скорости, и у него была возможность размышлять.

... Что-то не сходилось в деле Коминых. Станислав понимал, точнее, не понимал – скорее, чувствовал – что есть кто-то, кто стоит в стороне и влияет. Но кто это? и, соответственно, как его вычислить?

А вычислять нужно было как можно решительнее и быстрее – Станислав понимал, что тот, кто угрожал Коминой и довел ее до смерти, теперь по-прежнему опасен для ее сына. Кто? Почему? Где он стоит, где он прячется? И ведь он явно контролирует ситуацию – он заставляет играть по его правилам. Как его вычислить? И почему он так играет – похитил Романа, написал, что убил его – а потом невредимым отпустил его. Почему он так сделал? Нет ответов.

И один ли и тот же человек убил Коми́на-старшего, а потом покушался на его бывшую жену и их сына?

Поток машин ослаб, и дальше Станислав ехал, немного притормаживая, так как раздумывал, как ему ехать дальше – правой дорогой через центр или свернуть на набережную.

Очевидно, подумал он дальше, что злодей, играя жизнями Коминых, явно добивался того, чтобы Юлия Комина умерла первой, а сын пережил ее. Такое возможно лишь тогда, когда нужно, чтобы сын стал наследником матери, а потом самому стать наследником сына – иначе не важна была бы последовательность смертей Коминых. Но кто это мог быть?

Белогоров по-прежнему подозревал Виталия Докина – он всех подозревал. Но тот не был официальным мужем Коминой, и завещания она не оставила – вряд ли в такой ситуации Докин решился бы что-то фальсифицировать.

Оставались топ-менеджеры корпорации «Ген-Ком» – у них явно был мотив устранить и Комина-младшего, и его мать. Всю нужную информацию Станислав с Петром и Викторией уже сообщили следователям по обоим уголовным делам – и о доведении до смерти Коминой, и о похищении ее сына. Более того – топ-менеджеров уже вызвали на допросы и взяли с них подписку о невыезде, то есть еще один шаг – и они станут подозреваемыми. Они явно были напуганы; как стало известно Белогорову, Бутов еще хорохорился (да и с камерам следственных изоляторов он был знаком с горячей юности – бурно у него юность прошла), а вот Горохов и Томилины уже сильно трепетали от сознания того, что они выглядят явными выгодоприобретателями от устранения Ко-

миных – тем более при доказанности подделки договоров займа.

Лиров же, зная, что он фальсифицировал завещание, вообще был в прединфарктном состоянии, понимая, что Горохов и другие директора свалят все на него.

Ковров так вообще – так был напуган, что старался даже не показываться в окнах своей квартиры.

Но Белогоров понимал, что помимо предположения мотива нужны еще доказательства того, что нападения на Коминых – на всех троих Коминых – были организованы топ-менеджерами корпорации. Понятно, что всех этих директоров заключили бы как подозреваемых под стражу (хотя Станислав и не желал им этого – он вообще хотел бы, чтобы ни у кого не было уголовно-процессуальных проблем), но не факт, что они что-то рассказали бы – либо свалили бы все на Лирова. А сильные адвокаты довольно быстро добились бы освобождения их из-под стражи.

Ковров все-таки находился вне подозрения по поводу покушений на Комину и младшего Комина – так как все это время находился под стражей, а потом под домашним арестом, и явно вряд ли мог организовать ни покушение на Комину, ни похищение ее сына. А вот другие директора – да взять того же Бутова – подозревались в первую очередь.

Ну и потом – круто все-таки вот так вот взять и решить отравить создателя корпорации, с которыми они много лет работали, а потом – еще и устранить его бывшую жену и сы-

на, которые начали бороться за свои права.

Хотя – кто-то же из директоров сфальсифицировал те поддельные договоры займа, и все остальные поддержали эту идею, чтобы оттяпать часть корпорации себе.

Но ведь экспертиза выявит подделку.

Но нет ничего невозможного, так что все директора под подозрением. Интересно, кто конкретно из них предложил организовать покушения на Коминых.

Или все-таки какое-то стороннее лицо все это организовало? Ну ничего, решил Белогоров,ждемся показаний топ-менеджеров – появится ясность. Он как представитель потерпевшего будет плотно участвовать в этих уголовных делах.

На небольшой скорости он проехал ещё квартал, подъезжая к высоким домам-«книжкам» Нового Арбата, ради строительства которого был безжалостно уничтожен весь этот старинный московский район.

Неожиданно даже для себя он остановился; хорошо, что здесь остановка была почему-то не запрещена – забыли, наверное, повесить знак. Станислав припарковал машину, и какая-то мысль явно так сильно его вдохновила, что он машинально даже выключил зажигание. Потом он посмотрел в лобовое стекло, после чего открыл дверь, вышел, оперся на дверь и осмотрелся по сторонам проспекта.

Выглядело это, конечно, впечатляюще: солидно одетый мужчина остановил машину в неподобающем месте, вылез из

нее и стоит, растерянно оглядываясь по сторонам; наверняка кто-нибудь из прохожих подумал, что этот водитель не справился с управлением навигатором.

Станиславу было напрочь безразлично, что могли думать какие-нибудь прохожие, или проезжающие мимо водители – он-то знал, где находится. Он смотрел по сторонам все увереннее, явно что-то вспомнив. Потом он нагнулся в машину, достал телефон, и, опираясь на открытую дверь, стал звонить.

– Здравствуйте, Станислав Владимирович! Слушаю Вас! – ответил Петр еще быстрее, чем Белогоров успел его поприветствовать.

– Здравствуй, Петр. Дело есть. Важное. И срочное. Ты когда будешь в офисе? Хорошо. Приезжай и дождись меня, я буду минут через сорок.

Потом Станислав позвонил еще кому-то.

– Здравствуйте, это Белогоров. Андрей Алексеевич, мы можем на завтра перенести встречу? Спасибо. Во сколько договоримся? Да, замечательно, в это время буду у Вас в офисе. Спасибо. До свидания.

Вот насколько Белогоров выглядел растерянным, когда парковался и вылезал из машины – настолько решительно он сел за руль, завел машину и поехал. На Арбатской площади он лихо повернул направо, потом налево на Знаменку, выехал на Моховую, проехал, плетясь, Манежную, Театральную и Лубянскую площади, свернул на Маросейку – и

по ней и Покровке с максимальной допустимой скоростью помчался к офису.

После беседы с Белогоровым Петр собрался и тем же вечером выехал из Москвы.

Станислав задумался. Он смотрел в окно и о чем-то очень напряженно размышлял. Наконец, он взял телефон, набрал номер, приложил трубку к уху и стал ждать ответа – от того абонента, которого он вызывал своим звонком. Но было видно, что даже вызывая того абонента, Станислав сомневается, стоит ли делать этот звонок – и сильно сомневается.

Наконец, в трубке раздался ответ.

– Здравствуйте, Алексей Павлович. Это Белогоров... да, Станислав Владимирович. Здравствуйте! Алексей Павлович, можно приехать к Вам, посоветоваться?

И тут случилось то, что перевернуло ситуацию подобно песочным часам. Все, что сделали Станислав и его коллеги до этого момента – рухнуло и напрочь обнулилось.

Официальные новостные агентства, а вслед за ними неофициальные интернет-каналы сообщили о смерти Романа Комина.

Ничуть не удивительно, что эта новость вызвала ажиотажный интерес у публики. При всем том, что Станислав не стремился к публичности ни в своей практике вообще, ни в этом деле в частности (будет справедливее даже сказать,

что он стремился к НЕпубличности), обойти молчанием эти процессы было невозможно. Все-таки шел спор о наследстве создателя и главы крупной компании, и этот спор осложнился подозрением на насильственность его смерти, покушением на его бывшую жену и ее смертью. Молодые дамы бомонда (проще сказать – так называемые «светские львицы») уже рассматривали Романа как весьма перспективного жениха – наследство отца ведь он точно должен был получить. Поэтому они недовольно сетовали, что он такой нелюдимый и малообщительный (проще говоря – что с ним нигде нельзя встретиться, чтобы показаться ему и прилепиться к нему).

Поэтому иногда Станиславу приходилось давать интервью; он предпочитал либо отвечать на вопросы журналистов по телефону, либо получать от них вопросы по электронной почте и так же направлять ответы им.

Тексты ответов редактировала Вера.

Появляться в ток-шоу на телевидении Станислав отказывался категорически, и младшим коллегам запретил. Особенно этому огорчилась Виктория, потому что втайне она хотела бы появиться и выступить у Андрея Галахова в «Пусть не молчат!», куда ее уже несколько раз приглашали – но она разумеется, отказалась.

Однако теперь был особый случай – Станислав понимал, что по поводу неожиданной смерти этого доверителя он просто обязан дать комментарии всем журналистам, которые только смогут дозвониться до него.

Особый интерес вызывало назначенное на послезавтра заседание по делу Комина. Станислава спрашивали, как он поступит, являясь представителем Романа. Белогоров мог бы нагнетать туману, говоря «Будет заседание – все узнаете» – но подобный стиль интриганский был ему просто противен. Поэтому он говорил, что дело в ближайшем заседании будет вероятнее всего прекращено, если только не появится кто-то из родственников младшего Комина.

Когда звонили адвокаты другой стороны, он распорядился секретарю переключать их на Петра Игоревича, а тот четким военным слогом говорил им, что решение будет принимать Станислав Владимирович. Круг красиво замыкался.

Вопреки своему обыкновению Станислав даже предложил Вере организовать интервью с ним, причем сразу журналистам и «Коммерсанта», и «Ведомостей», и «Известий», и агентства «РБК» (поскольку дело касалось будущего крупной корпорации), и даже дал согласие выступить на ближайшем организуемом «Коммерсантом» круглом столе по проблемам наследственного права (что обрадовало организаторов даже еще более, чем удивило).

Но вот что не просто удивило, а шокировало – это его неожиданное разрешение Петру и Виктории принять участие в ток-шоу. Петр и Виктория бросили жребий, ей выпал Второй канал, ему – Первый. И Первый, и Второй каналы очень обрадовались такой возможности пообсуждать неожиданную смерть Романа Комина, быстро перестроили

свои планы и назвали темами ближайших популярных ток-шоу «Смерть на взлете» и «Не судитесь – да не умерши будете».

Рейтинги обоих шоу оказались одинаковы благодаря деловитому занудствованию Петра на Первом и яркости профессионализма Виктории на Втором.

В день судебного заседания Станислав вместе с Петром и Викторией приехали в суд заранее. Если бы они хотели, чтобы дело получило освещение в прессе, им даже не пришлось бы ничего для этого делать – журналисты уже столпились около входа в здание суда. Увидев адвоката Белогорова и его коллег, журналисты окружили их, но буквально через 2 минуты они стали расходиться с разочарованными выражениями лиц – потому что за эти 2 минуты адвокат Белогоров, отвечая на их вопросы, спокойно и размеренно повторил то, что говорил им в течение предыдущих дней. И ни словом больше.

Видно было, что журналисты ворчат, не переставая удивляться, что же это за адвокат, который отказывается от возможности покрасоваться перед телекамерами.

Станислав, Виктория и Петр прошли рамку на входе в суд, записались у пристава и поднялись на второй этаж. Адвокаты ответчиков уже были там, все с формальной вежливостью поприветствовали друг друга.

Эта вежливость не могла скрыть их ликование, ведь

смерть Романа Комина, не оставившего наследников ни по закону, ни, судя по всему, по завещанию, должна была рано или поздно привести к прекращению данного судебного процесса, с проигрышем которого они уже, видимо, смирились. И вот тут – такая удача: смерть истца. И никто ни в чем не мог подозревать их доверителей: раз уж адвокат Белогоров, поверенный Романа, твердо заявил об отсутствии признаков насильственной смерти своего доверителя – значит, так оно и есть. Дело будет закрыто. Поэтому они с явным сочувствием смотрели на Станислава, ведь он так рьяно вел этот процесс – который теперь неудержимо приближался к неожиданному-бледному бесславному для адвоката умершего истца завершению.

А на Станислава невозможно было смотреть без сожаления – он не мог скрыть своего огорчения тем, что вся так удачно выстроенная им система переговоров и судебных процессов растворилась, как сладкая вата во рту.

Адвокат Белогоров был настолько расстроен всем происходящим, что приехал в суд в черных очках. Некоторые журналисты поспешили прокомментировать это предположением о том, что Белогоров накануне крепко поминал свои провалившиеся планы.

С опозданием всего лишь на 7 минут секретарь объявила, что стороны по делу приглашаются в зал.

Черные очки Станислав снял только перед входом в зал судебного заседания. Лицо у него было сильно уставшее, он

выглядел явно невыспавшимся. Петр Михайлов и Виктория Матвеева выглядели получше, немного пободрее, но тоже – уставшими.

Вид всей их группы вызывал искреннее сочувствие у нейтральных наблюдателей, и плохо скрываемое злорадование – у заинтересованных лиц.

Когда они зашли в зал, Станислав увидел, что судья уже сидит на судейском месте – и все явно выжидательно смотрят на него. При всем том, что его действия в этом заседании были ожидаемо-очевидны, вот тут он решил не торопить события, поэтому вместе со своими коллегами расположился за столом, разложил бумаги (по привычке перевернув их тыльной стороной вверх), повернулся в сторону судьи – и точно так же стал молча смотреть на него.

Через 4 секунды такой сцены судья, поняв, что Станислав не хочет ничего нарушать в процессуальных правилах, объявил заседание открытым.

– Слушается дело по иску Комина Романа Геннадьевича к Маргарите Борисовне Лировой о недействительности завещания. Истец...

Тут судья не выдержал и, посмотрев на Станислава, проложил свою речь не в полном соответствии с Гражданским процессуальным кодексом:

– ... отсутствует. Представитель истца, – вновь взгляд в сторону Станислава, – адвокат Белогоров.

Станислав при этом привстал и слегка поклонился в сторону судейского стола. В руках он держал мобильный телефон; видно было, что он заметно нервничал из-за этого процессуального действия и той роли, которую он вынужден выполнять. Со стороны казалось, что он что-то пишет в телефоне, или даже играет в нем – от волнения. Судья хотел сделать ему замечание, но решил в таком положении, с учетом неожиданного поворота дела его доверителя, не проявлять к нему строгость, и сделал вид, что не замечает эти игры.

– Ответчица? Представители ответчицы?

– Представители ответчицы явились, – сказав, привставая, адвокат Долгорукиев. Он просто сиял от удовольствия, участвуя в этом заседании, и уже не мог скрывать своего ликования по поводу неожиданной победы в этом процессе.

Маргарита не явилась. Она звонила накануне Станиславу в надежде, что это какая-то шутка, или хитрость, и что Рома жив. Не получив ожидаемого ею опровержения того, что Роман умер, она разрыдалась. Как бы то ни было, они с Романом были родственниками, и в общении лично между ними сложностей не было. Трудно сказать, как сложилось бы их общение, если бы Рита стала мачехой Ромы, но – это не случилось.

А теперь и Рома умер.

Станислав сказал Рите не приезжать в заседание.

– Хорошо. У сторон будут ходатайства до начала судебного разбирательства?

Судья пристально взглянул на Станислава, и все в зале (кроме Петра и Виктории, спокойно и ровно смотревших прямо перед собой), не скрываясь, повернули взоры в сторону Станислава. Тут уж он не имел ни моральной, ни процессуальной возможности промолчать.

– Ходатайства, препятствующие рассмотрению дела, имеются? – спросил судья, явно напирая на слово «препятствующие».

Станислав помедлил, держа обеими руками мобильный телефон и всматриваясь в монитор, что-то прочитал в нем, потом вдруг решительно отложил телефон, встал и начал говорить:

– Уважаемый суд, ходатайствую о приостановлении производства по делу.

Парусекундное, но зато всеобщее замешательство стало ответом зала на это ходатайство. Адвокаты ответчицы забеспокоились: они ведь знали, что Белогоров никогда не отступает, поэтому понимали, что пока определение о прекращении производства по делу не вынесено и не вступило в законную силу, расслабляться не стоит – а ведь они уже радостно расслабились.

Судья преодолел шоковое состояние первым, но все же с нескрываемым удивлением спросил:

– Вы ходатайствуете о приостановлении?

– Да, уважаемый суд, о приостановлении.

– Не о прекращении?

– Нет, уважаемый суд, не о прекращении.

– Но почему? Ведь общеизвестно, что у Вашего доверителя нет наследников? – судья был так удивленно-взволнован, что материалы прессы стал толковать как общеизвестный факт.

– Уважаемый суд, у Романа Геннадьевича нет родителей, он не женат, и у него нет детей. Это так. Но у него могут быть боковые, более далекие родственники. И он мог оставить завещание. Поэтому я не могу утверждать отсутствие универсального правопреемства после смерти Романа Геннадьевича.

Адвокаты другой стороны так нервничали, что от напряжения стали раздражаться. Тут такая взвинченная ситуация – а Белогоров умничает и изводит их обозначением терминов из юридической теории.

Судья уточнил:

– Вы что-то знаете о его родственниках?

– Да, о родственниках – знаю. Ответчица по настоящему делу, Маргарита Борисовна Лирова, к примеру, его троюродная сестра – но его наследником не является, так как с позиции Гражданского кодекса России это родство не является основанием для призвания родственника к наследованию по закону.

Станислав должен был признаться хотя бы самому себе, что злорадственное самодовольство, распиравшее адвокатов ответчицы, когда они холодно и высокомерно приветствова-

ли его сегодня перед залом суда – его задело. Поэтому он не мог отказать себе в удовольствии немного потроллить их.

Но они и без его троллинга были одновременно и в раздражении, и в смятении и растерянности; некоторые из них побледнели; и все они подавленно молчали.

Это одинаково касалось всех адвокатов ответчицы.

Судья продолжил разбираться в неожиданном казусе:

– Но Вы можете назвать этих возможных наследников?

– Нет, уважаемый суд, не могу их назвать, так как не могу знать их. Но предполагаю, что они могут быть.

– Но мне нужны основания для приостановления. Кто-то должен заявить о процессуальном правопреемстве. Есть у Вас полномочие от правопреемника? – подозрительно, но одновременно с надеждой спросил судья Белогорова.

– Нет, уважаемый суд, таких полномочий у меня нет.

– Тогда суд, совещаясь на месте, вынужден отклонить Ваше ходатайство как, к сожалению, необоснованное.

Наступила пауза. Все переводили дыхание. Адвокаты ответчицы, несмотря на отклонение неожиданного ходатайства представителя умершего истца, даже не приободрились – настолько они были подавлены.

Станислав как-то встрепенулся и продолжил:

– Уважаемый суд, тогда я ходатайствую об отложении судебного разбирательства.

– На каком основании?

– Уважаемый суд, строго говоря, у меня отсутствует сви-

детельство о смерти моего доверителя. Поэтому – строго говоря – я не имею документов, чтобы объяснить отсутствие Романа Геннадьевича на заседании.

– Ну и что? Вы его представитель.

– Но если он умер, как об этом было сообщено, то моя доверенность утратила силу, и мои полномочия прекратились. Прошу запросить орган ЗАГС о регистрации факта смерти Комина Романа Геннадьевича.

Судья явно колебался. Зная адвоката Белогорова, он понимал, что тот ничего не делает просто так; и еще он знал, что адвокат Белогоров никогда не врет. Но тут вроде бы все знают уже – вся страна знает – что Роман Комин умер, и потому дело можно прекратить (и – списать в архив, как интересное, но, по счастью, незатянувшееся).

В то же время действительно никто из участников процесса документов о смерти истца не представил, а без них прекратить дело невозможно.

Судья как бы встрепенулся и сказал:

– Суд, совещаясь на месте, определил: ходатайство адвоката Белогорова, являющегося представителем истца Комина по ордеру...

Судья пропустил упоминание доверенности, но при этом явно сделал упор на упоминание ордера. Станислав слегка заметно наклонил голову в сторону суда.

– ... об истребовании в отделе ЗАГС информации о регистрации факта смерти Комина Романа Геннадьевича удовле-

творить. Разбирательство дела отложить на...

Судья полистал ежедневник и назвал дату. Все присутствующие напряженно молчали.

– Заседание закрыто.

Не дожидаясь соответствующего предложения секретаря судебного заседания, Станислав сам подошел и расписался в повестке; Петр и Виктория сделали то же самое, сохраняя абсолютно непоколебимо-спокойное выражение лиц.

После этого они втроем стремительно вышли из зала, не дожидаясь лифта, спустились по лестнице и вышли из здания суда. Журналисты, как ни старались получить ответ пусть даже мимоходом хотя бы на несколько вопросов – не получили никаких ответов.

Водитель, заранее предупрежденный, уже ждал неподалеку от лестницы суда, Станислав с коллегами быстро забрались в автомобиль – и, как только он тронулся, окончательно оторвались от возможной погони журналистов.

Ехали в сосредоточенном молчании.

Приехав к офису, они поднялись на 4-й этаж, зашли в офис. В приемной стояла Вера, явно ожидая их приезда, и, увидев Станислава, пропустившего вперед Викторию и зашедшего вослед за нею, коротко сказала, показывая в сторону одной из переговорных: «Он уже здесь».

Станислав молча кивнул ей, на ходу снял плащ, сбросив его на диван еще на выходе из приемной в кабинет, и стремительно направился к двери той отдаленной переговорной,

в сторону которой показала Вера.

– Здравствуйте, Виталий Павлович, – сказал Станислав, лишь заходя в переговорную, еще даже не видя, кто там есть.

– Здравствуйте, Станислав Владимирович, – ответил Виталий Павлович.

– Располагайтесь, – предложил Станислав, сам занимая место напротив гостя.

Виктория и Петр стояли в дверях. Станислав понял, что неожиданный гость будет чувствовать себя в их присутствии закрепощенно, поэтому, кивнув им, сказал, отпуская их:

– У вас работа по плану, как мы наметили.

Петр и Виктория закрыли дверь.

– Слушаю Вас, Виталий Павлович. Зачем Вы просили о встрече и просили отложить заседание ради интересов Романа Геннадьевича? Вы что-то знаете о его смерти? Вы подозреваете, что его мог убить кто-то, кто убил Геннадия Максимовича, а потом покушался на Юлию Валерьевну и похитил Романа? Сообщите мне об этом, давайте сообщим полиции.

– Нет, о его смерти я ничего не знаю, – в смущении от обилия вопросов сказал Виталий Павлович.

– Но Вы понимаете, как я рисковал, ходатайствуя об отложении судебного заседания без каких бы то ни было оснований? Что такого Вы можете сообщить мне важного, чтобы я для себя мог оправдать то, что не дал процессу завершиться сегодня? Вы что, не понимаете, что в случае смерти истца

без наследников дело подлежит прекращению?

Очень удивительно было видеть и слышать Станислава в такой ярости. Однако он настолько был напряжен из-за обрыва успешного проводимого дела, что у него не хватало уже сил сдерживать раздражение, сопутствующее огорчению из-за провала этого дела.

Наступило молчание. Наконец, Виталий Павлович приободрился и стал уверенно говорить:

– Дело в том, что наследник есть.

– Какой наследник? Чей наследник?

– Наследник истца.

– У Романа Геннадьевича есть наследник?! – непомерно удивился Станислав.

– Да.

– Нет! Его ближайшими родственниками были отец и мать, они умерли. Он не был женат, детей у него, насколько я знаю, нет. Или у него есть какой-то ребенок?

– Нет.

– А кто тогда? – громко недоумевал Станислав. – Родных братьев и сестер у него не было. Маргарита Борисовна приходится ему троюродной сестрой, она не является его наследником по закону. Кто этот его тайный наследник?

– Я.

Станислав совершенно шокированно молчал, смотря большим взглядом на Виталия Павловича. Докин – наследник Романа Комина? Он, который все это время был рядом

– наследник Романа?

Не верится.

Не может быть.

Это розыгрыш.

Все это легко читалось во взгляде Станислава.

Видя это, Виталий Павлович заговорил дальше:

– Я его наследник.

И не дожидаясь легко предполагаемого вопроса адвоката, он сказал сам:

– Я его двоюродный дядя, а это родство является основанием для наследования по закону.

– Вы??? Вы наследник Романа Комина? Вы его двоюродный дядя? – невыразимо-удивленно промолвил вопросы Станислав.

– Да, я. Я – наследник Романа Комина, – немного раздраженно сказал Виталий Павлович.

Вообще-то он рассчитал на более профессиональную поддержку известного адвоката.

– Но ... как?

– Я его двоюродный дядя. По линии отца, – сказал он предупредая следующий очевидный вопрос адвоката.

Лучше бы он пока этого не говорил.

– Вы двоюродный брат Геннадия Максимовича Комина???

Виталий Павлович начинал откровенно терять терпение; ну в конце концов, он не для того пришел к известному ад-

вокату, чтобы наблюдать его непомерное изумление. Что бы ни случилось, адвокат должен всегда оставаться хладнокровным и невозмутимым – что бы ни происходило вокруг него, что бы ни становилось ему известным.

– Да, я – двоюродный брат Геннадия Максимовича Комина. Следовательно, я двоюродный дядя его сына, Романа Комина, и поэтому, в силу отсутствия других наследников, являюсь его наследником по закону шестой очереди. Вот документ.

Он протянул Станиславу бумагу.

– Что это? – машинально спросил Станислав, беря документ.

– Это справка о принятии мной наследства – я вчера подал заявление нотариусу.

– Заявление о принятии наследства? – все так же растерянно проговорил Станислав.

– Да. И вместе с этим заявлением я подал документы о моем родстве с Романом Коминым, – уверенно и твердо сказал Виталий Павлович.

Он промолчал, и, видя, что адвокат держит переданный им документ и прямосмотрящим взглядом рассматривает его, продолжил говорить далее.

– Я – наследник Романа, и поэтому я хочу, чтобы Вы, Станислав Владимирович, продолжали вести тот процесс, который Вы ведете сейчас – уже в моих интересах. Его нельзя прекращать – Вы уже близки к победе. Я читаю заметки в

газетах про этот процесс, и знаю, что скоро может быть решение. Если допустить, чтобы этот процесс был сейчас прекращен, то и доказательства потеряются, и время будет упущено.

Станислав наконец-то оторвал взгляд от бумаги, которую держал в руках, и посмотрел на Виталия Павловича – таким же прямосмотрящим от растерянности взглядом, каким до этого смотрел в сторону бумаги.

Виталий Павлович тем временем продолжал. Думая, что адвокат неожиданно сомневается в себе, он посчитал нужным добавить:

– Я знаю, что Вы очень сильный юрист. Именно я нашел информацию о Вас и направил Юлю к Вам. Теперь Вы будете вести это дело в моих интересах. Никакого противоречия нет. О гонораре договоримся.

Станислав по-прежнему молчал. Виталий Павлович понял, что он обдумывает его предложение, и продолжал говорить убеждающе:

– Ни по закону, ни по этике противоречий нет: Роман умер, и Вы можете вести дело в моих интересах. Я читал кодекс адвокатской этики. Но важно уже сейчас подхватить дело. Поэтому я и написал Вам, поэтому и просил добиться отложения сегодняшнего заседания.

– Так Вы и за этим процессом продолжали смотреть, и все о нем знаете? – растерянно спросил Белогоров, как будто бы не слышал того, что ранее говорил его собеседник.

– Да, смотрел. Давайте ближе к делу, – вновь начал раздражаться Виталий Павлович. – Вы согласны вести это дело теперь в моих интересах?

– Я вел его в интересах Романа Геннадьевича, – задумчиво проговорил Станислав, как бы размышляя, – и сообщение о его смерти помешало мне выиграть это дело. Судья мог бы сегодня вынести решение – если бы не сообщение о смерти истца. И представители ответчицы обрадовались... Они, конечно, были бы счастливы получить сегодня определение о прекращении производства по делу...

– Так надо довести дело до победы!

– Да, надо... Столько работы проделано... Жаль все бросать, – продолжал рассуждать Станислав в растерянности.

Вид Белогорова показывал его полную расщепленность сообщением Докина (растерянность – это слишком слабое слово). Но как он мог предположить родство Докина с Комиными?

Что же делать?

Как ему теперь поступить?

Проделанную работу невероятно жаль потерять впустую.

Виталий Павлович понял, что Белогоров уже явно склоняется к согласию взяться за ведение дела теперь в его интересах – и хотел помочь ему принять это решение, как будто бы подхватывая внутренние мысли адвоката:

– Нельзя потерять эту работу! Дело будет приостановлено, так?

– Да, так. Будет приостановлено, – машинально ответил Станислав.

– Значит, главное – не дать делу сейчас прекратиться. Вы можете уже от моего имени подать заявление о процессуальном правопреемстве, и через шесть месяцев дело будет возобновлено – и Вы его выиграте!

– В Ваших интересах, – по-прежнему машинально проговорил Станислав, продолжая размышлять.

– Да, в моих интересах – как единственного наследника.

– А кто-то знал о Вашем родстве с Комиными?

– Нет, никто не знал.

– И Юлия Валерьевна не знала?

Виталий Павлович пожал плечами и как бы отмахнулся:

– Нет, она не знала.

– А почему Вы раньше не говорили о своем родстве с ее мужем?

– А зачем? Что изменилось бы?

– Но как же Вы вышли на эту семью? Это же так здорово – найти родственников!

– Ну, людей много. Есть и родственники.

– Но почему же Вы раньше это не раскрыли?

– Раньше я не был наследником.

Докин явно все сильнее раздражался задаваемыми ему вопросами. Он пришел к Белогорову не на допрос, а на деловые переговоры, а эти вопросы казались ему тем более неприятными как явно лишние.

Станислав помолчал, а потом его как будто бы озарило понимание – словно на него снизошло какое-то открытие, ранее ему неизвестное – и он громко сказал, отшатываясь и при этом одновременно как бы и спрашивая, и утверждая:

– Вы убили Романа Геннадьевича?!

Виталий Павлович поморщился:

– Нет, Романа Геннадьевича я не убивал.

– Но он же был препятствием!

– Нет, Романа Геннадьевича я не убивал, – повторил Виталий Павлович сосредоточенно. – Сообщение о его смерти оказалось очень своевременным.

– Вы убили Романа Геннадьевича Комина, как до этого убили Геннадия Максимовича Комина, – сказал Станислав упавшим голосом человека, которому открылась истина.

– Нет, Романа Геннадьевича я не убивал, – повторил Виталий Павлович, уже по-настоящему закипая.

– Вы убили Романа Геннадьевича Комина, как до этого убили Геннадия Максимовича Комина, – тоже повторил свои слова адвокат.

– Что Вы такое говорите? Вы с ума сошли? – с яростью спрашивал Докин.

Говоря это, он начал собирать со стола документы.

– Вы отомстили, – понимающим голосом догадался Белогоров.

– Что значит отомстил? – остановил Виталий Павлович сбор документов.

– Вы отомстили за деда.

– Что?

– Вы убили Романа Геннадьевича Комина, как до этого убили Геннадия Максимовича Комина, и тем самым отомстили за своего деда.

– Я не убивал Романа! – громко сказал Виталий Павлович, распаляясь.

– А Геннадия Максимовича Вы убили? Вы же ненавидели его все эти годы – и убили его. А сообщение о смерти Романа Геннадьевича избавило Вас от необходимости убивать его.

– Я не убивал Романа Геннадьевича! – всюду кричал Виталий Павлович.

– Но Вы убили его отца – Вы же хотели восстановить справедливость, нарушенную после смерти Вашей бабушки, Клавдии Филипповны.

– Я не убивал Романа Геннадьевича!!! Я не убивал его!!!

– Но его отца Вы убили.

– Нет!

– Убили.

– Нет!!!

– Убили – и отомстили за своего деда, Николая Кондратьевича, которого Виктор Константинович Комин свел в могилу, и за своего отца, Павла Николаевича, который оказался в детском доме, и ему не досталось ничего, а его брату Максиму Викторовичу досталось все.

Тут Виталий Павлович вскочил, отбросив собираемые до-

кументы и уже совершенно неконтролируемо крича:

– Да!!! Да!!! Я убил Геннадия Комина! Я! Я! Я убил моего двоюродного брата! Я убил Геннадия Комина! Да! Я отомстил за деда и отца! Да! Дед умер – спился и умер от огорчения из-за того, как Виктор Комин, первый муж его жены, после ее смерти лишил его всего! И все досталось только Максиму, а другой ее сын – его сын, Паша, остался ни с чем! И я отомстил за отца своего, которого, как сироту, после смерти отца отправили в детдом! А его брат жил все это время в довольстве!

Станислав выглядел шокированным подтверждением его озарения. Он был просто раздавлен. Как? Как он мог быть так слеп? Как? Как можно было все эти месяцы не замечать того, что Виталий Павлович всегда был рядом с Юлией Валерьевной и, соответственно, рядом с Романом. И ничто не подсказывало того, что этот человек как-то связан с Коминными, ничто не намекало на то, что этот скромный тихий заботливый малозаметный человек – не просто муж, или как-бы-муж бывшей жены Геннадия Комина. .

А глаза Докина разгорелись невероятно-огромной ненавистью от воспоминаний – и он по-прежнему кричал:

– Деду пришлось скитаться, потому что его обвинили в том, что он кулак и троцкист! Виктор Комин обвинил его! И он спасся только тем, что бросил сына и уехал в другую область, а там, устав скитаться, запил и умер! А сына его отдали в детдом, и он жил в детдоме!!! Вы знаете, что такое жить

в детдоме??? Нет – не знаете!!!! А он жил! А он выживал там! И его, как сына кулака, били там, издевались над ним! И он голодал! Там все голодали! Но он выжил! Он – выжил! И когда он стал взрослым, он хотел найти брата, но не смог. А брат его, Максим, жил припеваючи со своим отцом, ни в чем не нуждаясь! И мой отец хотел отомстить – и старшему Комину, и младшему – всем хотел отомстить! Но не успел! Но он мне все рассказал, и я поклялся отомстить! И я отомстил! Максима я достать не успел – так хоть до его сына добрался! Я убил Гену Комина! Да! Да! Я убил Гену Комина! Я встретился с ним в кафе – и отравил его! И он мертв! Он – мертв! Он – мертв! А теперь и его сын так к стати умер! Мне этот самодовольный щенок никогда не нравился. Но мне не пришлось его убивать – он сам умер!

Виталий Павлович заулыбался. Рассказ об успешно осуществленной мести явно вдохновлял его.

Но возбуждение его быстро стаяло. Мгновенно лицо его озадачилось подозрительностью:

– А откуда Вы знаете про мою бабушку, Клавдию Филипповну? про моего деда? про моего отца? Откуда Вы все это знаете?!

Теперь он начал терять терпение и раздражаться, но уже иначе – обеспокоенно, а Белогоров стал как раз совершенно спокоен – он заговорил ровным спокойным деловым голосом:

– Из документов, полученных в Вологодском областном

архиве. Ваша бабушка Клавдия Филипповна умерла в 1929 году, и у нее остались два сына – Максим семи лет и Павел двух лет. Ее брак с отцом Павла не был зарегистрирован, она хотела расписаться, ради него она ушла от мужа, Виктора Комина, но тот все тянул, не давал развода, уговаривал вернуться, даже с чужим ребенком, поэтому расписаться они не успели. Отцы ее детей забрали их к себе, отец Максима забрал себе все имущество, так как они с Клавдией Филипповной по-прежнему считались супругами; он был готов забрать и Павла, потому что по-прежнему любил свою жену, но отец Павла не отдал его и увез его с собой. Они были друзьями и любили одну женщину – Клавдию. Кстати, донос на него написал не Виктор Комин, а его сосед – это мы нашли в архиве ФСБ. Так что зря он всю жизнь ненавидел Виктора Комина – тот не виновен в его изломанной судьбе. Вот копии всех документов.

С этими словами Станислав достал из портфеля стопку бумаг и положил их на стол. Это были архивные справки, просто справки, ответы учреждений, копии свидетельств.

Виталий Павлович молча смотрел на эту стопку. Он не выглядел подавленным, и даже не выглядел удивленным. Все эти документы явно были знакомы ему, и ему незачем было смотреть их.

Он холодно размышлял.

Подняв взгляд от документов, Виталий Павлович посмотрел на Станислава. Станислав смотрел прямо на него. Оба

молчали.

Первым заговорил посетитель:

– Вы все знаете, – задумчиво, но все же утвердительно произнес он.

– Да, – ответил адвокат. – Ваше родство с Геннадием Максимовичем и Романом Геннадьевичем Комиными мне известно полностью, история двух семей – тоже. И то, как Вы убили Геннадия Максимовича – тоже знаю: Вы отравили его за ланчем, когда вызвали его на тайную беседу и, зная из многих его интервью, как он хочет найти родственников, рассказали ему о вашем родстве. Не знаю лишь того, как Вы смогли убедить его никому не рассказывать о Вас и вашей встрече с ним.

Виталий Павлович по-прежнему молча смотрел на Станислава. Взгляд его был полон ненависти, но ненависти теперь уже невозмутимой, ровной и ледяной. В какой-то момент Станиславу стало немного не по себе – он понимал, что посетитель сейчас в таком состоянии, что может его убить. Виталий Павлович тоже это понимал, но совершать убийство здесь, в офисе коллегии адвокатов, на 4-м этаже офисного центра в старинном здании в центре Москвы, фактически в окружении сотрудников адвоката, было нелепо. Поэтому он стал собирать свои документы, со своего края стола, говоря:

– Это все придумано Вами.

– Нет, не придумано, – спокойно возразил Станислав. – Официант, который обслуживал ваш столик, проспорил сво-

им товарищам – и был вынужден допить тот напиток, в который Вы налили яд. Его еле успели спасти. Хорошо, что он выпил совсем немного, и когда ему стало плохо, друзья-официанты сразу дали ему рвотное, а потом вызвали «скорую». Геннадия Максимовичу повезло меньше – он выпил много, поэтому и смерть наступила мгновенно.

– Это клевета! – невозмутимо парировал Виталий Павлович.

– Официант опознал Вас и Геннадия Максимовича по фотографии.

Виталий Павлович замолчал. Потом он продолжил собирать свои бумаги.

– Покушение на Юлию Валерьевну Вы совершили? – тут же спросил его Станислав.

Виталий Павлович молчал.

– Я не знаю этого точно, но предполагаю, что именно Вы пытались сбить ее тогда на пешеходном переходе, но она отвлеклась на вспышку какого-то света и вышла на переход на 2 секунды позже – поэтому Вы сбили ее, но не насмерть. А вспышка могла быть от Вашего же фотоаппарата, или телефона – это же Вы сделали фотографию ее на переходе, так?

Виталий Павлович молчал. Но по его виду можно было догадаться, что Станислав говорит все верно.

– Вы придумали замечательный план: Вы стали близким человеком для Юлии Валерьевны. Это было нетрудно – она соскучилась по мужскому вниманию и заботе, потому что

ее муж больше занимался своим бизнесом, чем ею. Немного комплиментов и заботы – и она влюбилась в Вас.

По мимолетно брошенному на него взгляду Докина Станислав понял, что все именно так и было.

Тем увереннее он продолжал свой рассказ:

– Убив Геннадия Максимовича, Вы уговорили ее начать борьбу за его имущество, так, чтобы она сама требовала себе долю в совместно нажитом имуществе, а Роман боролся за наследство отца. Затем, после начала судебного разбирательства, Вы, будучи вне подозрений, без регистрации брака с нею, устраняете Юлию Валерьевну, и все процессы будет вести Роман Геннадьевич как единственный наследник обоих своих родителей. А потом Вы устраняете Романа Геннадьевича и после его смерти наконец-то заявляетесь в качестве теперь уже его единственного наследника – чтобы завладеть всем наследством Коминых и тем самым отомстить им.

Докин молчал. Белогоров смотрел на него, выдаст ли тот себя своим возмущением или отрицанием. Но тот был непроницаем.

Но Станислав был абсолютно уверен в верности своего предположения:

– Чтобы добить мать, Вы оглушили и похитили Романа, и сообщили ей, что ее единственный сын убит – это же гарантированная смерть для такой матери, как Юлия Валерьевна. Так и получилось – мать не пережила сообщения о гибели ее единственного сына. Затем Вы выпустили Романа, чтобы

он стал правопреемником матери и обозначился в борьбе за все имущество своих родителей. И тут сообщение о подозрительной смерти моего доверителя.

Докин по-прежнему молчал. Однако Белогоров видел, что Докин молчит как человек, находящийся в шаге от достижения своей цели, и цена ее достижения для него не важна.

В голосе Станислава появилось сдержанная, но осязаемая неприязнь:

– Вы убили их всех ради завладения наследством – мотив очевиден: Вы всех устранили, чтобы отомстить им, а заодно уж стать наследником умерших или погибших Коминых – раз уж Геннадий Комин был богат.

– Я Романа Комина не убивал. Все остальное – Ваши придумки, – твердо сказал Виталий Павлович, уже совсем успокоившийся, собрав все свои документы и закрывая папку с ними. – А какому-то официанту никто не поверит, потому что Вы зачем-то все это придумали, да еще и лжесвидетеля привлекли. Сколько Вы заплатили ему? Я добьюсь правды – Вам не поможет этот лжесвидетель.

С этим упреком Виталий Павлович поднял папку и собрался идти к двери.

– Мне, может быть, не поверят. А Вам – поверят. Вы же уже все рассказали.

– Что?

Виталий Павлович остановился, не дойдя до двери, и повернулся в сторону Станислава. Станислав молчал, но чув-

ствовалось, что далее что-то должно произойти.

Через десять-двенадцать секунд, протянувшихся ооочень долго, открылась дверь, и в комнату вошли три человека: Петр, мужчина в мятом костюме, с уставшим строгим профессиональным взглядом, и парень, в котором Виталий Павлович сразу признал несуразного официанта того кафе. В коридоре за входящими он увидел еще наряд полиции.

– Да, это он, – сказал официант, показывая на Докина.

Мужчина кивнул. Виталий Павлович понял, что это – следователь, который расследует смерть Геннадия Максимовича.

Докин явно собрался с силами и сказал:

– Я не знаю, товарищ адвокат, что Вы тут задумали, но я – наследник Романа Геннадьевича Комина, против него я ничего не предпринимал, и поэтому с Вашей помощью или без нее, но я продолжу судебный процесс и получу его наследство. А там уже все поменяется. А на Вас я напишу жалобу, в адвокатскую палату, что Вы сотрудничаете со следствием – я знаю, что Вам как адвокату это запрещено. И с чего это вдруг Вы развели такую деятельность? Может быть, Вы уже сфабриковали завещание от имени Романа Геннадьевича на себя или на кого-то из своих людей? Я все оспорю!

– Не оспорите, – спокойно и твердо возразил Станислав. – И наследником Романа Вы не станете.

И добавил:

– И пожаловаться на меня Вы не сможете, потому что все это сделано по указанию моего доверителя.

– Что?

Станислав посмотрел на Петра, тот подошел к замаскированной двери, ведущей из этой комнаты в коридор с нестандартным входом, и открыл ее. За дверью открылась пустота: на пороге никто не стоял, и в коридоре никого не было видно.

И Виталий Павлович, и Станислав, и Петр Игоревич, и даже уставший следователь – все внимательно смотрели на эту открытую дверь, на этот потайной вход в офис. Понятно было почти всем в комнате, кто должен появиться, но никто не входил.

Первой вошла Виктория, наконец, к двери подошел Роман. Вела его Вера, за ним шла, едва заметно поддерживая его, Ливия.

Виталий Павлович смотрел на Романа вроде бы спокойно. Еще после упоминания Станиславом доверителя он стал догадываться, что Роман не умер, что Роман жив, но всем своим существом он отказывался верить в это. Но в это приходилось поверить: перед ним находился Роман Комин, его двоюродный племянник, живой, и необходимость наследовать его имущество на данный момент точно отсутствовала.

Он был жив.

Роман Комин был жив.

Сообщение о его смерти было грандиозной мистифика-

цией.

Виталий Павлович осел на самый ближний стул. Он молчал.

Потом он нашел силы глухо сказать:

– Вы не имели права так делать – Вы нарушили закон об адвокатуре, и теперь по моей жалобе Вас лишат статуса.

Отомстить, отомстить за нарушенные планы. Хотя бы адвокату отомстить.

На это Станислав спокойно возразил:

– Вы не правы в отношении нарушения законодательства об адвокатуре. Совет Адвокатской палаты Московской области разрешил мне все это сделать, – сказал Станислав, показывая Виталию Павловичу копию решения Совета, принятого по его обращению.

Докин замолчал. Запас его доводов исчерпался до дна. Услышанное, а теперь еще и увиденное им – победило его.

Роман тоже молча смотрел на него. Все было позади – смерть отца, нападение на маму, нападение на него, смерть мамы. Теперь больше не нужно прятаться, можно вернуться к нормальной жизни. Хотелось броситься и убить этого человека, лишившего его отца и матери – но душевные силы отсутствовали. И даже если бы и были, то ни отца, ни мать это не вернуло бы.

Да и физические силы отсутствовали: по Роману было видно, что он едва стоит, и в любой момент может упасть в

обморок.

Ливия стала крепче и бережнее поддерживать его.

В комнату вошли сотрудники полиции:

– Докин Виталий Павлович, Вы задержаны по подозрению в совершении убийства Комина Гэ Вэ и в покушении на убийство Коминой Ю Вэ.

Виталий Павлович совершенно не сопротивлялся, когда подошедшие к нему оперативники надели на него наручники. Потом он так же молча и покорно вышел за ними из комнаты.

В сторону Романа он упорно старался не смотреть.

Когда они вышли из комнаты, Станислав встал и решительно вышел за ними. В коридоре он позвал старшего из оперативников:

– Товарищ капитан!

Товарищ капитан от неожиданности вздрогнул – он знал, что задача выполнена, преступник («Да какой он подозреваемый! – резко говорил он вчера адвокату при молчаливом, но полном одобрении следователя. – Он преступник, он убийца! Его же свидетель изобличил? Изобличил. Все – в СИЗО!»), так вот – преступник задержан, все по плану.

И тут еще что-то.

Он притормозил и обернулся к адвокату:

– Что?

– У меня просьба: сделайте так, чтобы с гражданином До-

киным в СИЗО ничего не случилось.

– Это как?

– Чтобы он сам с собой ничего не сделал, и чтобы с ним никто ничего не сделал.

Последние слова Станислав особенно подчеркнул.

Капитан молчал. Белогоров повторил:

– Я прошу обеспечить полную безопасность Докина.

Капитан еще помолчал. Потом коротко сказал «Хорошо» и собрался повернуться и пойти за Докиным, следователем и оперативниками.

– Спасибо, – так же коротко сказал Станислав и протянул свою визитную карточку. – Вот мой телефон, если что-то нужно будет, позвоните, пожалуйста.

Офицер молча взял карточку и пошел.

Станислав понял, что слову этого сурового и жёсткого офицера полиции можно полностью доверять – и что с Докиным все будет в порядке.

Когда Станислав вернулся в комнату, там оставались Роман и Ливия. Вера пошла провожать следователя и оперативников. Петр и Виктория вышли в свои кабинеты.

Роман сидел на стуле, и отрешенно смотрел перед собой, молча. По нему было видно, что он опустошен всем произошедшим, что он плывет по течению. Точнее – что его несет по течению, а он и не знает, куда его это течение вынесет, и не пытается прибиться к берегу.

А еще точнее – что он даже не видит, где он плывет.

Ливия по-прежнему осторожно, но заметно-уверенно держала его за руку.

Увидев вошедшего Станислава, Роман поднял голову и спросил:

– Что с ним будет?

– Он подозреваемый, станет обвиняемым, уголовное дело будет расследовано, доказано, что именно он убил Вашего отца, его будут судить и осудят. Покушение на жизнь Вашей мамы тоже будет расследовано.

Все молчали.

– Что мне теперь делать? – наконец проговорил вопрос Роман, и не было понятно, спрашивает он это на ближайшие часы, дни или десятилетия.

– Жить, – коротко ответил Станислав.

И добавил, давая Роману установку на ближайшие десятилетия:

– Вам нужно просто жить.

– Петр! – позвал Станислав младшего коллегу.

– Слушаю! – подошел Петр Игоревич.

– Ты будешь представителем Романа Геннадьевича как потерпевшего в этом деле – чтобы моим участием не привлекать излишнего внимания к расследованию этого дела.

– Да, конечно, Станислав Владимирович.

Размышления Станислава прервал телефонный звонок.

– Аллэ! – ответил Станислав.

– Адвокат Белогоров?

– Да, это я. Слушаю Вас.

– Это капитан полиции Каменев.

– Здравствуйте, Виктор Борисович! Слушаю Вас!

Было очевидно, что капитан полиции Виктор Борисович Каменев явно удивлен тому, что адвокат выяснил и запомнил его имя и отчество – и удивлен приятно.

– Здравствуйте ... товарищ адвокат. – Я звоню сказать, что вчера умер Докин Виталий Павлович, причина смерти – острая сердечная недостаточность. Сердце у него остановилось, – пояснил капитан и продолжил, как бы оправдываясь, – Я всю возможную безопасность ему обеспечил, никаких покушений на него не было, и сосед по камере у него был хороший, спокойный, я попросил его присматривать за Докиным, чтобы он с собой ничего не сделал. Но – тут смерть от остановки сердца.

– Спасибо Вам, Виктор Борисович, я знаю, что Вы все сделали.

– Все. Здравия желаю, товарищ адвокат! – неожиданно-уважительно (как будто бы даже сам удивившись этому) закончил беседу офицер полиции.

– Здравия желаю, товарищ капитан! – в тон ему ответил Станислав. – Всего Вам доброго, Виктор Борисович!

После этого разговора Станислав позвонил Роману и договорился с ним о встрече – нужно было определиться, бу-

дет ли Роман заявлять себя как наследника своего умершего двоюродного дяди.

В его кабинет зашел Петр Игоревич, и Станислав сразу сообщил ему о смерти Докина.

Белогоров встал с кресла, подошел к окну, молча смотря туда. Потом сказал:

– Значит, сердце его не выдержало утраты мечты: он мечтал отомстить семье Коминых – но довести начатую месть не смог. Значит, его убило разочарование.

Помолчав еще немного, вернулся от окна к креслу со словами:

– Роману я сам сообщу эту новость. Вот ведь как получается: дядя Докин хотел стать наследником своего племянника Комина – а в итоге племянник Комин теперь будет оформлять наследство после своего дяди Докина.

Петр Игоревич спросил:

– Разрешите идти?

– Да, конечно. Доформи все бумаги, в связи с прекращением уголовного дела.

Он сидел в кресле и молчал. Он предполагал, что Докин долго не проживет – именно из-за разрушения мечты. Более того, он опасался, что из-за разочарования Докин в изоляторе может впасть в отчаянье и покончить жизнь самоубийством – поэтому он и просто капитана Каменева обеспечить безопасность Докина. Но смерть от естественных причин предусмотреть трудно.

Через два дня со Станиславом договорился об интервью журналист издания «Коммерсант», который все эти месяцы следил за ходом процессов, последовавших за смертью Геннадия Максимовича Комина. Белогоров предложил провести встречу и запись интервью в своем офисе, на что журналист радостно согласился.

Он задавал самые разные вопросы. Начал он издалека:

– Станислав Владимирович, как Вы думаете, что произойдет с остальными гражданскими делами, которые Вы ведете в интересах Романа Комина, после оживления уголовного дела, возбужденного после смерти его отца?

– Они будут продолжены обычным порядком. Заседание было отложено, сейчас, на ближайшем, назначенном заседании, будет заявлено ходатайство о назначении и проведении почерковедческой экспертизы.

– И Вы надеетесь выиграть эти дела?

– Да. Если бы в этом деле не было правовой позиции, я бы изначально не брался за него.

– А как Вы будете смотреть в глаза судье, когда приедете в заседание? Вы ведь обманули его, когда заявили, что Роман Комин умер. Или Вы сами не пойдете в заседание, направите туда своих подчиненных?

– А я не обманывал судью – я не говорил, что Роман Комин умер.

– Это как так? – неподдельно удивился журналист.

– Когда мы пришли в заседание, оказалось, что и судья, и адвокаты другой стороны уже знали информацию о его смерти. А я неожиданно заявил ходатайство об отложении.

– Не будет преувеличением сказать, что операция по внезапному оживлению Романа Комина стала событием года. Скажите, Вы уверены, что это было этично, морально?

– Не буду лукавить – у меня были сомнения в этичности. Но я обратился в Совет нашей Адвокатской палаты Московской области, изложил все свои соображения, и Совет выдал мне разрешение осуществить эту операцию.

– То есть Вы подстраховались?

– Да, разумеется. В соответствии с законом об адвокатуре.

– А как сам Роман Комин воспринял предложение сыграть роль умершего?

– К этому времени он уже находился в тихой частной больнице, так как было известно, что есть опасность для его жизни. Я рассказал ему все свои подозрения, показал полученные документы, предупредил его об этой опасности со стороны Докина, и потом рассказал свое предложение. Он согласился. Конечно, это решение далось ему нелегко, но он понимал, что это нужно сделать.

– А где Вы его прятали?

– Я не могу ответить на этот вопрос, потому что это охраняется одновременно и следственной, и адвокатской тайной.

– Ну понятно. Но есть вопрос, который хочу задать Вам не только я, но и тысячи юристов России, да и просто гражд-

дан: как Вы догадались, что убийца – Виталий Докин? Если я правильно понимаю, поскольку он не был официальным мужем Юлии Коминой, его трудно было подозревать. Кто Вам подсказал этот правильный ответ?

– Древний Рим.

Растерянность выражения лица интервьюера после этих слов трудно передать словами, очень хорошо подошел бы смайлик с вытаращенными глазами.

– Не понял...

– Понимаете, у меня есть давний друг, Сергей, мы с ним с первого курса учились в институте. Он увлекается историей Древнего Рима, точнее – генеалогией, родословием. Когда мы с ним встречаемся, за чашкой кофе, он рассказывает мне о своих изысканиях. Признаюсь, я далек от этой темы, но из уважения к тому, что интересно моему другу, я внимательно слушаю его. И вот однажды, когда я проезжал по Новому Арбату, мимо стоящих друг напротив друга домов, мне как-то сразу вспомнился один из его рассказов – про то, как отчим одного молодого знатного римлянина был одновременно его дядей: мать этого парня была замужем поочередно за двумя братьями, сыновьями одной матери, которые приходились друг другу еще и троюродными братьями. В общем, там все сложно. В этот момент мы вместе с коллегами думали, кто может быть заинтересован в смерти Юлии и Романа Коминых, причем так, чтобы сначала умерла именно Юлия Валерьевна, и лишь потом – Роман Геннадьевич, ведь

похитители или похититель Романа Геннадьевича не причинили ему никакого, абсолютно никакого вреда – его даже не били, только вырубали. Его похищением явно хотели довести его маму до сердечного приступа. Значит, злоумышленник рассчитывал стать наследником именно Романа Геннадьевича. К слову, именно поэтому сразу же после задержания Виталия Докина мы сделали все, чтобы были сняты все подозрения с Маргариты Лировой, которая была двоюродной племянницей Юлии Валерьевны. И оставался нерешенным вопрос – кто, доведя до смерти Юлию Комину, мог рассчитывать стать наследником ее сына. И именно в этот момент мне вспомнился тот рассказ Сергея. Мы стали официально, но незаметно собирать в архивах информацию о Виталии Докине. Когда неожиданно оказалось, что он является двоюродным братом Геннадия Максимовича Комина (у них одна бабушка – общая мама их отцов) – то с учетом того, что он никому никогда не говорил об этом родстве, стало понятно, что он неслучайно так скрытничает. И вот тогда уже стало очень тревожно за Романа Геннадьевича. Я обратился в Совет нашей Адвокатской палаты Московской области, получил одобрение так необычно защитить доверителя в сотрудничестве с полицией, и тогда мы рассказали о своих опасениях правоохранительным органам. Мы понимали, что как только появится сообщение о смерти Романа Комина, с учетом перспективы прекращения судебных процессов преступник вынужден будет рассекретиться. Так и получилось.

Все остальное Вы знаете.

– Потрясающе! – потрясенно воскликнул журналист, но тут же, спохватившись, что негоже прожженному журналисту показывать излишнее восхищение чьими-либо успехами, добавил – Да, это занимательная история.

Послесловие

В назначенный день суд вынес решение об удовлетворении иска Романа Комина о недействительности завещания. Маргарита Лирова пришла в суд и признала иск. Борис Лиров был счастлив, что благодаря признанию иска его дочерью отпала необходимость назначать почерковедческую экспертизу в отношении подделанного им завещания; он наконец-то вышел из предынсультного состояния.

Процесс о недействительности договоров займа завершился убедительной победой Романа при полном бездействии корпорации как ответчика.

Как стало известно Белогорову, директора корпорации были благодарны ему за то, что при первой же возможности он сделал все, чтобы снять с них все подозрения в убийстве Коминых; по состоянию на момент сообщения о смерти Романа следователи готовили ходатайства в суд о заключении директоров под стражу, и, зная об этом от своих адвокатов, директора были в предобморочном состоянии (только Бутов по-прежнему хорохорился, но даже он – как-то вяло) – и сня-

тие с них всех подозрений было для них истинным счастьем.

Поэтому они предпочли смириться и договариваться с Романом Геннадьевичем Коминым как новым владельцем контрольного пакета акций. По поручению Романа переговоры с собственниками вел Станислав (и переговоры шли очень гладко, тем паче что Станислав от имени Романа предлагал им очень взвешенные условия участия в управлении компанией); Роман всячески сторонился общения с людьми, с которыми его отец вел бизнес и которые радовались его смерти, но Станислав сказал ему, что он – единственный наследник отца и потому единственный его преемник в управлении бизнесом, и в связи с этим он обязан погружаться в обсуждение этих проблем. Поэтому со второй встречи он настоял, чтобы Роман вел переговоры вместе с ним.

Ковров был отпущен под домашний арест, и затем осужден за покушение на убийство и приговорен к условному сроку.

Все наследственные дела были своевременно оформлены.

Вера всегда заходила в кабинет Белогорова без стука – если знала, что он не ведет сейчас встречу. Их многолетнее сотрудничество позволяло ей так поступать (чтобы экономить время), и Станислав знал, что Вера никогда не злоупотребляет этим своим правом.

Так и сегодня получилось. Вера открыла в дверь кабинета, где Станислав что-то неспешно, раздумчиво печатал сейчас на ноутбуке.

– Слав, ты можешь сейчас выйти?

Станислав поднял взгляд на Веру:

– Да. А что случилось?

Вера загадочно улыбнулась:

– Не волнуйся, все в порядке. Выйди, пожалуйста.

Белогоров тут же выбрался из-за стола и пошел в холл.

Там были Вера и Алина. Не увидев никого, кроме них,

Станислав удивился:

– А зачем я здесь? Сюда выйти?

– Нет, спустись, пожалуйста, вниз, на стоянку.

– А что там? – реально удивился и даже немного поднапрягся Станислав.

– Все нормально. Иди, – с улыбкой сказала Вера, открывая ему дверь.

Белогоров настолько давно знал Веру и настолько абсолютно доверял ей, что любое беспокойство, недозволившись, сразу растаивало.

Станислав спустился по лестнице на улицу и прошел на стоянку, где увидел несколько машин.

Из одной машины вышел Роман и поприветствовал его. Белогоров направился к его машине. Пока он подходил, из машины вышла Ливия, и он радостно поприветствовал их обоих.

– Здравствуйте, Станислав Владимирович! Добрый день! – приветствовали его Роман и Ливия.

Они как-то загадочно выглядели.

– Так, что у вас нового? – заинтересованно спросил Станислав.

Он знал, что поженились – он был почетным гостем на их свадьбе (которую они отметили очень скромно) – но здесь было что-то еще. Ливия посмотрела на Романа, улыбнувшись ему, он в ответ счастливо улыбнулся ей, и потом он открыл дверь, а она нырнула в салон – и вынырнула оттуда с двумя детскими креслами

Белогоров искренне восхитился:

– Вы стали родителями!

– Да! – счастливо сказали Роман и Ливия, с любовью смотря друг на друга.

– Двое! – восхитился Станислав. – Кто – девочки? мальчики?

– Обе – девочки.

– Как назвали?

– Юлия и Клавдия! – с гордостью сказал Роман.

– То есть вы примирили историю своей семьи, – понимающе сказал Белогоров.

– Да, – ответил Роман, радуясь, что Станислав верно понял, почему именно эти имена он выбрал для новорожденных дочерей.

И добавил:

– Спасибо Вам. Вы помогли мне примириться с мамой, а потом спасли мою жизнь... Нет, не говорите, что это Ваша работа!

Роман и Ливия поставили детские кресла в салон машины и, обнявшись, вновь обратились к Белогорову. Теперь заговорила Ливия, смотря на Романа:

– Он теперь совсем другой, чем тогда, когда я увидела его в больнице. Он уверенный, заботливый, мне так повезло, что мы с ним встретились!

– Это мне повезло с тобою, Ливия!

– Я очень рад вашему союзу, – с улыбкой сказал Станислав, – и ещё больше рад, что у вас теперь родились дочери. Вы всегда можете рассчитывать на меня.

Роман с Ливией и дочерьми уехали – жить. Просто жить.